

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 5 | № 3
Volume 5 | 2019

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT.
SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 5. № 3. 2019

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 5. № 3. 2019

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель редакционной коллегии*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денч (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASIEVIC, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожмякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор филологического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы филологического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Факультета гуманитарных наук / Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Филологического факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Faculty of Humanities / the School of Philosophy, of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Пружинин Б. И. Преемственность как культурно-исторический ориентир научного познания	4	Prizhinin B. I. Continuity as a cultural and historical landmark of scientific knowledge	4
Базич Й. Реконструкция сербской национальной идентичности в XX веке	16	Bazich J. Reconstruction of Serbian national identity in the 20 th century	16
Масалов А. Г. Концепт соборности С. Л. Франка как основание социальной герменевтики	25	Masalov A. G. Frank's understanding of the concept of catholicity as the basis of social hermeneutics	25
Боровкова Е. Р. Лексический компонент «верх» в англоязычной и немецкоязычной картинах мира	32	Borovkova E. R. Lexical component "up" in the English-speaking and German-speaking pictures of the world	32
Азизов А. А. Оберег или крылья. Культ лошади в ферганской долине	39	Azizov A. A. Cult of the horse among the Uzbek people of the Fergana valley	39
АРХИВ		ARCHIVE	
Нуридинов Т. К. Дом просвещения Бухарской Народной Советской Республики в Москве (очерк истории)	46	Nuridinov T. K. House of education of the Bukhara People's Soviet Republic in Moscow	46
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Пенской В. В. «Рождение государства»: размышления над прочитанной книгой	51	Penskoy V. V. "The birth of the state": reflections on the book...	51
Парамонова С. П. Лаголово: жизненный мир петербургского пригорода. Размышления над книгой Е.А. Окладниковой «Социальная история птицефабрики "Лаголово" глазами местных жителей» (СПб.: Лесник-Принт, 2019. 454 с.)	73	Paramonova S. P. Lagolovo: The Life World of St.-Petersburg suburb. Reflections on the book of E.A. Okladnikova "The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents" (St. Petersburg: Lesnik-Print, 2019. 454 p.)	73
Вукчевич Н. Телевизионная трансляция литургии как поиск новой парадигмы обряда в книге Марияны Айзенкол «Церковь перед вызовами медиа (литургическая символика, перфомативность и медиаинтерпретация римско-католического богослужения)»	84	Vukchevich N. Television broadcast of the liturgy as a search for a new paradigm of the rite in the book "The church before media challenges (liturgical symbolism, performance and media interpretation of roman catholic worship)" by Marijana Ayzenkol	84

**ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES**

УДК 165.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

Пружинин Б. И.

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ОРИЕНТИР НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ**

Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва 109240; журнал «Вопросы философии», Нахимовский пр., д. 47, Москва 117418, Российская Федерация; *prubor@mail.ru*

Аннотация. В статье обсуждается комплекс методологических вопросов, порождаемых процессами фрагментации предмета научного исследования. Эти процессы захватывают сегодня различные области современной науки. Прежде всего, они обнаруживаются в междисциплинарных исследовательских программах, предполагающих участие дисциплин с различными языками и методами и, к тому же, ориентированных на прикладной результат. Кроме того, процессы фрагментации предметности возникают в исследованиях, выполняемых большими научными сообществами, то есть коллективным субъектом познания, где отдельный ученый имеет доступ лишь к отдельным частям (аспектам) изучаемого предмета и в силу целого ряда технических причин лишен доступа к познаваемой реальности в целом. Между тем, ученый, как это предполагалось фундаментальной установкой науки, должен критически относиться ко всему, что не может быть подвергнуто испытанию в его индивидуальных рациональных практиках. В современной науке изменились сами эти практики. Всё это стимулирует релятивизацию фундаментальных эпистемологических установок, размывающих самые основания культурного статуса науки. В статье отстаивается тезис о том, что противостоять этим веяниям можно, обратив методологическое сознание к культурно-историческим измерениям научной деятельности и акцентировав значимость лежащей в основании этих измерений идеи преемственности научного познания.

Ключевые слова: философия науки; преемственность; эпистемология; история; научное познание

Для цитирования: Пружинин Б.И. Преемственность как культурно-исторический ориентир научного познания // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

B. I. Prizhinin

CONTINUITY AS A CULTURAL AND HISTORICAL
LANDMARK OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow
109240, Russian Federation; Journal of Philosophy, 47 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418,
Russian Federation; *prubor@mail.ru*

Abstract. The article discusses a complex of methodological issues generated by the fragmentation of the subject of scientific research. These processes today capture various fields of science. First of all, they are found in interdisciplinary research programs implying the involvement of disciplines with various languages and methods and, moreover, oriented towards an applied result. In addition, the processes of fragmentation of subjectivity arise in research carried out by large scientific communities, i.e. the collective subject of knowledge, where the scientist has access only to certain parts (aspects) of the studied subject and, for a number of technical reasons, is deprived of access to the knowable reality as a whole. Meanwhile, the scientist, as suggested by the fundamental scientific attitude, should be critical of everything that cannot be tested in his/ her individual rational practices. In modern science, these practices themselves have changed, which is in the center of the attention of philosophers of science. All this stimulates the relativization of fundamental epistemological attitudes, eroding the very foundations of the cultural status of science. The article advocates the thesis that one can resist these trends by turning the methodological consciousness to the cultural and historical dimensions of scientific activity and emphasizing the importance of the idea of the continuity of scientific knowledge underlying these dimensions.

Keywords: philosophy of science; continuity; epistemology; history; scientific knowledge

For citation: B. I. Prizhinin (2019), “Continuity as a cultural and historical landmark of scientific knowledge”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 4-15, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-1

В современной науке всё чаще возникают ситуации, когда отдельный ученый работает лишь с фрагментом исследуемой предметной области. Причем такого рода фрагментация исследовательской деятельности становится сегодня, если угодно, трендом наиболее продвинутых направлений современной науки. А между тем, она порождает целый ряд весьма острых методологических проблем, затрагивающих самые основания научно-познавательной деятельности. В частности, ученый, работающий в рамках научного коллектива с отведенным ему фрагментом исследуемого предмета, как правило, лишен возможности

непосредственно оценить, насколько воспроизводимы, а стало быть, допускают критическую оценку результаты познания данной предметной области в целом. Ученый теряет ощущение соотнесенности получаемого им знания с реальностью; в его опыте знание *семантизируется* как некая конструкция, истинность которой как будто распределяется внутри научного сообщества и существенным образом зависит от его социально-прагматических доминант (Пружинин, 2019). Наличие разных научных коллективов (сообществ), исследующих данную область реальности, наличие разных концептуальных установок у раз-

ных научных школ и направлений порождает представление о релятивности знания, что в свое время прекрасно описал Томас Кун.

Особенно ярко такого рода эпистемологические ситуации проявляются в контексте прикладных исследований, требующих междисциплинарного взаимодействия (их удельный вес и значимость непрерывно *нарастают* в современной науке). Здесь фрагментарность исследовательской работы блокирует внутринаучную коммуникацию, становится своего рода экзистенциальным порогом самой ее возможности: возникают проблемы понимания, непереводаемость языков различных дисциплин и пр. (Galison, 2003; Пронских, 2018).

Подобные изменения, происходящие в различных научных практиках, методологически осознаются как проблематизация коллективного познания – науку словно бы покидает индивидуальный субъект познания. Не буду оспаривать неизбежность этого процесса. Но всё же думаю, что суть происходящих изменений не может быть сведена к одной только коллаборации. Очевидно, когда научная институция работает над заданной проблемой, предмет исследования в его целостности оказывается недоступным большинству участников проекта. Но это не означает, что каждого из них по отдельности можно просто игнорировать как индивидуального субъекта познания (во вполне традиционном смысле этого гносеологического термина). На мой взгляд, в таких ситуациях особое значение приобретает историческая определенность научной деятельности, компенсирующая ее нарастающую фрагментарность. В каждой частной познавательной ситуации, в так или иначе реализуемой конкретной исследовательской программе вполне возможно методологическое осмысление, так сказать, ее ситуативного историзма, ее внутренней исторической связности, программно задаваемого в ней исследования (даже в кратких пределах динамики ее ситуативной реализации). Там, где есть преемственность,

где в изменениях присутствует преемственная связь, историческое сознание дает себя знать внутри самого познания.

Сорок лет назад я написал статью о природе преемственности в научном познании социальных явлений (Пружинин, 1979); сегодня мне представляется, что многие ее положения вполне могут быть проецированы и эффективно использованы для методологического анализа проблем фрагментаризирующейся «коллективной науки». Поскольку наука ныне стала социальным институтом, осмысление преемственных связей внутри нее – необходимое условие для адекватного понимания проблем современной научно-познавательной деятельности. Прошлые состояния науки, во всей их совокупности, влияют на ее будущее; наука в ее институциональности предстает как деятельность сменяющих друг друга поколений с запечатленными в самой этой деятельности следами прошлого, или, иначе, – как познавательная реальность, современность которой всегда исторична. При этом институциональность науки не сводима к «чистой» социальности; науку в ее институциональной преемственности делают люди, отзывающиеся на прошлое, так или иначе идущие ему вослед. Поэтому и сорок лет назад, и теперь для меня важно констатировать, что «проблема влияния прошлого есть также проблема его осознания – проблема формы, в которой прошлое выступает в сознании людей как нечто необходимое и определяющее направление их деятельности» (Пружинин, 1979: 321–322).

Стихийно складывающийся тип такого влияния прошлого – традиция, или обычай. Рефлексивное, сознательное отношение к влиянию прошлого в науке с необходимостью полагает это прошлое как культурно-историческую реальность научной деятельности. А обращение к прошлому – исторически осознаваемая преемственность – в науке структурируется, прежде всего, методологически. Познавательные усилия ученых, создававших классическую механику,

являются методологическим условием появления квантовой механики и должны, так или иначе, осознаваться в качестве необходимых (культурно-исторических) условий динамики познания. История научного знания, научных личностей и форм мысли образует фактический континуум, в котором, на мой взгляд, только и становятся возможными современные фундаментальные научные разработки.

В методологическом самосознании ученых прошлое проступает как условие реализации их познавательных целей. Настоящее в их наличной работе обращено к прошлому как к некоему результату деятельности прежних поколений, который исторически рационализирует, делает «разумными» вновь возникающие цели научной деятельности, уточняет обстоятельства их достижимости (в чем, к слову, и заключается смысл фундаментальной экспертной оценки, направленной на осмысление перспектив прикладных междисциплинарных разработок).

Конечно, эмпирическая история науки отнюдь не линейна; будучи вполне «человеческой», гуманитарной, она воплощает и преобразует в нечто единое хаос индивидуальных волей. Вместе с тем, деятельная преемственность, создающая результативное целеполагание в науке, требует значительной личной концентрации. Безлично-формального, сугубо логического обоснования необходимости нового целеполагания недостаточно; имплицитные культурно-исторические начала прошлого в научном познании требуют развития некоторой целостной, если угодно, феноменологической аргументации – требуют осознания подлинно разумной, личностно достоверной необходимости следования вновь устанавливаемым целям. Прошлое здесь демонстрирует и благие последствия, наступившие в случаях следования истинным целям, и печальные – при следовании ложным. Собственно, сама преемственность и является феноменом индивидуального сознания ученого, в котором закладываются основания единства его «призвания

и профессии», смыкаются его исторически предположенная идентичность как ученого и понимание того, что ученые, стремящиеся к реализации определенных познавательных целей, не всегда действуют достаточно профессионально. Преемственность, таким образом, имеет ориентирующий смысл, является именно культурно-историческим ориентиром познания как деятельности, в которой истинные цели ученых существуют с необходимостью.

Надо сказать, что поиски исторической преемственности в научном познании всегда так или иначе присутствовали в философско-методологической рефлексии ученых. Мне представляется вполне актуальным последовать в размышлении об этом за обстоятельным, феноменологически осмотрительным Г.Г. Шпетом: *«История науки должна идти рука об руку с историей философии, и обратно. Но все же – это не одно, и они не должны сливаться. В Истории истории философии мы видели, как она выбрасывала целые отделы по мере того, как росла она сама, и в то же время самостоятельно росли эти отделы (истории наук). И эти отделы были: история физики, космологии, биологии, социологии, психологии. Но это выбрасывание не только результат естественного роста соответствующих наук, но и самой истории философии (вопрос объема), а и по существу: разница в методах! Она не заметна при сравнении истории философии с историей каждой отдельной науки, но заметна, если последние объединить – как одно: научная мысль вообще. Оказывается, что метод истории философии ближе к методу истории отдельной науки, например, к методу истории математики, чем к методу истории наук и научной мысли вообще. И это будет тем заметнее, чем меньше история философии будет отождествляться с историей метафизики. История философии как знание более подобна истории математики!»* (Шпет, 2010: 325). Таким образом историческая компонента, так или иначе, присутствовала в познании в разные периоды развития

науки, присутствовала в деятельности ученого с некоторой высокой методологической точностью, образуя по существу некое неустранимое основание его индивидуального сознания. И фактически, именно она всегда была культурным ориентиром личного участия ученых в познавательном процессе. В значительной мере она реализовывалась именно в философских формах, о чем, как показывает Г.Г. Шпет, свидетельствует и история науки, и история философии.

Напомню довольно хорошо известный пример: к середине XVIII в. естественные науки обратились к исследованию «истории природы»; прошлое проявляло себя здесь в виде некоторого ренессансного следа, – но как? Под «историей» Ж.-Л. Леклерк (Бюффон), французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель, автор «Всеобщей и частной естественной истории», понимал приходящее в единство множество прошлых представлений о природе – их систематическое умозрительное упорядочивание. Для античности было неактуальным сопряжение теоретического исследования природы («естественной истории») как субъективной данности в ее противопоставлении объективно существующей природе. Плиний Старший и вся античность созерцала сущность вещи как нечто «телесное», непосредственно необходимое в ее проявлениях. В новоевропейской культурно-исторической реальности науки, напротив, объект представал в некоторой «ясной и отчетливой» последовательности логических действий, которая предполагала объект исследования представимым в мышлении (сопряженным со схематическим представлением предметности, фиксирующим этапы и необходимое направление ее становления). Но это представление в мышлении оказывалось преображенным следом античной философии природы, предполагавшей бытие космоса, творящего самое себя и при этом остающегося неизменным. Обращение естествознания к «истории природы» возвращало сознание ученых к преемственности в развитии науки, к пониманию преемственности

предпринимаемых ими познавательных усилий. Прослеживание истории природы, в какой бы форме это ни происходило, ставило субъекта научного познания учитывать познавательные усилия предшествующих поколений, тех, кто собирал сведения о звездном небе, наблюдал эволюцию природных процессов и т. д.

Другой пример из того времени – исследование истории человечества. Эта исследовательская работа велась в довольно широком диапазоне – от сличения законов истории с законами природы (физико-механическими или даже физиологическими) до определения их в собственной их автономии, провиденциальной или духовной (Блез Паскаль, как известно, предполагал даже параллелизм закономерной истории человека в обществе и историчности человеческой судьбы). В этой сложной поисковой работе различные линии преемственности концептуально пересекались и наслаивались друг на друга. Реальность теоретического целеполагания естественнонаучных вариантов истории (естественнонаучного понимания ее законосообразности) перекрывала реальность целесообразного человеческого действия, блокировала научно-историческое осмысление его специфических оснований. Усмотрение естественнонаучно понятого закона истории, его необходимого характера, оказалось несовместимо с теми историческими свидетельствами, из которых становилось понятно, что люди делают свою историю сами (как это провозгласил Дж. Вико).

Много позднее значение истории в формировании сознания ученого отмечал В.И. Вернадский. Он акцентировал внимание на том, что познание природы есть дело коллективное, но этот коллективизм держится на исторической преемственности поколений, которые своим индивидуальным усилием накапливают знание. «Для историка знания – размышлял он – современный момент представляет тот же интерес и имеет то же значение, какое для астронома имеет небесное явление, раз в сотни лет повторяющееся; он имеет даже большее

значение, так как в краткой – в космическом масштабе – жизни человечества человек не может наблюдать эволюцию космоса; он может лишь воссоздавать ее с большим или меньшим успехом в своих космогониях. Человечество живет в одной из стадий меняющегося космоса; оно наблюдает повторение астрономических явлений только в пределах этой одной стадии: ему доступна лишь одна небольшая часть цикла меняющихся явлений. Наоборот, в эволюции научной мысли человечества можно наблюдать смену самих стадий, охватывать эмпирически всю область изменяющихся явлений целиком» (Вернадский, 1993: 540).

История философии прорабатывала этот «историзм» научного познания по-своему – в горизонтах рефлексии рациональности его предпосылок, приведения их к некоторой методологической очевидности. На институционально несводимые условия этой очевидности весьма отчетливо указывал Р. Декарт: «...мы лучше разьясим, какова вообще природа всех существ в мире вещей, если сможем вообразить некоторые весьма понятные и весьма простые начала, исходя из коих, мы ясно сможем показать происхождение светил, Земли и всего прочего видимого мира как бы из некоторых семян; и хотя мы знаем, что в действительности всё это не так возникло, мы объясним всё лучше, чем описав мир таким, каков он есть или каким, как мы верим, он был сотворен» (Декарт, 1950: 510–511). Апелляция к лучшей познавательной ясности связывается здесь с практиками воображения всеобщих исторических начал – «весьма понятными» и «весьма простыми» онтологическими допущениями, которые, между тем, противопоставались «описанию мира таким, каков он есть» и «вере в то, каким он был сотворен». Это противоположение вполне исторично: в нем переслаиваются, преемствуют друг другу и актуализируются различные прошлые состояния рациональности; при этом само прошлое не лишено доверия, а только поставлено под

вопрос. В границах некоей «догматико-рациональной» (К. Фишер) преемственности реализовывались новоевропейские, картезианские потребности теоретического исследования природы.

Исходным пунктом в философско-космогонической гипотезе Канта было явно сформулированное допущение необходимости действия законов механики и в тех областях, которые были в его время познавательно достигаемы лишь с высокой степенью условности и при некотором неявном согласии с уже известным. Инвариантность гипотезируемой Вселенной (в рамках некоторого правильного рассуждения о ней) являлась для Канта основанием допускаемой необходимости. Логически неопределимое, не сохраняемое как необходимое в своей содержательности, по Канту, «внеаучно»; при этом необходимость как инвариантность законосообразного является неким граничным условием научного знания.

Для современного естествоиспытателя очевидностью является историческая обусловленность законов, след прошлого в них. А будущие законы, как кажется, будут иметь иную, большую общность по отношению к исследуемому миру природы и миру знания. При этом искомый и познавательно обретаемый закон неизменен в логическом отношении, он с необходимостью сохраняет некоторую последовательность состояний объективированной природной реальности. Однако историзм этой очевидности скрыто натуралистичен: изменения объекта оказываются безоговорочно подчинены требованию сохранения присущих ему характеристик. В этом случае преемственность рационализируется как некая «трансцендентальная» форма необходимости – императив соблюдения рационально вышколенного целеполагания, следования известным разумным целям; отклонение же от известной, общепринятой линии рационального целеполагания оказывается следованием ложным целям, предрассудком или нарушением преемственности.

В «долгом» XIX столетии эта ситуация рационально переопределяемой преемственности становится, по существу, центральной проблемой *историзма* научного знания. Преемственность здесь связывается с потребностью в историзации научно-познавательного опыта, неким предпосылочным основанием радикализации субъективного момента в научном знании. А в основании радикализации этого момента лежало понимание недостаточности исключительно логических действий для оценки познавательных смыслов, вновь открывающихся в объективированном и вполне рациональном пространстве науки.

Натурализм, таким образом, являлся своего рода познавательным настроением, стилистико-эпистемологической установкой на преодоление субъективности, и обращение к прошлому здесь связывалось с необходимостью следования этой установке, оказывалось средством познавательного самоочищения субъекта и десубъективации закона. Но в результате в состоянии некоторого когнитивного напряжения попадало действие закона в истории и эмпирическая история науки. В эмпирической научно-познавательной деятельности преемственность исключает равномерное следование закону, который, предполагалось, определяет историческое движение науки в некотором ее теоретически представляемом целом. Под вопросом оказывалось, собственно, отношение теории и эмпирии, деятельный момент этого отношения и, соответственно, семантика его необходимости.

Между тем, исследование, которое относится к прошлому как некоему познавательному подспорью, ищет в прошлом инструменты для реализации повсюду рациональных, обновляемых или возникающих вновь, замыслов, преобразуется в исследование, имплицитно относящееся к прошлому некую субъективно значимую процессуальность – возникновение и развитие различных форм научного знания, которые возникают в констелляциях познавательных интересов ученых-исследователей. Эта процессуальность, в свою очередь, означает социальное

понимание науки как института, в котором в определенном отношении друг к другу находятся различные группы и лица – звенья целостного научно-исторического образования, смыкающиеся поколения. Так возникает новая историко-методологическая позиция: содержательность исследовательских устремлений, их собственная законность с необходимостью проступает сквозь процессуальность науки как переплетение связей и причинных отношений, проявляется и опознается как определенное историческое качество научного знания, с его имманентным «прошлым». «Прошлое», таким образом, собирается в некое целое социально-исторических предпосылок (из разрозненности предполагаемых свободных познавательных целей субъекта познания), что дает себя знать с некоторой новой исторической определенностью.

Потребность обращения к прошлому содержится в самой научно-познавательной *деятельности*; требование сохранять прошлое в его исторических следах и последствиях коренится в деятельно осуществляющейся идентичности ученых, в их деятельно разнообразных (в том числе жестких, конфликтных) соприкосновениях. Преемственность здесь можно усматривать как неявную культурно-историческую форму никем не отрицаемой необходимости деятельного научного познания – в субъективно прихотливых обращениях к прошлому, в своеобразных целях отдельных ученых, вытекающих из прошлого «истории», совмещающихся и конфликтующих друг с другом. Из этого, между прочим, следует, что и самому «действию закона» в *познаваемой* действительности (которая осуществляется в столкновении познавательных интересов) присуща именно культурно-историческая определенность. Неоднозначность действия закона является именно познавательным способом его действия, что ставит под вопрос натуралистическую концепцию закона в научном познании.

Обстоятельное осмысление трудностей, которые возникают при последова-

тельном принятии натурализма (натуралистической концепции закона), предпринял уже Им. Кант. Трактую познавательную глубину закона, он полагал, что ситуация *выбора*, которая возникает в отношении различных логически допустимых характеристик *закономерно* познаваемой реальности, требует учета всех параметров и условий того процесса, в котором эта реальность дает себя знать. Пытаясь осуществить это требование, исследователь всякий раз попадает в антиномический тупик и вынужден вводить критерий познавательной перспективы – *результата*, к которому стремится закономерно познаваемая реальность. Эмпирическое предположение неизменного закона достигает тем самым своей полноты в мысленной реконструкции истории познаваемой, объективируемой реальности. Имманентное целеполагание, которое мотивирует натуралистическую концептуализацию, позволяет учесть в некотором систематическом, эпистемологическом единстве *практику деятельного и действительного воссоздания* той познаваемой реальности, которая была объективирована при помощи натуралистической концепции закона познания. Природа, которая рассматривается с точки зрения целого, требует единства целеполагания. Категория цели, по Канту, является надлежащей перспективой нашего разума, который осмысливает в некоторой прямой или обратной, трансцендентальной последовательности связность всех вещей в мире. Перспектива этой связности определяется исторически – в ходе ее полагания объективируется историческая мерность познаваемого и познания, единое историческое направление изменений познаваемой реальности.

Целеполагание отнюдь не замещает и не исчерпывает основания продуктивного научного исследования, но уточняет его историчность как становящегося познаваемого целого, которое, строго говоря, не доказано с необходимостью, а предпослано – является следом некоторой прошлой рациональности (предполагает некий закономерный результат там, где он *должен*

быть). Это, разумеется, исторично, но Кантово размышление об этом позволяет обнаружить не только то, что мысль о целостном познании находится на границе с вне-научным предположением целостности бытия. Здесь есть и другое: в деятельности познающего субъекта обнаруживается неустранимый нормативный момент – целесообразная познавательная деятельность заключает в себе человеческое «воление» реальности, открывающейся в ее специфическом становлении (как познавательное становящееся целое). Исследуя эту *идею*, ее принципиальную преемственность (или логически верифицируемый историзм преемственности), Кант от указания на историзм необходимости, выступающей в сознании ученых, переходит к осмыслению того, как *практически* действует необходимость в истории по мере ее познавательной объективации. Эта необходимость не принадлежит всецело субъекту познания как подбаивающая ему его трансцендентальная граница. Субъект познания, пытливый теоретически, допытывающийся до некоторого трансцендентально необходимого, изначально помещается в некотором игровом, «сферичном» пространстве целеполагания. Практика, таким образом, обеспечивает полноту целеполагания – «идеальную» сферу, в которой распределяет свои познавательные силы познающий субъект. Он находится в некоторой свободной позиции по отношению к целям природы, которые он с необходимостью предполагает; и его мышление, адресующееся к необходимости, таково именно потому, что оно не может в своем развертывании охватить природу как целое, но полагает ее как некую направленную рациональность. Необходимость как бы компенсирует недостаточность теоретического разума, обращая его к объективируемому содержанию сознания, способствуя преодолению его субъективной ограниченности.

Субъекту познания жизненно присуще, «прирождено» умозрение – способность усматривать, укреплять и развивать в своем сознании целостное представление

о реальности. Такая теоретическая позиция, в свою очередь, становится возможной по мере преодоления субъектом познания своей ограниченности благодаря своему субъективному целеполаганию («отражению» объективного целеполагания в сознании своей ограниченности). Эта экзистенциально подвижная субъективность в эмпирической истории познания может выглядеть как некое особое ее основание – релятивность. Но, возможно, лучше, следуя Канту, отнести к этой релятивности как эпифеномену идеального «целеполагания», как стилистическому моменту практической сферы свободного целеполагания. Субъект познания различным образом стремится к природному целому, выявляет его через уточнение объективных целей природы. Но эти различия в позиции субъекта не бесконечны; они имеют свою трудноопределимую меру познавательного настроения – как минимум, некоторый эпистемологический стиль, который позволяет направить познание на неизменное, на «закон» или «план» природы. И только в той мере, в какой удастся это сделать, свойственное субъекту познания свободное целеполагание отливается в идею логической необходимости, которая позволяет мыслить теоретически конкретно и целостно. Исторически необходимое, преемственное само по себе не может быть помыслено как чистая объективация; напротив, оно может быть только предположено – в способности познающего ставить цели, или, иначе, организовывать объективное содержание своего сознания в некоторых порядках преемственности. Все это как раз и предстает в виде «закона истории», который имеет общий вид опыта, открывающего для субъекта некую принципиальную возможность выбора направления действия, преемственного и вольного стремления к познавательно необходимому.

И. Кант отнюдь не натуралист; но он далек от того, чтобы отнести к натурализму наивно – связать его некоторым преодолеваемым прошлым, линейно и т.п. Его исследование натуралистической позиции

последовательно стремится к тому, чтобы выявить «закон истории» натурального мышления как некоторое положительное методологическое условие опыта, в котором отождествляется содержание закона и содержание познавательно деятельного сознания. Это содержательное тождество – область преемственной встречи целеполагания с необходимостью. Субъект познания не может воспроизвести содержание «закона истории» в некотором эмпирическом целом; он вынуждается к свободной постановке своих целей, которые, таким образом сплываясь, ограничивают эту свободу.

В этом контексте уместными (и актуальными) становятся рассуждения Гегеля, решившегося помыслить эмпирическую историю как вторичную по отношению к «реальной историей», совпадающей с «реальным познанием» (самопознанием). Эмпирическая история, как поясняет это Гегель, стремится к необходимости только в некоторых своих состояниях, и только в этих состояниях она реальна, обращена к некоторой полноте историчности субъекта познания, осуществляющего себя в наличной (глубинно своей) перспективе духовно сущего. История науки тогда может быть представлена как «развитие научного сознания, т.е. сознания, движущегося в формах метода, и данного нам в форме научного слова («Феноменология духа» – в гегелевском смысле! Но не как метафизика духа, и не как теология, а как познание духа!)» (Шпет, 2010: 327).

Такая позиция открывает возможность исследовать научное знание в его исторической преемственности и некоторой структурно-герменевтической полноте и открытости. В перспективе своего деятельного целеполагания нормативно свободный субъект познания волен в полагании нового – того, что выходит за границы его субъективности, так или иначе ему известной. Это целеполагание предполагает и другое целеполагание, в наличном социальном контексте. Исследование такой социальной метапозиции в познании позволяет усмотреть преемственность в научном

познании уже с новым, онтологическим усилием, указывая на источник его «самодвижения». В гегелевском умозрении это связано с попыткой осознать меру различий в социально тождественном субъекте познания, вплоть до их принципиальной противоположности, взаимного отрицания, «борьбы» и взаимопроникновения. Здесь интересны не некие мифопоэтические интонации, которые легко уловить в гегелевской онтологически ориентированной теории познания (особенно усиленные в русских переводах), а в самом историзме онтологически понимаемого социального. Это историзм, не сводимый к некоторой рационально-догматической индивидуальности субъекта познания; напротив, он создает возможность для уточнения незримых условий работы научных сообществ, способов содержательно-социального различения научных интересов, их фрагментации и пр.

Так можно уточнять и процессы, в ходе которых воссоздается системное целое науки в ее исторической преемственности. Эта динамика науки может быть представлена в сложных, нелинейных моментах «отрицания» прошлого и самой истории, «самоотрицания», через осознание уникальности всего, что происходит в некоем диалектико-социальном коловращении непредсказуемого исторического закона, который в себе самом содержит свою меру. Развитие познания, будучи в своих истоках и эмпирическом полагании существенно разнонаправленным, обнаруживает, по Гегелю, свою направленность как некую *ритмику* самодвижения. Начинаясь в единстве демонстрируемых и осознаваемых различий, оно не может не возвращаться к своим основаниям, которые не остаются тождественными сами себе в ритмической полноте разрешающихся противоречий, отрицаний, количественных кризисов и качественных переходов. Познавательная преемственность в этом контексте является развитием определенного содержания целого, возвращающегося к себе как своему иному. Необходимое и свободное начала активизма ученого как субъекта познания

здесь сливаются в акте творческого самопроявления – по Гегелю, в результативной объективации или онтологизации «мирового духа», который тем самым «господствует» над ним и полагает границы его познавательной деятельности.

Предельным образом осознать познание означает осознать саму деятельную границу коренящихся в нем различий, распознать за этой границей то, что удалилось от нее безвозвратно и тем самым смертельно деградировало. Но сам граничный характер творческого генезиса познавательного опыта (со всеми сопутствующими обстоятельствами) не оставляет шансов «осознать» творчество. Будучи необходимым, оно неподконтрольно сознанию; сознанию доступна только идея, объективирующая творческий акт; свобода незрима, непосильна для какого бы то ни было умозрения. Теоретическое целеполагание, которое не обладает мерой для понимания своего масштаба, а только разделяет и применяет его, оказывается слепым по отношению к его непрременной новизне. Впрочем, при всем богатстве познавательных перспектив, которые открывает гегелевская диалектика преемственности, надо признать, что преемственность здесь имеет вид *передаваемой* полноты духа, его общих смыслов, и существенно ограничивает реального субъекта познания, поскольку с самого начала отторгнута от него именно как некая, пусть и глубинная, традиция. За субъектом познания – реальный человек. Идеи, организующие пространство познания, сохраняют в себе и непередаваемую человечность – то конкретное содержание, ради которого действует человек в экзистенциальном облачении субъекта познания. Только в отношении к полноте человеческого существования обретает смысл вся онтологическая стилистика Гегеля (как перед тем трансцендентальные настроения Канта и др.). Без учета реального человека познавательная преемственность вырождается в схоластику, «историческая необходимость» обесмысливается, а преемственность становится скорее фигурой речи,

нежели методологическим условием эффективного научно-теоретического познания.

В XX веке историзация познания оказалась в центре внимания самих ученых, которые рассматривали преемственность в качестве важнейшей ценностной культурно-исторической установки. Вернадский писал: «...история человеческой мысли и творчества, в частности история науки, философии и техники, являются не только областью знания, имеющей огромное значение для выявления истины, ее изучение необходимо и для правильной оценки современного знания и техники, и для создания столь необходимой, особенно у нас, преемственности научного творчества, осознанности значения и непрерывности научной работы в определенной, имеющей корни в научной мысли страны, области. В то же время изучение этих дисциплин духовной жизни человечества является желательным и потому, что оно неизбежно единит вместе всех разрозненно работающих специалистов как в области чистого, так и всех отделов прикладного знания. Такое общение на общей работе само по себе является крупным достижением в культурной жизни страны» (Вернадский, 1988: 266). Тот же самый поворот к историзации науки мы наблюдаем и у Шпета, который «демонстрирует, что история научного сознания не есть лишь цепь исторически меняющихся оснований, но пытается найти внутри этих оснований преемственность. Он показывает, что проблема дифференциации (различения) оснований научного исследования – проблема историческая по своей сути. Шпет не столько ищет в истории науки дополнительный для последующего конструирования эмпирический материал, свидетельствующий об относительности всех критериев и границ научного знания, сколько демонстрирует реальное единство проблемных ситуаций, с которыми сталкивается философ-методолог при исследовании процесса становления знания» (Щедрина, 2010: 10).

Вывод, к которому я пытался подвести моими рассуждениями, состоит в том, что история лежит в основании научного знания, а потому она должна входить в программу любого современного исследования. Фактически это первое требование, которое сегодня должен предъявлять ученый к самому себе, а менеджер программ к участникам разработок. Историзм – это и есть внутриметодологическая рефлексия, это осознание преемственности в науке, опираясь на которую ученый может преодолеть возрастающую ныне фрагментацию предметности. И еще я хочу добавить к этой формуле: необходимость исторического взгляда в научном познании носит ценностный характер, преемственность принимается как ценность, она выбирается как экзистенциально значимое решение; это – не слепое следование традиции, это выбор, ибо история вообще есть результат сознательных усилий и выбора. Иначе это – не история.

Литература

- Вернадский, В.И. О необходимости создания комиссии по истории науки, философии и техники // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1988. С. 266–268.
- Вернадский, В.И. Мысли о современном значении истории знаний // Вернадский В.И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / сост. Г.П. Аксенов. М.: Современник, 1993. С. 538–555.
- Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Соцэргиз, 1935.
- Декарт, Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. С. 409–544.
- Пронских, В.С. Коллаборация большой науки как вызов трансцендентальному субъекту // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 88–92.
- Пружинин, Б.И. Преемственность и диалектика исторической деятельности // Проблемы материалистической диалектики как теории познания. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1979. С. 321–355.

Пружинин, Б.И. «Коллективный субъект» в научной традиции (философско-методологические заметки) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 105–110.

Шпет, Г.Г. Конспект курса лекций по истории наук // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 323–340.

Щедрина, Т.Г. Густав Шпет как философ науки: опыт антидогматического преподавания // Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 7–16.

Galison, P. (2003), “The Collective Author”, Galison, Peter, Biagioli, Mario (ed.), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, Routledge, New York and Oxford, 325–353.

References

Descartes, R. (1950) “Principia philosophiae”, in Descartes, R. *Izbrannyye proizvedeniya*, Politdat, Moscow, Russia, 409-544 (in Russ.).

Galison, P. (2003), “The Collective Author”, Galison, Peter, Biagioli, Mario (ed.), *Scientific Authorship: Credit and Intellectual Property in Science*, Routledge, New York and Oxford, 325-353.

Hegel, G. W. F. (1935) *Filosofiya istorii* [Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte] Translated by Voden, A. M., Sotcekgiz, Moscow, Leningrad, Russia (in Russ.).

Pronskikh, V. S. (2018) ‘The collaboration of big science as a challenge to a transcendental subject’, *Voprosy Filosofii*, 5, 88-92 (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. (1979) ‘Preyemstvennost' i dialektika istoricheskoy deyatelnosti’ [Continuity and dialectics of historical activity], in *Problemy materialisticheskoy dialektiki kak teorii poznaniya. Ocherki teorii i istorii* [Problems of materialistic dialectics as a theory of knowledge. Essays on theory and history], Nauka, Moscow, Russia, 321-355 (in Russ.).

Pruzhinin, B. I. (2019) «Kollektivnyy subyekt» v nauchnoy traditsii (filosofsko-metodologicheskiye zametki) [The «collective subject» in scientific tradition: philosophical and methodological notes], *Humanities Research in the Russian Far East*, 2, 105-110 (in Russ.).

Shchedrina, T. G. (2010) Gustav Shpet kak filosof nauki: opyt antidogmaticheskogo преподаvaniya [Gustav Shpet as a philosopher of science: the experience of anti-dogmatic teaching], in:

Shpet, G. G. *Filosofiya i nauka. Lektzionnyye kursy* [Philosophy and science. Lecture courses], ed. T. G. Shchedrina, ROSSPEN, Moscow, Russia, 7-16 (in Russ.).

Shpet, G. G. (2010) Konspekt kursa lektsiy po istorii nauk [Lecture notes on the history of sciences], in: Shpet, G. G. *Filosofiya i nauka. Lektzionnyye kursy* [Philosophy and science. Lecture courses], ed. T. G. Shchedrina, ROSSPEN, Moscow, Russia, 323-340 (in Russ.).

Vernadsky, V. I. (1988) O neobkhodimosti sozdaniya komissii po istorii nauki, filosofii i tekhniki [On the need to create a commission on the history of science, philosophy and technology], in: Vernadskiy, V. I. *Trudy po vseobshchey istorii nauki* [Transactions on the general history of science] Nauka, Moscow, Russia, 266-268 (in Russ.).

Vernadsky, V. I. (1993) Mysli o sovremennom znachenii istorii znaniy [Thoughts on the modern significance of the history of knowledge], in: Vernadsky, V. I. *Zhizneopisaniye. Izbrannyye trudy. Vospominaniya sovremennikov. Suzhdeniya potomkov* [Biography. Selected Works. Memoirs of contemporaries. Judgments of posterity] Sovremennik, Moscow, Russia, 538–555 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пружинин Борис Исаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва 109240; главный редактор, журнал «Вопросы философии», Нахимовский пр., д. 47, Москва 117418, Россия; prubor@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Boris I. Prizhinin, Doctor in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; Editor-in-Chief of the Journal “Voprosy Filosofii”, Journal of Philosophy, 47 Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation; prubor@mail.ru

УДК 316.347

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2

Базич Й. Р.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕРБСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XX ВЕКЕ

Приштинский университет с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Педагогический факультет в городе Призрен с временным местонахождением в городе Лепосавич, Неманина бб, Лепосавич 38218, Республика Сербия; *jovan.bazic@pr.ac.rs*

Аннотация. В статье рассматривается реконструкция сербской национальной идентичности, произведенная посредством организованных социальных действий в процессе политической социализации, нашедших отражение, главным образом, в системных изменениях культурной и образовательной политики в течение двадцатого века. Отправной точкой рассуждений автора является гипотеза о том, что по своей сути такая реконструкция стала инструментом создания или восстановления страны. Три основные реконструкции сербской национальной идентичности пришлось на прошлое столетие. Первая произошла в период формирования Югославии и ее консолидации, когда сербская идентичность слилась с югославской через идеологию югославизма. Вторая – на время Второй мировой войны, когда коммунисты захватили власть в Югославии и создали новую концепцию национальной политики, выражавшуюся лозунгом «братство и единство». Третья реконструкция была проведена в процессе распада Югославии на фоне отказа от югославской идентичности и возвращения к сербской. Эти реконструкции выдвинули на передний план политические разногласия внутри самого сербского народа, а также конфликты с другими народами Югославии, обусловленные не только разницей идеологий, национальных интересов и целей, но и всевозможными воздействиями извне, со стороны сильных государств.

Ключевые слова: сербы; национальная идентичность; национальное самосознание; Сербия; Югославия

Для цитирования: Базич Й. Р. Реконструкция сербской национальной идентичности в XX веке // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 16-24. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2

J. Bazich

RECONSTRUCTION OF SERBIAN NATIONAL IDENTITY IN THE 20th CENTURY

University of Pristina with temporary location in Kosovska Mitrovica, Pedagogical Faculty in Prizren with a temporary location in the town of Leposavich, Nemanina bb, Leposavic 38218, Republic of Serbia; *jovan.bazic@pr.ac.rs*

Abstract: This paper discusses the reconstruction of the Serbian national identity which was undertaken by organized social action in the process of political socialization, especially in the systemic changes in the cultural and educational policy during the twentieth century. The starting point of the author's reasoning is the hypothesis

that, in essence, such reconstruction has become a tool for creating or restoring the country. In the last century, three major reconstructions of the Serbian national identity were carried out. The first happened at the time of the creation of Yugoslavia and its consolidation, when there was a fusion of Serbian identity into the Yugoslav identity through the ideology of Yugoslavism. The second happened, during World War II, when the government in Yugoslavia was overtaken by the Communists and who established a new concept of national policy expressed with the slogan “brotherhood and unity”. The third reconstruction was carried out in the process of the break-up of Yugoslavia, with the abandonment of Yugoslav identity and return to Serbian identity. These reconstructions have brought to the fore the political divisions among the Serbian people, as well as the conflicts with other nations in Yugoslavia, which were conditioned by different ideologies, national interests and national objectives as well as by a variety of influences from the outside, mainly of the great powers.

Key words: Serbs; national identity; national consciousness; Serbia; Yugoslavia

For citation: J. Bazić (2019), “Reconstruction of Serbian national identity in the 20th century”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 16-24, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-2

Введение. Национальная идентичность как выражение индивидуального и коллективного самоопределения исторически возникает, развивается и проявляется в процессах общественного развития, охватывая комплексные системы культурных ценностей. В современной литературе общеизвестна и общепринята процедура аутентификации национальной самобытности по многочисленным признакам, а именно: по исторической территории, общности мифов и исторической памяти, единству культуры, единству прав и обязанностей всех членов нации и хозяйственной деятельности (Smith, 1991: 14). Вопрос национальной идентичности актуализируется обычно в периоды внезапных и быстрых общественных изменений, когда индивид и общество, в попытке бегства от неизвестности, пересматривают свою идентичность или ищут новую, а точнее – реконструируют уже существующую. Так было и в конце XX века, во время распада коммунистических федераций и второго объединения Германии (1990 г.), когда произошла актуализация проблемы национальной идентичности и ее реконструкция с целью создания новых или перестройки старых национальных государств. Так было и в

случае с сербской идентичностью и государством. Поэтому, по нашему мнению, целью реконструкции национальной идентичности является не сама идентичность, а в большей степени создание или восстановление страны.

В двадцатый век сербы вошли консолидированными в международно признанное государство с сформировавшейся национальной самобытностью. Однако это не укрепило целостность сербского народа, как в случаях с другими странами Европы. Большая часть территорий, населенных сербами, осталась в составе Австро-Венгерской и Османской империи, поэтому они всё время стремились к освобождению и воссоединению. Таким образом, сербская идентичность формировалась в ходе длительных социально-исторических процессов, концентрируясь вокруг отдельных центров своей культуры, экономики, духовности и политики, что повлияло на полицентричность культурных направлений, включая политические модели и менталитет сербов (Матић, 1998: 169). Общей чертой данной вариативности является то, что сербское национальное сознание, помимо языка, основывалось на коллективной мифической памяти, которая в свою очередь

«приравняется к установлению государственной независимости и церковной автокефалии» (Чавошки, 2011: 21). Именно поэтому истоки памяти о существовании и славе сербского средневекового государства связаны с основателем династии Неманичей и Святым Саввой (Бодрожић, 2015: 33-71), заложившими основы сербской государственности и национальной идентичности. После гибели сербского средневекового государства решающую роль в сохранении сербской национальной идентичности, наряду с идеологией святого Саввы, имел косовский миф, «снова и снова напоминающий нам о том, что Косово, как неотъемлемая часть родины, является стержнем нашего государства и духовности» (Чавошки, 2011: 23). Так сформировавшееся сербское национальное сознание связывало территориально удаленные и фрагментарные части сербского народа вплоть до создания Югославии (1918 г.), когда наибольшая часть сербов была объединена под властью данного государства, включавшего в себя как другие славянские народы, так и многочисленные этнические и конфессиональные общины, находившиеся в одном пространстве.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе анализа соответствующих социально-исторических процессов, идей и различных теоретических точек зрения показать процессы реконструкции сербской национальной идентичности в XX в., которая проходила в три этапа, детерминированных, в свою очередь, национальными интересами, идейно-политическими и государственными соображениями в данных исторических обстоятельствах. Первая реконструкция произошла во время формирования Югославии, когда сербская национальность слилась с югославской через идеологию югославизма. Вторая произошла во время Второй мировой войны, когда коммунисты захватили власть в Югославии и создали новую концепцию национальной политики, выражавшуюся лозунгом «братство и единство». Третья рекон-

струкция была проведена в процессе распада Югославии на фоне отказа от югославской и возвращения к сербской идентичности.

Основная часть. Первая реконструкция сербской национальной идентичности произошла во время формирования Югославии. Она выразилась как через идеологию югославизма, унитарное регулирование государства и изменения в символических компонентах политики, так и через изменения в образовательной и культурной политике. Югославизм как самобытный конструкт, основан на вере в общее этническое происхождение и культурно-языковое единство южных славян. Такая идея сформировалась в первой половине XIX века в кругу иллирийского движения и получила распространение среди хорватов и других южнославянских народов Австро-Венгерской империи, а со временем также и среди сербов (Ћилас, 1990: 37-76). Этническая, языковая и территориальная близость послужили довольно мощным стимулом для развития югославизма, укрепления веры в то, что южные славяне станут единой нацией, и создания запроса на единое государство, согласно основному принципу формирования наций и национальных государств в Европе того периода: *одна нация – одно государство* (Петрановић, 1993: 23-27).

В период формирования Югославии на первый план были выдвинуты две концепции югославизма: первая – «интегральный югославизм», не признающий различий между племенами южных славян, что отразилось в пропаганде унитарного государственного строя; и вторая – югославизм, который, наоборот, подчеркивал племенные различия и говорил о необходимости учреждения на принципах федерализма Югославии как мультинациональной державы братских народов с общими интересами и стремлениями (Джокић, 2003: 5). В соответствии со своей первой конституцией (1921 г.) югославское государство являлось унитарной парламентской монар-

хией во главе с династией Караджорджевичей. В то же время процесс установления конституции способствовал распространению общих элементов традиционной культуры Югославии, а также подавлению отдельных национальных идентичностей, в частности, сербской. В ускоренном режиме были реконструированы или маргинализированы многие факторы сербской национальной идентичности, что в первую очередь отразилось на отмене названия государства Сербии как явного и официального знака его идентичности: «в 1918 году сербский народ возложил на алтарь объединения название своей страны, свою государственность, а позже и свою национальную идентичность» (Гуськова, 2002: 115). Последовало и поспешное формирование новых символов национальной идентичности, которые благодаря механическому соединению более ранних графических изображений гербов, флагов и строф национальных гимнов, отразили всё разнообразие прежних национальных особенностей и их преемственность. Однако последовавшие вскоре изменения в культурной и образовательной политике происходили гораздо медленнее. Школы вошли в новое государство со старыми рабочими программами уже прекративших свое существование стран и цивилизаций. Единое законодательство в области просвещения было введено только во время «Диктатуры шестого января» (1929-1933 гг.), когда «режим стремился к артикуляции единой образовательной политики, путем которой идеология югославизма могла бы наиболее эффективно влиять на сознание поколений, вовлеченных в школьную систему» (Димић, 2001: 91).

Институциональные основы образовательной и культурной политики имели временный характер, поскольку в школе происходили не только перемены, но и сопротивление им. Вот почему культура и образование не успели ни сгенерировать единые ценности, ни даже создать новые, которые бы способствовали укреплению югославизма и стабилизации государства.

Кроме того, более мощной и целостной была религиозная идентификация, из-за чего, под влиянием прозелитизма церковью и экспансии государственных центров, внутри самой Югославии межнациональное и культурное сближение было особенно осложнено (Јевтић, 1998: 76). В Королевстве Югославия национальной интеграции и модернизации югославского общества не случилось. По этой причине национальная идеология и политика югославизма, основанные на унитарных и либеральных началах, потерпели поражение.

Вторая реконструкция сербской национальной идентичности и югославизма была проведена югославским коммунистическим движением после освобождения от фашизма и прихода коммунистов к власти и продолжалась вплоть до распада Югославии. Эта реконструкция проявилась в изменении национальной политики и символических особенностей, в создании федеративного устройства страны, а также в изменении культурной и образовательной политики. Еще в начале войны коммунисты определили новую национальную политику, выразившуюся военным лозунгом «братство и единство» по образцу идеи Французской революции (*Liberté, égalité, fraternité*). Вначале лозунг призывал объединить народы Югославии в борьбе против фашистских оккупантов и прекратить братоубийственную войну. Он был символом югославской интеграции и, в конечном итоге, средством создания югославского национального самосознания (Ћилас, 1990: 233). Лозунг, целью которого являлось содействие развитию взаимопонимания и взаимоуважения народов и этнических общин в Югославии, сокращение этнической дистанции между гражданами и их равенство, развитие чувства солидарности и эмпатии, братства и единства, был узнаваемым знаком официальной национальной политики. Выражение такой национальной политики происходило посредством манифеста о равноправии народа, федерального государственного регулирования, распределения

всех государственных и партийных функций по принципу национального представительства, установления и празднования общих праздников, постоянного подчеркивания общих ценностей, проведения различных культурных мероприятий, имевших международный характер, смешанных браков и т.д. Результатом такой национальной политики стало то, что количество людей, выделивших югославизм в качестве атрибута своей национальной идентичности, возрастало с 1961 г. и достигло своей кульминации в 1981 г., когда 5,76 % жителей Югославии отнесли себя к югославам; но уже во время распада Югославии (1991 г.) их число значительно сократилось (примерно до 3 %).

Также, еще в начале войны, произошли изменения в символическом компоненте политики. Вместо монархических символов югославизма выдвинулись коммунистические, центральное место среди которых заняла красная пятиконечная звезда как эмблема коммунистической революции. Помимо этого, большое влияние оказывала сформировавшаяся во время войны и в послевоенный период новая культура и, в частности, музыка: новые гимны, марши и песни, которые пробуждали патриотические чувства, вызывали глубочайшие эмоции и подталкивали к беззаветному самопожертвованию. Так же, главным образом в общественном регулировании страны, в ускоренном режиме происходили и другие подобные изменения. Всё это сформировало действительно новую идентичность, по своей сути защитную, нацеленную на борьбу как против фашизма, так и против вооруженных формирований, противостоящих партизанскому движению и коммунистической идеологии. На этой основе совершенствовались и другие факторы идентичности, в частности, развивалось атеистическое и коммунистическое мировоззрение, подавлялись национальные отличия и акцентировались общие ценности, развивалось равноправие через федеральное регулирование в стране и признание новых

наций сербского этнического дерева (начала черногорцев и медонцев, а потом и мусульман). Важнейшую роль в этих изменениях сыграла федеративная структура правительства, созданная еще в начале войны (Димийћ, 2001: 268). По федеральной системе Югославии сербский народ жил в трех субъектах федерации, а в Республике Сербия были сформированы два автономных края. С этого началось разрушение этнического, духовного, культурного и политического быта сербского народа. Применение неунифицированных исторических и этнических критериев к разграничению республик, провозглашение новых национальных территорий и образований в Сербии как ассиметричной национальной единицы привело к тому, что целостность сербского народа и его территории разрушилась. Это оказалось трагичным для сербов, потому что «как только создается особая политическая единица с признаками государственности, со временем в ее границах создается и особое политическое самосознание, обособляющееся в рамках более широкого сербского национального корпуса» (Чавошки, 2011: 7). Конституция 1963 года и последующие конституционные изменения (1967 г. и 1968 г.), а также Конституция 1974 года трансформировали югославскую федерацию в конфедерацию. Такая концепция поддерживалась авторитетом Тито, партийным диктатором над государственным имущественным комплексом и объединенной армией.

Сразу после освобождения коммунистическое правительство Югославии с помощью различных мер пыталось преодолеть культурную и образовательную отсталость, подавить идеологические пережитки буржуазного сознания людей и воспитать широкие народные массы в соответствии с новыми идейно-политическими ценностями – «в духе социализма, братства и единства». Поначалу, благодаря уникальной образовательной политике и прочной идеологической основе воспитательно-образовательной системы, произошла не только экспансия образования, но и его

дальнейшее качественное развитие. На всех уровнях образования в единых учебных планах и программах было выражено идеологическое содержание национальной политики. Однако позднее, особенно в 70-х годах, сфера образования перешла в республиканское и краевое ведение, что привело к разночтениям в образовательных программах. В конечном итоге это подтолкнуло культурно-образовательную систему югославского государства к дезинтеграции. Югославизму, основанному на коммунистической идеологии, не хватало достаточного количества связующих элементов для целостности государства. С преобладанием коммунистического интернационализма все больше обесценивалось и отрицалось этническое сходство и южнославянское происхождение большинства народов, проживающих на территории Югославии. С другой стороны, «идея Югославии была в непрерывном конфликте с национальной идеологией» (Петрановић, 1993: 159). Основываясь в большей степени на коммунистической идеологии, чем на идее югославизма, Югославия распалась так же, как и ее коммунистическая идеология.

Третья реконструкция сербской национальной идентичности произошла во время распада Югославии в конце 70-х годов. Тогда произошли обусловленные друг другом падение югославизма, борьба за сохранение сербского национального суверенитета и восстановление сербской национальной идентичности (Бодрожич, 2015: 371). Произошла эскалация национализма и возвращение сербского самосознания во всех сегментах национальной идентичности. Подобные процессы произошли и в других национальных общинах Югославии, особенно у хорватов и словенцев, среди которых был ярко выражен сепаратизм. Поэтому они энергично боролись за отделение и создание независимых национальных государств. Возвращение к сербскому самосознанию было намного тяжелее и сложнее из-за того, что сербы, будучи разделенными федеральными границами,

являлись сторонниками Югославии. Кризис в Югославии усугубил проблемы во всех областях общественной жизни. Начались и гражданские протесты с различными требованиями, которые в сущности сводились к отделению от Сербии (особенно у албанцев в Косово и Метохии). Наряду с этим усиливается террор против сербского населения и его изгнание с этих земель. Власти в государстве на всех уровнях продемонстрировали необъяснимую инертность и неспособность признать эти проблемы, не говоря о том, чтобы решать их. Вместе с этими процессами развивалось всё более смелое критическое мышление, выражавшее недовольство положением сербского народа в Югославии и его правами в ней, что нашло отражение в «Меморандуме» Сербской академии наук и искусств (1985 г.). Такой вид недовольства выражался в массовых митингах по всей стране и на литературных трибунах (Базич, 2003: 110-120). В этот период началось сотрудничество писателей и художников Сербии со своими коллегами из других частей Югославии, особенно из Хорватии и Боснии и Герцеговины, имевшее преимущественно национальный характер и направленное на укрепление сербской национальной идентичности и освобождение от «заблуждений югославизма». Вскоре изменения господствующей идеологии коснулись национальной политики партийного руководства Сербии, особенно в отношении Косово и Метохии (1987), а затем привели и к конституционным изменениям, посредством которых была сформирована политическая система в Сербии.

Сербская православная церковь, как и другие религиозные организации, проявила свою активность и всё чаще стала присутствовать во многих сферах общественной жизни, люди начали всё больше и больше обращаться к вере. Тем самым церковь внесла вклад в национальную мобилизацию, кульминацией которой стало празднование 600-летия Косовской битвы (1989 г.).

Реконструкция сербской и других национальных идентичностей в Югославии

произошла очень быстро. Внезапно началась переоценка традиционных ценностей и возвращение более ранних символических атрибутов национальной идентичности и забытых праздников; затем – возрождение мифов и легенд; обращение к национальным героям и знаменитым сражениям доюгославского периода; массовая публикация литературы по национальной тематике; популяризация традиционной и новой, похожей на народную, музыки. Во всем этом было достаточно безвкусицы, китча, халтуры, перегибов, а также коллективной эйфории, замешательства и даже страха у людей. Дошло до раздробления общего языка (сербскохорватского) и его уподобления новым политическим принципам, а именно, конструирования «четырех новых языков» (сербского и хорватского, а затем боснийского и черногорского), хотя «существование единого сербскохорватского языка не ставит под сомнение существование четырех наций или независимых государств, а также ни в коей мере не угрожает их национальной идентичности» (Jacobsen, 2008: 268). В конечном итоге, на югославской культурной сцене возникли острые разногласия по поводу основных общих принципов и системы ценностей, так что по аналогии с подобной ситуацией в Америке, здесь можно было бы применить тезис о «культурной войне» (Jacoby, 2014: 767).

На последнем этапе распада Югославии и падения коммунизма массово формировались различные политические партии, среди которых наибольшую популярность и признание имели те, которые выдвигали националистические и сепаратистские программы. Они выигрывали на первых многопартийных выборах, так как сделали свои программы действенными. Таким образом, довольно правдоподобной представляется оценка того, что «падение коммунизма в Югославии и его свержение явились решающими факторами агрессивного национализма» (Glenny, 2001: 635).

У большинства сербских политических партий, помимо акцентирования вни-

мания на сербских проблемах, среди ключевых целей значилось сохранение Югославии и ее реорганизация на либерально-демократических основах, с тем чтобы сербский народ оставался в одном государстве. Югославия и югославизм в скором времени начали трещать по швам: в символическом, идейном, политическом, государственном, культурном, образовательном аспектах. Доходило до абсурда, когда люди разводились только лишь потому, что супруги принадлежали к разным национальностям. Разрушались семьи, кумовство, дружба. Началась война своих против своих! Всё яснее становилось, что ничто не способно сохранить Югославию, и сербам необходимо искать другое решение своего государственного вопроса. Однако при этом у них не было ни ясного, ни целостного альтернативного решения (Петрановић, 1993: 150-155). В процессе распада Югославии были созданы новые национальные государства, которые получили международное признание в пределах своих республиканских границ того времени. Исторический опыт сербского народа в Югославии был трагичен.

Заключение. В XX веке сербская национальная идентичность переживала различные трансформации и реконструкции, которые были обусловлены различным восприятием сербских национальных и государственных целей, соотношением сил на политической арене в Сербии и Югославии, а также определенным влиянием со стороны сильных государств и Ватикана. В течение века сербская национальная идентичность прошла через три этапа реконструкции: трансформация сербской идентичности в югославскую посредством идеологии *югославизма*, формирование коммунистической концепции югославизма, выраженного в лозунге «*братство и единство*», и уход от югославизма – *возвращение к сербскому самосознанию*.

В конце XX века сербская национальная идентичность оказалась фрагментирована и раздроблена на постюгославские государства и диаспоры. Поэтому сегодня

она выражается только через сербское национальное самосознание, основанное на коллективных мифологических представлениях; историческом существовании и славе своего средневекового государства; осознании общего происхождения; соседственной связи; близости языка и обычаев; солидарности и отличии от других наций. Такое самосознание включает в себя позитивные воспоминания о Югославии как о государстве, в котором сербы жили вместе с другими народами и перенимали различный опыт общения с ними. Вместе с тем, чувства по отношению к Югославии всё-таки неоднозначны: они варьируются от ностальгии по такому государству и добрых воспоминаний о нем до разочарования, поскольку многие считают, что права сербов в нем были ущемлены, и они упустили возможность после Первой мировой войны провести объединение и создать свое национально государство, как это сделали многие европейские нации. Поэтому сегодня всё более остро проявляется необходимость в культурной деятельности для сохранения интегрированного осознания сербской национальной идентичности.

Перевод Т.А. Смотровой

Литература

Базич, И. Српско питање – Политичке концепције решавања српског националног питања. Београд: ЈП Службени лист Србије и Црне Горе, Институт за политичке студије, 2003. 397 с.

Бодрожић, Ђ. Српски идентитет. Београд: Српска книжевна задруга, 2015. 390 с.

Гуськова, Е. Историческая роль Сербии в сохранении национальной идентичности балканских народов // Nacionalni identitet i suverenitet u Jugoistočnoj Evropi (Zbornik radova). Beograd: Istorijski institut SANU, 2002. С. 107-117.

Димић, Љ. Историја српске државности – Срби у Југославији. Књ. 3. Нови Сад: САНУ – Органак у Новом Саду и други, 2001. 472 с.

Джокић, Д. Југославизм: Histories of a Failed Idea, 1918-1992. London: C. Hurst & Co. Ltd, 2003. 356 с.

Ђилас, А.А. Disputed Country: Yugoslavism and Revolution. Beograd: Книжевне новине, 1990. 304 с.

Јевтић, М. Православије и српски национални идентитет // Српска политичка мисао. № 1-4, Београд: Институт за политичке студије, 1998. С. 63-77.

Ломпар, М. Дух самопорицања: прилог критики српске културне политике. Нови Сад: Орхеус, 2012. 654 с.

Матић, М. Српска политичка традиција. Београд: Институт за политичке студије, 1998. 391 с.

Петрановић, Б. Југославенство искуство српске националне интеграције. Београд: Службени лист СРЈ, 1993. 169 с.

Чавошки, К. Расрбљивање. Нови Сад: Орхеус, 2011. 371 с.

Glenny, M. The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804-1999. New York: Penguin Books, 2001. 725 p.

Jacobsen, P. Who's Whose? The Balkan Literary Context // Studi Slavistici. Firenze: University Press, № 5. 2008. Pp. 267-279.

Jacoby, W. Is There a culture War? Conflictining Value Structures in American Public Opinion // American Political Science Review. New Hampshire: American Political Science Association, Vol. 108, № 4. 2014. Pp. 754-771.

Smith, A.D. National Identity. London: Penguin, 1991. 226 p.

References

Bazić, J. (2003), *Srpsko pitanje – političke konceptsie reshavan'ya srpskog natsionalnog pitan'ya* [Serbian Issue – Political Conceptions of the Serbian National Issue], JP Službeni list Srbije i Crne Gore, Institut za političke studije, Beograd, Serbia (in Serb.).

Bodrožić, Đ. (2015), *Srpski identitet* [Serbian Identity], Srpska književna zadruka, Beograd, Serbia (in Serb.).

Čavoški, K. (2011), *Rasrblivanje* [DeSerbing], Orpheus, Novi Sad, Serbia (in Serb.).

Đilas, A. (1990), *A Disputed Country: Yugoslavism and Revolution*, Književne novine, Beograd, Serbia (in Serb.).

Đimić, Lj. (2001), *Istorie srpske drzhavnosti – srby u Jugoslavii. Tom 3* [The History of Serbian Statehood – the Serbs in Yugoslavia. Vol. 3], SANU, Ogranak u Novom Sadu i drugi, Novi Sad, Serbia (in Serb.).

Djokić, D. (2003), *Yugoslavisim: Histories of a Failed Idea, 1918-1992*, C. Hurst & Co. Ltd, London, UK.

Jevtić, M. (1998), "Christian Orthodoxy and Serbian National Identity", *Serbian Political Thought*, 1-4, Institut za političke studije, Beograd, 63-77 (in Serb.).

Glenny, M. (2001), *The Balkans: Nationalism, War & the Great Powers, 1804-1999*, Penguin Books, New York.

Gus'kova, E. (2002), "Serbia's historical role in preserving the national identity of the Balkan peoples" *National identity and Sovereignty in the South-East Europe (Proceedings)*, Istorijski institut SANU, Beograd, Serbia, 107-117 (in Russ.).

Jacobsen, P. (2008), "Who's Whose? The Balkan Literary Context", *Studi Slavistici*, 5, University Press, Firenze, 267-279.

Jacoby, W. (2014), "Is There a culture War? Conflictinng Value Structures in American Public Opinion" *American Political Science Review*, American Political Science Association, New Hampshire 108, (4), 754-771.

Lompar, M. (2012), *Dukh samoporitsanya: prilog krititsi srpske kulturne politike* [The Spirit of Self-Denial: a Contribution to the Criticism of Serbian Cultural Policy], Orpheus, Novi Sad, Serbia (in Serb.).

Matić, M. (1998), *Srpska politichka trditsiya* [Serbian Political Tradition], Institut za političke studije, Beograd, Serbia (in Serb.).

Petranović, B. (1993), *Yugoslavenstvo iskustvo srpske natsionalne integratsie* [Yugoslav Experience of the Serbian National Integration], Službeni list SRJ, Beograd, Serbia (in Serb.).

Smith, A.D. (1991), *National Identity*, Penguin, London, UK.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Базич Йован Р., доктор наук по социологии воспитания и образования, ординарный профессор на кафедрах социологии, общественных наук, языка и литературы, Педагогический факультет в городе Призрен с временным местонахождением в городе Лепосавич; проректор по учебной работе и студенческим вопросам, Приштинский университет с временным местонахождением в Косовска-Митровице; Неманина бб, Лепосавич 38218, Республика Сербия; jovan.bazic@pr.ac.rs

ABOUT THE AUTHOR:

Jovan Bazich, Doctor of Sciences in Sociology of Education, Professor, Department of Sociology, University of Pristina with temporary location in Kosovska Mitrovica, Pedagogical Faculty in Prizren with a temporary location in the town of Leposavich, Nemanina bb, Leposavic 38218, Republic of Serbia; jovan.bazic@pr.ac.rs

ПЕРЕВОДЧИК:

Смотрова Татьяна Андреевна, Институт сербского языка и коммуникаций, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород 308012, ул. Костюкова, д. 46, Россия; sarabanda-001@yandex.ru

TRANSLATOR:

Tatyana A. Smotrova, Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia; sarabanda-001@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-3

Масалов А. Г.

**КОНЦЕПТ СОБОРНОСТИ С. Л. ФРАНКА
КАК ОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; *masalov@bsu.edu.ru*

Аннотация. Анализируется познавательный потенциал принципа соборности, как он раскрыт в социальной философии С.Л. Франка и некоторых других российских мыслителей. Концепт соборности представлен в качестве основы объяснительной модели для общественных явлений, имеющих, в трактовке философа, духовно-нравственную основу. В контексте концепции С.Л. Франка рассматриваются онтологические основания понимания социального действия.

Ключевые слова: С.Л. Франк; соборность; социальная герменевтика; общество; познание; понимание

Для цитирования: Масалов А.Г. Концепт соборности С.Л. Франка как основание социальной герменевтики // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 25-31. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-3

A. G. Masalov

**FRANK'S UNDERSTANDING OF THE CONCEPT
OF CATHOLICITY AS THE BASIS OF SOCIAL
HERMENEUTICS**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; *masalov@bsu.edu.ru*

Abstract. The cognitive potential of the principle of catholicity is analyzed, as it revealed in the social philosophy of Semen L. Frank and some other Russian thinkers. The concept of catholicity is presented as an explanatory model for social phenomena which, according to the philosopher, have a spiritual and moral basis. The ontological foundations of understanding of social action are considered in the context of the concept of Semen Frank.

Key words: Semen L. Frank; catholicity; social hermeneutics; society; cognition; understanding

For citation: A. G. Masalov (2019), "Frank's understanding of the concept of catholicity as the basis of social hermeneutics", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 25-31, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-3

Идея соборности в русской философской мысли представляет собой своеобразное и самобытное явление, эвристический потенциал которого еще не раскрыт полно-

стью. С.Л. Франк обращается к теме соборности в поиске понимания глубинных оснований социальных взаимодействий. Его фундаментальное феноменологическое исследование «Духовные основы общества»

(1929 г.) представляет значительный интерес для ученых-гуманитариев, стремящихся к пониманию общества и личности с точки зрения их духовных основ и религиозных контекстов, тем более что кризис доверия к идейным установкам модерна, включая светскость, открывает пути для постсекулярных исследований.

Социальная герменевтика как дисциплина «ставит в качестве своей основной задачи понимание социальных действий, совершаемых людьми в определенных социальных условиях» (Кравец, с. 51).

Проблема понимания социального действия в свете принципа соборности, как он излагается у С.Л. Франка, приобретает более общий и междисциплинарный характер, поскольку неразрывно связывается с поиском онтологического основания всякого человеческого сообщества как явления.

Гносеологический потенциал идеи соборности представляется перспективным в общем контексте понимания социального бытия человека русской метафизикой всеединства. Во-первых, потому, что удачно формулирует понятие и проблему неформального (органического) целого, применительно к социальному «телу»; во-вторых, она предполагает своеобразную эпистемологическую установку на достижение «цельного знания», внося в познавательный процесс нравственное измерение; в-третьих, строит свою феноменологию в неразрывной связи с пониманием духовно-нравственных основ наблюдаемых явлений. Таким образом, открывается перспектива «понимающего» обществознания на основе «духовной диалектики» части и целого. Предложенная С.Л. Франком феноменология соборности представляет собой удачную попытку такого синтеза, при котором личность и коллектив не редуцируются, но взаимно определяют и познаются.

Тема соборности как одной из характеристик церкви разработана достаточно

подробно в трудах С.Н. Булгакова, В.В. Ильина, П.А. Флоренского и других классиков русской религиозной философии. Соборность как социально-организующий принцип рассматривается в работах Л.П. Карсавина и С.Л. Франка. Проблема генезиса идеи соборности исследуется в трудах А.Ф. Лосева, В.В. Бычкова, С.С. Хоружего. Соборность в контексте «русской идеи» и проблемы познания¹ рассматривается в работах А.В. Гулыги и др.

Учение о соборности в русской философской традиции восходит к творчеству А.С. Хомякова и отражено в его работах «Церковь одна» (1864), «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (1853), в письме к редактору «L'Union Chrétienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита (1860)².

При переводе церковных текстов, отмечал А.С. Хомяков, Кирилл и Мефодий «для передачи греческого слова *кафолический* избрали слово соборный... Собор выражает идею собрания, не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве» (Хомяков, с. 281). Русский мыслитель «противопоставляет Соборное Единство - единству, которое образует груда песчинок, или единству, которое являет собою ряд кирпичей, уложенных в стену. В первом случае, единство является чисто внешним, несколько не преодолевающим раздельности, разъединенности своих элементов... Напротив, во втором случае элементы единства жестко подчинены целому, которое раз навсегда закрепляет их в одном неизменном положении. Тем самым, в таком единстве всецело отсутствует свобода,

¹ В гносеологическом плане, – утверждал А.В. Гулыга, – русская соборность означает то же, что и немецкая трансцендентальность (см.: Гулыга, с. 28).

² Письмо напечатано в L'Union Chrétienne, 1860, № 45 на фр. языке.

которую Хомяков предполагает важнейшим из всех предикатов соборности» (Хоружий).

Сложились две основные рецепции концепта соборности: узко религиозная (экслезиялогическая) и социально-философская.

В онтологическом аспекте принцип соборности, как он изложен у А.С. Хомякова, относится только к церкви, не к миру, как «единство по благодати Божией, а не по человеческому установлению» (Хомяков, с. 217). В концепции С.Л. Франка соборность также имеет религиозную природу, понимаемую в контексте платонизма³. Его аргумент следующий: «углубляя понятие соборности, усматривая, что первичное духовное единство людей есть вместе с тем единство веры, единство служения правде и утвержденности в сверхчеловеческой святине, мы тем самым приходим к выводу, что в основе всякой общественности лежит соборность как церковь» (Франк 1929). Последнюю он определяет абстрактно как «всякое единство человеческой жизни, утвержденное в вере, будучи – независимо от догматического содержания верований, ... – богочеловеческой жизнью, присутствием божественного начала в общественном объединении людей...» (Франк 1929). Трудно поверить, что мыслитель «не заметил» принципиальное различие между *имманентным* принципом единства общественного и единством церкви через благодать *свыше*.

Тем не менее, структурно (в качестве модели) принцип соборности может быть плодотворным там, где «атомистические» и коллективистские подходы к пониманию общественных явлений выглядят чрезмерным упрощением. Так, согласно Н.О. Лосскому, «соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям. Эта идея может

быть использована для разрешения многих трудных проблем социальной жизни» (Лосский, с. 48). Там же Н.О. Лосский утверждает, что идея соборности «применяема как к церкви, так и к общине».

Второе соображение таково, что Бог, даровавший церкви благодатное соборное единство, и Бог, чьи атрибуты «от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20), для Хомякова, несомненно, один и тот же. Вообразив между тварным и нетварным порядками непроницаемую преграду, исключаящую и слабый отсвет на стене мировой пещеры, мы не только войдем в противоречие с предыдущим тезисом, но и принуждены будем признать иного демиурга человеческой природы, существенно тем самым «уклонившись от простоты во Христе». Нам будет непросто понять, в таком случае, как иногда и «язычники, не имеющие закона, *по природе* законное делают» (Рим. 2:14).

Пожертвовав точностью во имя простоты, можно утверждать, что принцип соборности, так отчетливо (в этом смысле – идеально) выведенный в трудах А.С. Хомякова, может быть представлен как «идеальный тип» в отношении того соборного начала, которое С.Л. Франк усматривал в повседневных общественных отношениях.

Не будет преувеличением утверждать, что предпринятая им попытка понимания онтологической природы общества может стать одним из философских оснований возникшей во второй половине XX века новой социальной герменевтики. Последняя «идейно связана с классической герменевтикой, но вместе с тем имеет ряд принципиальных отличий... Социальная герменевтика отличается от классической прежде всего своим предметом понимания. Если предметом классической герменевтики всегда были разнообразные тексты, то социальная герменевтика обратилась к пониманию социальных действий человека»

³ Франк именуется «платонизмом» способность «видеть реальность идеального», видеть действительность целого за множеством отдельных предметов (см. Франк 1929, гл. 1).

(Кравец, с. 48). Социальное действие должно быть направлено на действия другого или других, что с необходимостью требует их «предпонимания», невозможного без общих основ поведения множества индивидов. Это качество *внутреннего, органического* единства общества, которое «лежит в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей» С.Л. Франк именует «соборностью» (Франк 1929).

В этой связи можно выделить следующие основные положения его социально-философской концепции:

- Общество «существует, приступая и действуя как сознание общности, как идея «мы» в отдельных его членах» (Франк 1929). При этом индивиды и общество есть две *равные* реальности, не сводимые друг к другу. «Мы» - есть самостоятельная, неразложимая форма бытия, такая же как «я».

- Нравственные ценности, делающие общество возможным, не является продуктом соглашения между людьми, а представляются объективной истиной. Согласно С.Л. Франку, «если в нравственном требовании мы сознаем голос, исходящий из глубин бытия и онтологически обоснованный, его осуществление приобретает для нас разумный смысл» (Франк 1929). Основа любого человеческого сотрудничества - «единство нравов и нравственных воззрений» (Франк 1929).

- Соборность «образует жизненное содержание самой личности»: общество (целое) и отдельные люди обретают внутреннюю ценностную значимость, они – «не внешние средства жизни, а именно ее внутреннее содержание, от богатства которого зависят расцвет и полнота самой жизни личности» (Франк 1929).

Таким образом, методологически понимание части (индивида, группы) предполагает акцентирование внимания на связях и эффектах «мы», всегда отсылающих к целостностям более высокого порядка; понимание целого, в свою очередь, требует об-

ращения процесса, внесения персоналистических рецептов социального целого и масштабных социальных явлений.

С.Л. Франк подчеркивает религиозные основы внутренней стороны практически всех социальных связей. «Понимание постоянных закономерностей общества» есть, утверждает он, понимание «вечных, не от воли человеческой, а от высшей воли зависящих его условий... сознательное согласование с которыми одно только может обеспечить разумность и успешность его жизни». Такое понимание, утверждает мыслитель, «должно достигаться через познание самой имманентной природы общества» (Франк 1929).

Следовательно, проблема понимания общества – в раскрытии системы отношений по поводу и вокруг того, во что веруют, что признают истинным, что ставят как основание «во главу угла». Понять конкретное общество в его духовных основаниях – значит увидеть, как в его эмпирических формах раскрывается имманентное соборное единство: «От духовной жизни в узком смысле, т.е. от той ее стороны, с которой она есть жизнь внутренняя, связь человеческих глубин со сверхчеловеческими началами, общественная жизнь отличается тем, что она есть именно обнаружение, раскрытие и воплощение вовне этой глубинной стороны духовной жизни» (Франк 1929).

Внутреннее, органическое единство жизни общества, которое С.Л. Франк называет «соборностью», имеет свои эмпирические формы: во-первых, это брачно-семейное единство, во-вторых – единство религиозной жизни, в-третьих – общность «судьбы и жизни всякого объединенного множества людей» (Франк 1929), включая бытовые, культурные, политические аспекты общественного бытия. Эти три формы мыслитель представляет не по отдельности, а как стороны единой соборной связи, религиозно-мистической в своей основе.

В контексте принципа соборности познание имеет нравственные предпосылки.

Идеал «цельного познания», провозглашенный еще ранними славянофилами, предполагает синтез волевой, интеллектуальной, эмоциональной активности, нравственного опыта и религиозного созерцания в направлении, заданном ценностно-духовной стороной общественной жизни.

Как утверждал П.А. Флоренский, «Построение культуры определяется духовным законом, возведенным Самим Господом: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» <...> Сердце на библейском языке означает средоточие всех наших духовных сил и способностей, узел, завязывающий нашу личность. Спаситель говорит, что наша личность, и, следовательно, все ее проявления, всецело определяется нашим сокровищем; так, наше познание определяется тем, что утверждается нами как Истина» (Флоренский, с. 549).

Социальная герменевтика, в отличие от традиционной, «интерпретирует не тексты, а действия акторов... Социальное действие всегда есть, помимо прочего, социальное отношение, прямо или опосредованно связывающее индивида с миром его современников, предшественников и потомков» (Кравец, с. 53). Такое сверхиндивидуальное и сверхвременное единство Франк называет соборным, подчеркивая, что лишь «в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» (Франк 1929).

Определенную трудность представляет собой переход от простой констатации соборности как духовной основы общества к его конкретному исследованию. Действительность предстает перед ученым именно сквозь индивидуальную пространственно-временную интеллектуальную «оптику», причем в виде отдельных событий. Сам С.Л. Франк в работе «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания»

(1915 г.) отмечает, что такой опыт «всегда даст только множество разрозненных картинок, ... которые никогда не могут быть сложены в более широкое и длительное, связанное знание о мире» (Франк 1915). Утверждение это справедливо и в отношении всякого сообщества, наделенного признаками «соборного» единства. Познание целостного бытия, по мнению мыслителя, возможно благодаря интуиции. Знание, отмечает он, «не воспроизводит, в смысле простого повторения, содержание самого предмета, но и не может черпать свое содержание из самого себя каким то чудесным самозарождением: оно лишь перелагает на свой язык, выражает в форме понятий и их связей то, что непосредственно ему дано в металоогической форме целостного единства, т.е. в форме конкретного всеединства, выходящего за пределы системы определенностей⁴ и в этом смысле образующего единство разнородных определений (coincidentia oppositorum)» (Франк 1915). Конечная реальность целого (Франк называет его «трансдефинитным»⁵), хотя и может быть целью нашего познания, но лишь в качестве путеводной звезды: «оно никогда не может быть само уловлено в итоге этого познания» (Франк 1990, с. 235). Задача исследователя в этой связи - «пополнять, исправлять, усложнять систему наших понятий, посылно выправлять и выгибать ее посредством поправок, чтобы приспособить, приладить отвлеченные связи⁶ к конкретности трансдефинитного» (Франк 1990, с. 235).

Что касается проблемы понимания социальных действий и явлений, раскрытия их глубинных онтологических истоков, то соборность как изначальная целостность, неделимость «мы», предстает в качестве

⁴ Сущность определенности, согласно С.Л. Франку, раздельность, то есть бытие в форме части объемлющего целого (Франк 1990, с. 224).

⁵ Трансдефинитное, согласно С.Л. Франку, есть не совпадающее до конца с комплексом своих определенностей (Франк 1990, с. 235).

⁶ Обнаружение связей между идеями С.Л. Франк считал функцией «отвлеченного» знания.

«металогической»⁷, единой реальности, лежащей в основании частных социальных фактов. В своей конкретности и единстве, реальность, согласно Франку, остается непостижимой для дискурсивного знания, но не в смысле полной недоступности для познания вообще. Отчасти она доступна для созерцательно-интуитивного познания как «зримая тайна». По-видимому, в рамках подхода С.Л. Франка, частные социальные действия могут быть истолкованы с точки зрения их духовных оснований только в контексте трансдефинитного интуитивно воспринимаемого «соборного» единства.

Литература

- Гулыга, А.В. Русская идея и ее творцы. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. 447 с.
- Кравец, А.С. Становление социальной герменевтики // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 48–100.
- Лосский, Н.О. История русской философии М.: Академический проект, 2007. 551 с.
- Флоренский, П. А. Записка о христианстве и культуре // Свящ. Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 547–559.
- Франк, С.Л. Духовные основы общества (1929) [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_o_vechnyh_istinah.shtml
https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva/ (дата обращения: 01.07.2019).
- Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю.П. Сенокосова. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 183–603.
- Франк, С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания (1915) [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/11775-Предмет-знания.pdf> (дата обращения: 01.08.2019).

Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова в 4 т. Т. 2. Сочинения богословские / Под ред. Ю. Самарина. Прага: в тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1867. [3], XLI, 407 с.

Хоружий, С.С. Хомяков и принцип соборности // Хоружий С.С. После перерыва: пути русской философии. 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.rus.ec/b/290174/read> (дата обращения: 01.08.2019).

References

- Florenskiy, P. A. (1996), Note on Christianity and culture, *Sochineniya: v chetyrekh tomakh* [Works: in 4 vol.], in hegumen Andronik (Trubachev, A.S.), Florenskiy, P.V. (ed.), Vol. 2, Mysl', Moscow, Russia, 547-559 (in Russ.).
- Frank, S. L. (1929) *Dukhovnye osnovy obschestva* [Spiritual foundations of society], (in Russ.) [Online] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva/ (Accessed 01 August 2019).
- Frank, S. L. (1990) *Nepostizhymoe* [Incomprehensible], in *Sochineniya [Works]*, Pravda, Moscow, Russia, 183-603 (in Russ.).
- Frank, S. L. (1915) *Predmet znaniya. Ob osnovakh i predelakh otvlechenogo znaniya* [The subject of knowledge. On the basics and limits of abstract knowledge], (in Russ.) [Online] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/11775-Предмет-знания.pdf> (Accessed 01 August 2019).
- Gulyga, A. V. (2003) *Russkaya ideya i yeye tvortsy*. [The Russian idea and its creators], EKSMO: Algoritm, Moscow (in Russ.).
- Khomyakov, A. S. (1867), *Polnoe sobranie sochineniy Aleksey Stepanovicha Khomyakova (v chetyrekh tomakh, tom 2)* [Complete works of Alexei Stepanovich Khomyakov (in 2 vol. V. 2)], in Samarin, Yu. (ed.), Publishing House of F. Skreyshovskiy, Prague (in Russ.).
- Khoruzhiy, S. S. (2015) “Khomyakov and the principle of catholicity”, *Posle pereryva: puti russkoy filosofii* [After the break: the ways of Russian philosophy], (in Russ.) [Online] URL: <http://lib.rus.ec/b/290174/read> (Accessed 01 August 2019).
- Kravets, A. S. (2012), “Formation of social hermeneutics”, *Proceedings of Voronez State University. Series: Philosophy*, 1, 48-100 (in Russ.).

⁷ «Металогическим единством» С.Л. Франк называет то, из чего возникает «расчлененная совокупность отдельных определенностей», лежащее по ту сторону формально-логических законов и составляющее «более первичный слой реальности» (см.: Франк 1990, с. 227).

Lossky, N. O. (2007), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Масалов Алексей Геннадиевич, кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг Научной библиотеки им. Н.Н. Страхова,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Россия; masalov@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Alexei G. Masalov, PhD in Philosophical Sciences, Head of the Department of Rare Books of the Scientific Library named after Nikolai Strakhov, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; masalov@bsu.edu.ru

УДК: 811.11-112

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-4

Боровкова Е. Р.

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «ВЕРХ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНАХ
МИРА**

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, ул. Красногвардейская, д. 57, Нижний Тагил 622031, Свердловская обл., Россия; rifovna@mail.ru

Аннотация. Автор исследует особенности языковых картин мира посредством изучения вертикального пространства и его выражения в языке. Актуальность данного исследования состоит в том, что категория пространства недостаточно изучена во фразеологии, хотя данная категория является одной из важнейших при рассмотрении языковой картины мира. Статья посвящена сопоставительному изучению фразеологических единиц с лексическим компонентом «верх» в английском и немецком языках. В статье описываются основные значения фразеологизмов с данным компонентом, даются характеристики по положительному и отрицательному статусам, также автор делает сопоставительные выводы по проведенному исследованию. Автор приходит к заключению, что фразеологизмы с лексическим компонентом «верх» описывают не только положительные значения, но и отрицательные, что противоречит традиционной картине мира, связывающей «верх» с положительной оценкой.

Ключевые слова: вертикальное пространство; лексический компонент; языковая картина мира; фразеологическая единица; лексический маркер

Для цитирования: Боровкова Е. Р. Лексический компонент «верх» в англоязычной и немецкоязычной картинах мира // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 32-38. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-4

E. R. Borovkova

**LEXICAL COMPONENT "UP" IN THE ENGLISH-SPEAKING
AND GERMAN-SPEAKING PICTURES OF THE WORLD**

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, 57 Krasnogvardeyskaya St, Nizhny Tagil 622031, Sverdlovsk region, Russia; rifovna@mail.ru

Abstract. The author explores the features of linguistic pictures of the world through the study of the category of the vertical space and its expression in the language. The relevance of this study is that the category of space is not sufficiently studied in phraseology, although this category is one of the most important when considering the linguistic picture of the world. This article is devoted to the comparative study of phraseological units with the lexical component “up” in the English and German languages. The article describes the basic meanings of phraseological units with this component, gives characteristics on the positive and negative statuses, also the author makes com-

parative conclusions on the study. The author comes to the conclusion that the phraseological units with the lexical component “up” describe not only positive values, but also negative ones, which contradicts the traditional picture of the world associating “up” with a positive assessment.

Keywords: vertical space; lexical component; linguistic picture of the world; phraseological unit; lexical marker

For citation: E. R. Borovkova (2019), “Lexical component "up" in the English-speaking and German-speaking pictures of the world”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 32-38, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-4

Пространство – это часть бытия, которая отражает протяженность, расположение предметов и их положение относительно друг друга. Так как пространство является частью бытия, то и интерес к нему возник еще в древние времена. Любые представления о пространстве начинают формироваться в процессе контакта с окружающим миром и, таким образом, находят свое выражение в языке (Бороздина, 2009: 12).

Философы определяют пространство как бытие, которое характеризуется взаимодействием, протяженностью, структурой. Е.С. Кубрякова дает отличное определение пространству: пространство – это обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей, которое является наблюдаемым, видимым и осязаемым, частью которого является человек и внутри которого он перемещается и перемещает различные предметы (Кубрякова, 2004: 460). А.В. Кравченко выделяет такую характеристику пространства как трехмерность. Он описывает трехмерность в следующих категориях:

1. Пространство по горизонтали (лево-право, перед-зад);
2. Пространство по вертикали (верх-низ);
3. Вместенность (данная категория приобретает только в процессе взаимодействия человека с окружающей его средой) (Кравченко, 2006: 36-37).

Главным пространственным измерением в языке является вертикальная катего-

рия, то есть «верх-низ». Это противопоставление («верх-низ») нашло широкое употребление в языках.

В статье анализируются фразеологические единицы с лексическим компонентом «верх» и выявляются их семантические особенности в английском и немецком языках. В ходе анализа фразеологизмов были выделены конкретные значения, отражающие особенности языковых картин.

Значение «Счастье»

Данное значение представлено понятиями радость и хорошее настроение.

Счастье, как правило, характеризуется хорошим настроением, бодростью духа, улыбкой и радостью. В английском языке значение «счастье» выражено с помощью слов *head, heaven, high, the moon, stars, top* и даже в одном выражении со словом *ground*. В немецком языке значение «счастье» представлено словами *der Himmel, die Höhe, der Stern, die Wolke, das Dach*.

В английском языке мы наблюдаем следующие фразеологические единицы с компонентом «верх»: *turn heads* – вызывать восхищение; *in seventh heaven* – на седьмом небе от счастья; *high spot* – счастливое время, примечательное событие; *over the moon* – вне себя от счастья, радости; *stars in one's eyes* – светиться от счастья; *on the top of the world* – на седьмом небе; *to be in high spirit* – быть в хорошем настроении; *cut out on top* – находиться в выгодном положении; *to thank one's lucky star* – благодарить судьбу. Среди немецких фразеологизмов мы выделили: *den Himmel offen sehen* – быть наверху блаженства; *im siebenten Himmel*

sein – быть на седьмом небе от счастья; *auf der Höhe sein* – быть в хорошем настроении, быть на высоте; *unter einem guten Stern geboren sein* – родиться под счастливой звездой; *auf Wolke sieben schweben* – быть на седьмом небе от счастья; *das ist eine Wolke!* / *das ist `ne Wolke!* – это просто замечательно! / блестяще! / это здорово! *das Dach über den Kopf haben* – иметь крышу над головой.

Значение «Удивление»

Значение «Удивление» носит яркий эмоциональный характер. Удивление может быть вызвано каким-то неожиданным действием.

В английском языке данное значение представлено, в большинстве своем, через компоненты *the sky*, *head* и *heavens*. Например, *out of the clear sky* – неожиданно, нежданно-негаданно; *it's out of the blue sky* – ни с того, ни с сего; *one's eyes nearly popped out of one's head* – от удивления глаза на лоб полезли; *good heavens* – надо же! / ничего себе.

В немецком языке значение «Удивление» выражено через фразеологизмы *die Spatzen pfeifen es von allen Dächern* – это уже давно всем известно; *das kam wie der Blitz aus heiterem Himmel* – как гром среди ясного неба; *das ist doch die Höhe!* – это переходит всяческие границы; *aus allen Wolken fallen* – быть огорошенным от удивления; компоненты, выражающие данное значение – *das Dach*, *der Himmel*, *die Höhe*, *die Wolke*.

Значение «Гнев»

В ходе исследования были выделены фразеологизмы с компонентом «верх», несущие отрицательные эмоции такие, как гнев, негодование, злость и ярость.

В английском языке значение «Гнев» представлено такими компонентами «верх», как *head*, *high*, *top*, а в немецком языке через *der Himmel*, *das Dach*, *der Kopf*, *der Pik*.

Примером значения «Гнев» в английском языке служат фразеологизмы *bite someone's head off* – отвечать резко, со зло-

стью; *heads will roll* – кому-то несдобровать; *be for the high jump* – влететь по первое число; *high words* – неприятный разговор с резкими высказываниями, бранная речь; *to blow one's top* – испытывать ярость.

В немецком языке почти все фразеологизмы со значением «Гнев» представлены компонентом «верх»: *j-m aufs Dach steigen* – задать жару; *eins aufs Dach geben* – задать взбучку; *j-m das Dach überm Kopf anzünden* – сжечь чей-то дом; *j-m den Kopf waschen* – отчитать кого-либо со всей строгостью; *den Kopf zurechtsetzen* – вправить мозги; *j-n vor den Kopf stoßen* – задеть кого-либо за живое; *einen Pik auf j-n haben* – точить зубы на кого-либо; *die Wut ließ uns die Blut zum Kopf schießen* – от ярости нам кровь ударила по голове; *Himmel, Arsch und Wolkenbruch!* – проклятье!

Значение «Хорошо»

Рассматривая значение «Хорошо», мы добавили характеристики «правильно», «эффективно» и «уверенно».

Изучив английские фразеологизмы с компонентом «верх», мы выделили компоненты *above*, *heads*, *hill*, *top*; в немецком – *der Berg* и *die Spitze*.

В английском языке были выявлены фразеологизмы *above-board* – искренний, честный; *above suspicion* – вне подозрений; *knock their heads together* – примирить поссорившихся, привести в чувство; *grass is always greener on the other side of the hill* – на соседнем холме трава всегда зеленее; хорошо там, где нас нет; *to be on top of* – хорошо делать свое дело.

Как видно, в английском языке значение реализуется через различные компоненты, но в немецком языке мы подобрали всего 3: *über den Berg sein* – быть вне опасности, иметь плохое/трудное позади; *j-m über den Berg helfen* – помочь кому-либо преодолеть трудности; *die Spitze halten* – эффективно работать.

Значение «Превосходство»

Превосходство может быть проявлением высокомерия, эгоизма, а также может носить нейтральный характер. В обоих ана-

лизируемых языках данное значение представлено более чем достаточно. В английском языке маркерами значения «Превосходство» выступают слова *above, head, high, star, the moon, top*; в немецком языке – *der Himmel, die Höhe* и *der Kopf*.

Больше всего фразеологизмов со значением «Превосходство» было обнаружено в английском языке: *to be a cut above* – быть ровней; *not to be above* – не брезговать, не стыдиться; *above average* – выше среднего, продвинутый; *you are getting above yourself!* – Не задирай нос!; *do something standing on your head* – делать что-либо с закрытыми глазами; *head and shoulders above* – быть выше на голову, лучше; *heads I win, tails you lose* – я в любом случае выиграю; *high pillow* – большой босс, большая шишка; *high and mighty* – гордый, тщеславный; *someone's star is rising* – кто-то становится популярным; *aim at the moon* – быть высокомерным, тщеславным; *star turn* – гвоздь программы; *top dog* – хозяин положения; *top the bill* – гвоздь программы.

Очевидно, что значение «Превосходство» выражается также в тщеславии, богатстве и превознесении себя выше других. Это отлично показано на примерах немецких фразеологизмов: *den Himmel auf Erden haben* – жить в достатке; *j-n in den Himmel heben* – возносить кого-то до небес; *sich in die Höhe richten* – подняться; *auf der Höhe des Ruhmes* – на вершине славы; *in die Höhe schießen* – быстро расти; *den Kopf oder die Nase hoch tragen* – гордиться чем-либо; *um einen Kopf größer sein als* – быть на голову выше.

Значение «Ложь»

Значение «Ложь» представлено такими характеристиками, как «обман», «скрытность» и «недоверие». В английском языке данное значение выражается через компоненты *hill, the moon*, а в немецком языке через *der Berg, die Sterne*. Согласно этим компонентам мы отметили выражения *head for the hills* – удрать, сбежать; *shoot the moon* – ночью съехать с квартиры и не заплатить (в английском языке) и *über alle Berge sein* – скрываться; *hintern Berg*

halten – скрывать свои намерения (врать о чем-либо); *goldene Berge versprechen* – обещать золотые горы; *die Sterne lügen nicht* – звезды не врут (в немецком языке).

Значение «Мечта»

Мечта непосредственно связана с фантазерством и мечтательностью. Сюда же относятся характеристики, которые связаны с бесплодными надеждами и состоянием, которое называют «не все дома». Как правило, это значение имеет отрицательную окраску.

В английском языке данное значение выражено компонентом *head*. В немецком языке обнаружено гораздо больше компонентов: *der Himmel, der Kopf, die Sterne, die Wolke, das Dach*.

Все фразеологизмы со значением «верх» в английском языке, которые характеризуют данное значение: *be not right in one's head* – быть не в своем уме; *with your head in the clouds* – витать в облаках.

То же самое отмечено и в немецком языке: *zwischen Himmel und Erde schweben* – витать между небом и землей; *aus dem Kopf schlagen* – выбросить что-либо из головы; *den Kopf verlieren* – терять голову; *die Sterne von Himmel holen* – быть готовым звезду с неба достать; *ihm hängt der Himmel voller Geigen* – ему все представляется в розовом свете; *im Wolkenkuckucksheim leben* – витать в облаках, быть не от мира сего; *Sie ist nicht ganz richtig unterm Dach!* – У нее не все дома!; *auf einem anderen Stern leben* – быть не от мира сего.

Значение «Высокий социальный статус»

К значению «Высокий социальный статус» относятся власть, могущество, или высокое социальное положение.

В английском языке компонентами, выражающими данное значение, являются *high* и *the sun*. Согласно этим компонентам, мы выделили фразеологизмы *high and dry* – на мели; *someone's sun is set* – чья-то слава померкла.

В немецком языке значение «Высокий социальный статус» достигается посредством компонентов *der Himmel* и *der*

Stern. В связи с этим, мы отмечаем фразеологизмы *das fällt doch nicht vom Himmel!* – это не упадет с небес на землю! (имеются в виду материальные блага и высокое социальное положение. Все примеры с данным фразеологизмом также основаны на значении «Высокий социальный статус»); *Stern ist gesunken* – звезда закатывается (так говорят, когда чья-то слава прошла).

Значение «Интенсивность. Пресыщение»

Значение «Интенсивность» показывает меру и количество. С помощью такого значения, а также посредством компонента «верх», мы эмоционально окрашиваем нашу речь, делая ее более живой и показывая свое отношение к происходящему.

В английском языке значение «Интенсивность» выражается компонентами *above, heaven, high, the moon, mountain, the sky* и *top*: *above all* – прежде всего; *move heaven and earth* – пустить в ход все средства, свернуть горы; *the heavens open* – льет как из ведра; *high season* – разгар сезона; *high time* – самое время; *many moons ago* – давным-давно; *make a mountain out of molehill* – раздуть из мухи слона; *the sky is the limit* – нет предела, неограниченный; *at the top of one's voice* – во все горло.

В немецком языке значение «Интенсивность» описывается компонентами *der Berg, der Himmel, hoch, der Kopf* и *die Spitze*: *über Berg und Tal wandern* – путешествовать повсюду; *für j-n die Sterne vom Himmel zu holen* – делать все для кого-то; *Himmel und Hölle in Bewegung setzen* – пустить в ход все средства; *höchste Eisenbahn* – самое время; *den Kopf voll haben* – иметь много забот/хлопот; *auf Spitze und Knopf stehen* – ситуация накаляется.

В ходе анализа фразеологических единиц нам также встретились фразеологизмы со значением «Пресыщение», которое, чаще всего, имеет отрицательную, негативную окраску. Имеет смысл отметить, что данное значение очень тесно связано со значением «Интенсивность», так как, в какой-то степени, выражает количе-

ство. В английском языке значение «Пресыщение» напрямую связано с такими компонентами, как *head* и *top*, а в немецком языке – *hoch* и *der Kopf*.

С компонентом «верх» в английском языке были найдены фразеологизмы *be head over heels and debt* – быть по уши в долгах; *over the top* – за рамками приличия; *be head over heels in love with smb* – быть по уши влюбленным; а в немецком языке фразеологизмы *das ist mir zu hoch!* – это слишком для меня; *bis über Kopf in Schulden stecken* – по уши в долгах.

Значение «Трудность»

Данное значение представлено в обоих языках в очень малых количествах, однако нам удалось выявить некоторые фразеологизмы.

В английском языке значение «Трудность» представлено с компонентами *mountain, the sky* и *stars* в следующих фразеологизмах: *have a mountain to climb* – иметь труднодостижимую задачу; *if the mountain won't come to Muhammad, Muhammad must go to the mountain* – если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; *reach for the sky* – ставить перед собой высокие цели; *reach to the stars* – тянуться к звездам, ставить амбициозные цели.

В немецком языке нами был обнаружен только один фразеологизм *sich den Kopf zerbrechen* – ломать голову (думать над чем-либо) с компонентом *der Kopf*.

Значение «Надежда»

Надежда всегда связана с ожиданием чего-то лучшего. В английском языке значение «Надежда» представлена компонентами *heaven, the sun* и *the mountain* во фразеологизмах *for Heaven's sake* – ради Бога; *the sun will shine down our street too* – и на нашей улице будет праздник; *the mountain brought forth a mouse* – гора родила мышь.

В немецком языке данное значение реализуется во фразеологизмах *der Glaube versetzt Berge* – вера горами двигает; *der Berg kreißte und gebar eine Maus* – гора родила мышь (так говорят, когда от человека ожидают много, а результаты малы) с компонентом *der Berg*.

Значение «Обещание»

Обещание – обязательство выполнить что-либо. Обещать – это значит давать надежду, выполнить ожидаемое.

В английском языке компонент «верх» обнаружен со словами *the moon* и *mountains* во фразеологизмах *promise someone the moon* – обещать золотые горы; *remove mountains* – горы свернуть, однако в немецком языке оно представлено компонентами *hoch* и *der Berg* во фразеологизмах *Berge versetzen* – горы свернуть (обещать сделать что-либо); *j-m etwas hoch und heilig versprechen* – клятвенно обещать.

Значение «Важность». Это наименьшая группа по значению, так как в английском языке не удалось обнаружить фразеологизмы с компонентом «верх», которые бы говорили о важности события или являе-

ния, но в немецком языке значение «Важность» характеризуется через компонент *die Spitze* во фразеологизме *einer Sache die Spitze abbrechen* – лишить дело остроты.

Анализируя фразеологизмы с компонентом «верх», мы обнаружили фразеологические единицы, выражающие страх, испуг, боязнь чего-либо. Итак, мы сформировали микрогруппу со значением «Страх». В немецком языке мы обратили внимание на фразеологизмы *j-m stehen die Haare zu Berge* – волосы дыбом стоят с компонентом *der Berg* и *den Kopf in den Sand stecken* – прятать голову в песок с компонентом *der Kopf*.

Ниже представлена таблица, которая иллюстрирует наполненность группы каждого значения в английском и немецком языках.

Таблица 1

ФЕ с компонентом «верх» в английском и немецком языках

Table 1

PU with the component “up” in the English and German languages

Значение	Английский язык	Немецкий язык
<i>Основные значения</i>		
«Счастье»	9%	7%
«Удивление»	4%	4%
«Гнев»	5%	9%
«Хорошо»	5%	3%
«Превосходство»	14%	7%
«Ложь»	2%	4%
«Мечта»	2%	8%
«Высокий социальный статус»	2%	2%
«Интенсивность. Пресыщение»	13%	8%
«Трудность»	4%	1%
«Надежда»	3%	2%
«Обещание»	2%	2%
<i>Второстепенные значения</i>		
«Важность»	0%	1%
«Страх»	0%	2%

Подводя итог исследования компонента «верх» в английском и немецком языке, можно отметить, что в каждом языке этот компонент имеет свои особенности.

Например, в английском языке нами не были обнаружены фразеологизмы с компонентом «верх» в значениях «Важность» и «Страх». Возможно, это связано с тем, что

данные значения выражаются через компонент «низ» или не выражаются этими компонентами вообще.

В ходе анализа фразеологических единиц английского и немецкого языков с лексическим компонентом «верх» был сделан вывод о том, что компонент «верх» в обоих языках выражает не только положительную, но и отрицательную окраску, которая представлена более частотно, чем положительная.

Литература

Бороздина, И.С. Категория, концептуализация и вербализация пространственных отношений и объектов. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск. 2009. 49 с.

Кравченко, А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. 206 с.

Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Cambridge International Dictionary of Idioms, Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2002.

Dictionary of Idioms and their Origins, Kyle Cathie Limited, Great Britain. 2000.

Duden, K. Redensarten. Wo sie herkommen und was sie bedeuten, Bibliographisches Institut GmbH, Berlin, Deutschland. 2007.

Goluch, N. Aus der Mücke einen Elefanten machen... Über 300 Redensarten, BookRix GmbH & Co. KG, München, Deutschland. 2014.

References

Borozdina, I.S. (2009), "Category, conceptualization and verbalization of spatial relations and objects", Abstract of D. Sc. dissertation, Kursk State Univ., Kursk, Russia (in Russ.).

Cambridge International Dictionary of Idioms (2002), Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Dictionary of Idioms and their Origins (2000), Kyle Cathie Limited, UK.

Duden, K. (2007), Redensarten. Wo sie herkommen und was sie bedeuten [Types of

speeches. Where they come from and what they mean], Bibliographisches Institut GmbH, Berlin, Deutschland (in Germ.).

Goluch, N. (2014), Aus der Mücke einen Elefanten machen... Über 300 Redensarten [Make the mosquito an elephant ... over 300 kinds of speech], BookRix GmbH & Co. KG, München, Deutschland (in Germ.).

Kravchenko, A.V. (2004), Yazyk i vospriyatie: kognitivnye aspekty yazykovoy kategorizatsii [Language and perception: cognitive aspects of language categorization], Irkut. state University, Irkutsk, Russia (in Russ.).

Kubryakova, E.S. (2004), Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards Knowledge of a Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The role of language in the knowledge of the world], Languages of Slavic culture, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Боровкова Елена Рифовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков, теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (Филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, ул. Красногвардейская, д. 57, Нижний Тагил 622031, Свердловская обл., Россия; rifovna@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR:

Elena R. Borovkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Theory and Methods of Education, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (Branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University, 57 Krasnogvardeyskaya St, Nizhny Tagil 622031, Sverdlovsk region, Russia; rifovna@mail.ru

A. A. Azizov

CULT OF THE HORSE AMONG THE UZBEK PEOPLE OF THE FERGHANA VALLEY

Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz St., Tashkent, 100001, Republic of Uzbekistan; siyovush.azizov@mail.ru

Abstract. The article focuses on the cult of the horse, a people's outlook about these fascinating creatures, which is one of the foundations of faith among the population. At the same time, the emphasis is on the results of field materials which the author collected and analyzed. Horse among domestic animals has a special place and the syncretic concept of horses has spread very widely. It indicates the exact data among horse breeders which is very important to determine the role of the horse in the beliefs and rituals of the Uzbeks of the Fergana Valley. You can get acquainted with the latest field materials which are first discussed after several years. Among them are folk games associated with horses and folk beliefs and omens, as well as the symbolic meaning of the color of horses. The data at the beginning of the 20th century is compared with the latest information. The conclusion about the worldviews of the inhabitants of the Fergana Valley about horses and the mythology of horses is given.

Keywords: livestock breeding; worldview; religion; guardian; demon; Uzbeks-Lakai; Ferghana valley; ritual; amulet; mare

For citation: A. A. Azizov (2019), "Cult of the horse among the Uzbek people of the Fergana valley", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 39-45, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-5

Азизов А. А.

ОБЕРЕГ ИЛИ КРЫЛЬЯ. КУЛЬТ ЛОШАДИ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Институт истории Академии наук Узбекистана, ул. Шахрисабз, 5, г. Ташкент, 100001, Республика Узбекистан; siyovush.azizov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется культ лошади, взгляды людей на это удивительное существо, что является одной из основ народных верований. Акцент сделан на результатах анализа полевых материалов, собранных автором. Показано, что конь среди домашних животных занимает особое место, что синкретическая концепция лошади распространена очень широко. На это, в частности, указывают данные, полученные от коневодов, что очень важно для определения роли лошади в верованиях и ритуалах узбеков Ферганской долины. Предоставляется возможность познакомиться с последними полевыми материалами, которые обсуждаются впервые за несколько лет. Среди них информация о народных играх, связанных с лошадьми, о народных верованиях и приметах, а также о символическом значении цвета лошадей. Данные начала XX века сравниваются с новейшей информацией. Сделаны выводы о мировоззрении жителей Ферганской долины относительно лошадей и о мифологии лошади.

Ключевые слова: скотоводство; мировоззрение; религия; страж; демон; узбеки-лакай; ферганская долина; ритуал; амулет; кобыла

Для цитирования: Азизов А. А. Оберег или крылья. Культ лошади в Ферганской долине // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 39-45. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-5

Over the centuries, man has tamed many animals and used them as a source of food. Currently, these animals also have a special meaning in the daily lives of people. Pets play a large role in the worldview of the population (Snesarev, 1969: 308). Breeding of domestic animals such as cattle, sheep, horses, has become a separate industry. The population perceives livestock breeding as one of the main ways to meet the needs of the economy. Their value especially increases during various rites. In addition, it constitutes a separate category in a religious worldview (Ashirov, 2007: 9).

The study of the relationship between people and animals has always been the focus of researchers. The study of the mythology associated with animals (Jeang Lang, 1914; Mirzaev and Djuraev, 2001), the formation of the worldview (Emile Durkheim, 1995; Clifford Geertz, 1973; Sokolova, 1972; Kamad, 2006), their values in people's lives (Malozymova, 2014; Tim Ingold, 1994; Sataev, 2016), the problems of religion and animals (William C. Chittick, 2009; Kristen Stilt, 2015; Hikhluha and Moshna, 2015; Myat Min and Cho Cho Zaw, 2016) are among the urgent scientific problems. Although the issue of animals in the outlook of the Uzbek people was studied by a number of scientists (Sprishevskiy, 1951; Potapov, 1958; Khaytun, 1958; Snesarev, 1969; Kharitonov, 2000; Ashirov, 2007; Bakhronova, 2018), this topic was not analyzed with the use of information from field materials and was not studied as a separate study.

Horses and sheep were considered the most common type of livestock (Potapov, 1958: 62). In cattle breeding, along with sheep breeding and cattle breeding, horse breeding was developed and a peculiar attitude to horses

was formed (Agafonova, 1982: 15). As a result of the formation of such an attitude, the bond between man and horse was strengthened. Thanks to the properties of this animal, the belief in it was further strengthened in the outlook of people.

Horse breeding was fairly well developed in the foothill areas of the Fergana Valley, and among the population some beliefs associated with horses are well preserved. There are such proverbs and sayings as “The horse is the wing of a man” (Ashirov, 2007: 22), “The horse is an amulet”, “The horse is happiness”, “The horse is wealth”, which is a clear evidence of a special attitude to horses¹. Such an attitude to horses is rooted in ancient religious beliefs (Avesto, 2001: 18).

Breeding horses has long been considered an occupation that was given special attention. It can be noted that at different stages of raising horses were named differently, just like sheep had their names by age. Determining the age of the horse and giving a certain name was carried out annually. As shown by a horse breeder from the village of Shirmanbulak, Bulakbashi district, Andijan region, Khalikulov Khorun², a newborn horse, was called Kulun, one-year-old Calta, two and three years old, Gunan, four-year-old Pushti, five years old, Asi, a six-year-old horse or mare. This determined the approach to caring for a horse. The need to determine the age of horses was important for their inclusion in the herd and selection of horse-makers, that is, stallions.

To determine the age of a horse on the market, experienced horse breeders pay attention to its teeth. No one will buy a horse if it has lost teeth. Such a horse is considered old and cannot be used either on the farm or in

¹ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashiinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Mahmudov Pulatdjan, 1933 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Makhmudov Pulatjan, born in 1933].

² Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashiinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Kholikulov Khorunbay, 1928 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Kholikulov Khorunboy, born in 1928].

horse breeding. It is known that the average life expectancy of horses is 30 years. Experienced horse breeders testify that in their memory, with good care, horses lived 32 years. It is noted that long-lived horses can live up to 40 years. When determining the age of the horse in the market, they pay attention to the molars, which are popularly called “azu tish”. This tooth grows in horses from the age of five. In mares it grows up somewhat later. This feature was considered major in the distribution of horses in herds³.

However, the appearance of the horse was also important in selecting horse producers and determining the price of a horse. People pay great attention to the appearance of horses. In addition, the color of the horse has long had a ritual character (Ashirov, 2007: 22). If some coat colours were considered benevolent, then some were not very welcome. The coat colour was also important in choosing a nickname for the horse. For example, a bay horse was called Dzhijran, white – buz, dappled – ol, and black was considered the most esteemed. The color of the mane also determined the value of the horse in the eyes of the people. It was believed that horses with a black mane and tail bring good luck. They were given special attention. Among the individual representatives of the population, a certain coat colour of horses was especially appreciated. In particular, among the Uzbeks-Lakaian, white horses were valued (Karmisheva, 1954: 80).

Among people there were peculiar beliefs about the habits of horses and people's attitude towards them. First of all, the horse was perceived as an animal loyal to its owner, and it was believed that it would never go far from its herd. The order in the herd was controlled by a stallion. If two herds were mixed, they selected their mares and returned them to the herd. They never take an unfamiliar

mare into a herd. People believe that a mare that mates with a stallion in the spring, until autumn, until the horse breeder takes her to a separate stall, is in the herd under his protection and at his disposal. Stallions protect their mares and their foals from external threats and drive away predators. The loyalty of horses is clearly manifested in relationships within the herd.

According to the information of the experienced horse breeder Khalikulov Khorunota⁴, if 20 mares make up a herd, then one stallion is attached to them, which protects not only his herd, but also the herdsman. If the herder sleeps at night, from time to time the stallion bypasses and sniffs, and in case of danger, he wakes the herdsman up with a loud nicker. As the informer says, there is a saying: “The horse loves a man”. As on a pasture horses are always in sight of the herder and do not leave anywhere from the marked territory. It is also believed that the horse will protect its rider if wolves attack on the way.

All popular beliefs concerning horses imply a good attitude towards these animals. For example, it was impossible to beat the foals, because the horses have a good memory. It was believed that if a horse is treated badly while growing up, then a bad habit can form for its whole life. For example, it might have the habit of kicking or biting, which is associated with improper care. Like other animals, it was forbidden to beat horses in the face⁵ (Ashirov, 2007: 23).

The choice of horse for riding was considered one of the most important issues. People think, a mare is suitable for everyone to ride. Since mares are calm by nature, riding them will not be a hassle even for novice riders. For ulak and other riding games, horses are selected according to their characteristics.

People believe that koumiss from horse milk prevents tuberculosis and keeps the body

³ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Kholiqulov Abdulladjan, 1964 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Kholikulov Abdulladjan, born in 1964].

⁴ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Kholiqulov Khorunbay, 1928 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Kholikulov Khorunboy, born in 1928].

⁵ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Isakov Akabay, 1928 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Isakov Akabay, born in 1928].

young. According to an informant from the village of Poloson, Altyarik District⁶, to see a horse in a dream is means wealth. He notes that beliefs associated with seeing a horse in a dream are very widespread. Currently, some representatives of the population before some important matter, for example, before matchmaking, in order to find out whether it will be prosperous or stop it, read namaz “istigfar” at night and ask that they have a vision in their dreams. If you dream of a white horse, it is considered that the outcome of the planned undertaking will be successful.

In addition, there are still beliefs that some parts of a horse or harness bring good luck, protect against evil and the evil eye, and turn into reaches. In particular, it is believed that hanging horseshoes at the gate brings good luck and wealth to the house. Horse bridle is also considered a guardian (Ashirov, 2007: 23). While among Uzbeks a horse is considered to be a creature that protects from misfortune and the evil eye, it is perceived as a demon by the Tajiks (Karmisheva, 1954: 82).

The behavior of the horse can also warn of some danger. If mares in a stall kick and bite each other, it is believed that some kind of misfortune will occur⁷.

In the view of Uzbeks there are beliefs associated with the horse at the birth of a child. If a child is born with hair, it is believed that he or she will be lucky. It is quite common to call sons “toy bola”, that is, “boy-foal” (Ismailov, 2014: 316). Today, there is a custom to give a horse for a wedding of young men. Until recently, it was customary to hang a cradle with a child decorated with amulets and a horse's mane⁸. While putting on a baby's shirt on the occasion of his 40-day of birth, in order

for the horsepower to be transferred to him or her, a magical rite was performed, that is, at first it was put on the stake to which the horse was tied, and only then on the baby (Ashirov, 2007: 23).

Also, the saddle and bridle of the horse were considered to bring wealth and prosperity, and for this reason they did not pass to anyone. People strictly adhered to these rules. They also believed that the horse whip expels evil spirits, and therefore hung it at home. Among the shamans, even nowadays one can observe the use of a horse whip when driving out spirits from the human body⁹.

In the memory of the inhabitants of the village of Shirmanbulak from games associated with horses, the game “battle of the lungs” has been preserved, which is not found elsewhere. This game was arranged at weddings. The lungs of the bull, stabbed before the wedding, were divided into two parts and given to the participants of the game. The competitors were supposed to knock each other off with their lungs. Currently such games are not played¹⁰.

The second game associated with horses in this area is called “fighting on horseback”. At first, those who were fighting on horseback approached each other and held hands, and at the signal they began to fight. The first who was thrown off his horse was considered the loser¹¹. According to people, games with horses were important not only from the point of view of recovery, but also as preparation for establishing understanding between people and horses. People believe, the horse moves with its rider and adapts to it. People consider a horse to be a man's life companion.

⁶ Field works. *Ferganskaya oblast, Altiarikskiy rayon, seleniye Palasan, Madolimov Olimdjan, 1942 g. p.* [Fergana region, Altyaryk district, the village of Palasan, Madolymov Olimjan, born in 1942].

⁷ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Kholiqulov Khorunbay, 1928 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Kholikulov Khorunboy, born in 1928].

⁸ Ibid.

⁹ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Suleymanov Ibrakhimdjan, 1940 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Suleymanov Ibrokhimdjan, born in 1940].

¹⁰ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Mamaturdiyev Kurbandjan, 1933 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Mamaturdiev Kurbandjan, born in 1933].

¹¹ Field works. (2018), *Andijanskaya oblast, Bulakbashinskiy rayon, seleniye Shirmanbulak, Kholiqulov Khorunbay, 1928 g. p.* [Andijan region, Bulakbashi district, the village of Shirmanbulak, Kholikulov Khorunboy, born in 1928].

There were also ceremonies associated with horses. One of them is called “davra solish”, i.e. literally “dump in a circle”. The essence of the ceremony is that the deceased was commemorated by throwing his clothes and accessories on his horse (Ashirov, 2007: 22). A long time ago the Turks were widely buried along with the horse.

Among horse breeders there was a special faith in the horse's spirit, which was considered *Kambar ota* (The list of nonmaterial cultural heritage of Uzbekistan, 2017: 48). In addition, there were holy places associated with horses. Basically, they are found with the names of saints or historical figures. For example, several mausoleums such as *Dul Ata* or *Duldul Ata*, “*Poyi Duldul*” are associated with the name of “*Hazrat Ali*” (Ashirov, 2007: 22-23). Shrines associated with the name *Duldul* are often found in the Fergana Valley (Abdulakhatov, 2008: 56).

The names of some lakes or places are also associated with horses. As an example, the legend of a foal, widespread among *Lakaian*s, can be cited (Karmisheva, 1954: 82). According to the legend, the foal from one herd has disappeared in *Green Lake*. According to another version, one old man, passing by “*Green Lake*”, stopped for a prayer. His mare grazed nearby. Suddenly, a horse of the *Tarlan* breed came out of the lake and covered the mare with a wave. A year later, she gave the elder a beautiful foal. The foal grew so fast that it looked like a one-year-old in a month and looked like a two-year-old in two months. The news of it reached the ruler, and he bought it from the old man for a lot of money.

It can be noted that the ethnonyms of some Uzbek ethnic groups are also associated with the name of the horse. The Uzbek genus widespread in the mountainous regions of *Gissar* is called “*Caltatay*” (Karmisheva, 1972: 77). From toponyms it is possible to note a village with the name *Yilkichi*, i.e. “*Herder*” (Malikov, 2018: 57).

The ratio of Uzbeks to animals is clearly manifested in the care of pets. During this process, a person comes to the realization of a careful attitude to nature, a tender attitude to all

living beings and not harming the natural chain. The trust of a person of his life to another being, the veneration of an animal is clearly seen in the example of a horse.

Today, honoring a horse, treating it as a companion of man, his guardian and animal, bringing wealth and good fortune, occupies a special place. It is important when performing rites. The horse, thanks to its loyalty and behavior, still remains an animal that occupies a special place in people's lives.

References

- Abdulakhatov, N. U. (2008), *Farg'ona vodiysi aholisiturmush tarzida ziyoratning o'rni* [The place of pilgrimage in the daily life Ferghana valley people], Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).
- Agafonova, G. A. (1982), *O chyom ras-skazivayut naskalniye risunki* [What cave paintings tell], Frunze, Kyrgyzstan (in Russ.).
- Ashirov, A. (2007), *O'zbek khalqining qadimiyy e'tiqod va marosimlari* [Ancient beliefs and rituals of Uzbek nation], Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).
- Avesto: Yasht kitobi* (2001), M. Iskhoqov tarjimasi [The book of Avesta Yasht], Orient, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).
- Bakhronova, D. K. (2018), *Antropozoomorfizmlarning lingvokulturologik xususiyatlari* [Lingvocultural characters of anthropomorphism], Science and Technology, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).
- Chittick, W. C. (2009), “The wisdom of animals”, *Journal of the Muhyiddin Ibn' Arabi Society*, Vol. 46, 27-37.
- Durkheim, E. (1995), *The Elementary Forms of the Religious Life*. The Free Press, New York, USA.
- Geertz, C. (1973), *The Interpretation of Cultures*. Basic Books, New York, USA.
- Ingold, T. (1994), *What is an Animal?* Routledge, London and New York.
- Ismailov, A. (2014), “Totemic foundations of the Uzbek anthroponomy” (in Eng.), *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi (Temmuz-Aralik)*, Turkey, 2, 313-320.
- Kamad, I. (2006), *Obryadovaya storona kultov Drevney Gretsii* [The ceremonial side of the Cults of Ancient Greece], Moscow, Russia (in Russ.).
- Karmisheva, B. Kh. (1954), *Uzbeki-lokaytsi Yuzhnovo Tadjikistana* [Uzbek-Lakays of Southern

Tadjikistan], Academy of Science of Tadjik SSR Publishing, Stalinabad, Tajikistan (in Russ.).

Karmisheva, B. Kh. (1972), *Ocherki etnicheskoy istorii Yuzhnykh rayonov Tadjikistana i Uzbekistana* [Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Kharitonov, M. A. (2000), "Образ волка в сotsiokulturnoy traditsii narodov Tsentralnoy Azii" [The image of the wolf in the socio-cultural tradition of the peoples of Central Asia], Ph.D. Thesis, BGU, Ulan-Ude, Russia (in Russ.).

Khaytun, D. E. (1958), *Totemizm. Ego sushchnost i proiskhozhdenie* [Totemism. Its essence and origin], Stalinabad, Tajikistan (in Russ.).

Khikhluha, V. and Moshna, N. (2015), "The origin of the ancient Egyptian religion. Early beliefs", *GYLIMI-KE MAGAZINE. OLKETANU*, 3-4, 53-57 (in Russ.).

Lang Jeang. (1914), *A book of Myths*, G.P. Putnam's sons, New York, USA.

Malikov, A. M. (2018), *Tyurkskiye etnonimi i etnotoponimi dolini Zarafshan* [Turkic ethnonyms and ethno-names of the Zarafshan Valley], Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Malozyomova, Ye. I. (2014), *Obrazy zhitovnykh v oformlenii iranskogo kholodnogo oruzhiya* [Images of animals in the design of the Iranian cold weapons], Electronic Library of the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences [Online], available at: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-271-5/978-5-88431-271-5_11.pdf (Accessed 4 April 2019) (in Russ.).

Mirzayev, T. and Djurayev, M. (2001), "Avesto" *mifologiyasi va o'zbek xalq og'zaki ijodi* [Mythology of Avesta and folk of the Uzbek nation], Tashkent (in Uzbek.).

Myat Min and Cho Cho Zaw. (2016), "Animal care: An Islamic perspective with particular reference to unwanted pets – stray dogs and cats", *International Journal of Business, Economics and Law*, Vol. 9, Issue 5 (Apr.) (in Eng.).

O'zbekiston nomoddiy madaniy merosi ro'yxati, (2017) [The list of nonmaterial cultural heritage of Uzbekistan], Tashkent (in Uzbek. and in Eng.).

Potapov, L. P. (1953), *Ocherki po istorii altaytsev* [Essays on the history of Altaians], Academy of Science of USSR Publish, Moscow, Leningrad (in Russ.).

Potapov, L. P. (1958), "The wolf in the old folk beliefs and signs of the Uzbeks", *Short message (Institute of Ethnography named after Miklouho-Maclay)*, Publishing House of the Academy of Science of the USSR, Moscow, Russia (in Russ.).

Satayev, R. (2016), *Zhitovniye v culture Drevney Margiani* [Animals in the culture of Ancient Margiana], Moscow, Russia (in Russ.).

Snesaryev, G. P. (1969), *Relikty domusulmanskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm], Moscow, Russia (in Russ.).

Sokolova, Z. (1972), *Kult zhitovnykh v religiyakh* [Cult of Animals in Religion], Moscow, Russia (in Russ.).

Sprishevskiy, V. I. (1951), *Pogrebeniye s konyom serediny I tisyachiletiya n.e. obnaruzhennoe okolo observatorii Ulugbeka* [Burial with the horse of the middle of the 1st millennium AD discovered near the observatory of Ulugbek], Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Stilt, K. A. (2015), *Animal Welfare in Islamic Law*, Northwestern University of Chicago, USA.

Литература

Абдулахатов, Н.У. Фарғона водийси аҳолиси турмуш тарзида зиёратнинг ўрни. Тошкент, 2008. 304 б.

Авесто: Яшт китоби / М. Исҳоқов таржимаси. Тошкент: «Шарқ», 2001. 126 б.

Агафонова, Г.А. О чем рассказывают наскальные рисунки. Фрунзе: «Кыргызстан», 1982. 24 с.

Аширов, А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. Ташкент: «Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти», 2007. 276 б.

Бахронова, Д.К. Антропозоморфизмларнинг лингвокультурологик хусусиятлари. Тошкент: «Fan va texnologiya», 2018. 100 б.

Камад, И. Обрядовая сторона культов Древней Греции. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 67 с.

Кармышева, Б.Х. Очерки этнической истории Южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1972. 324 с.

Кармышева, Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана., Сталинабад: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1954. 171 с.

Маликов, А.М. Тюркские этнонимы и этнопонимы долины Зарафшана. Ташкент: «Муҳаррир нашриёти», 2018. 216 с.

Малозёмова, Е.И. Образы животных в оформлении иранского холодного оружия. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс] URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-271-5/978-5-88431-271-5_11.pdf (дата обращения: 04.04.2019)

Мирзаев, Т., Жўраев, М. “Авесто” мифологияси ва ўзбек халқ оғзаки ижоди. (Ўзбекистон тарихи журнали) Т.: ЎЗР ФА “Фан”, 2001. № 3. 22-46 б.

Потапов, Л.П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // Краткие сообщения (института этнографии имени Миклухо-Маклая). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. С. 135-142.

Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1953. 444 с.

Сатаев, Р. Животные в культуре Древней Маргияны. М., 2016. 196 с.

Снесарев, Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 338 с.

Соколова, З. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 215 с.

Спришевский, В.И. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э. обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент: 1951. С. 33-42.

Ўзбекистон номоддий маданият мероси рўйхати. UNESCO ishlari bo'yicha O'zbekiston Respublikasi milliy komissiyasi. Тошкент: «Hilol Nashr», 2016. 72 б.

Хайтун, Д.Е. Тотемизм его сущность и происхождение. Сталинабад, 1958. 150 с.

Харитонов, М.А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии: Дис. ... канд. истор. наук. Улан-Удэ, 2000. 186 с.

Хихлуха, В., Мошна, Н. Зарождение древнеегипетской религии. Ранние верования // ГЫЛЫМИ-КЕ ЖУРНАЛ. ОЛКЕТАНУ № 3-4, 2015. С. 53-57.

Durkheim, E. *The Elementary Forms of the Religious Life.* New York: «The Free Press», 1995. 464 p.

Geertz, C. *The Interpretation of Cultures.* New York. «Basic Books», 1973. 470 p.

Ingold, T. *What is an Animal?* London and New York. «Routledge», 1994. 191 p.

Ismailov, A. Totemic foundations of the Uzbek anthroponomy. *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi / 2014-2 (Temmuz-Aralık).* Pp. 313-320.

Jeang Lang. *A book of Myths.* New York, «G. P. Putnam's sons», 1914. 340 p.

Myat Min, Cho Cho Zaw. *ANIMAL care: An islamic perspective with particular reference to unwanted pets – stray dogs and cats.* *International Journal of Business, Economics and Law, Vol. 9, Issue 5 (Apr.) 2016.* Pp. 153-165.

Stilt, K. *Animal Welfare in Islamic Law.* «Northwestern University of Chicago», 2015. 48 p.

William, C. Chittick. *Journal of the Muhyidin Ibn' Arabi Society, Vol. 46, 2009.* Pp. 27-37.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTOR:

Akhrorbek A. Azizov, Doctoral Student, Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz St., Tashkent 100001, Republic of Uzbekistan; *siyovush.azizov@mail.ru*

ОБ АВТОРЕ:

Азизов Ахрорбек Азамжонович, докторант, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, г. Ташкент 100001, Республика Узбекистан; *siyovush.azizov@mail.ru*

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 93/94 377.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-6

Нуридинов Т. К.

ДОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ БУХАРСКОЙ НАРОДНОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В МОСКВЕ
(ОЧЕРК ИСТОРИИ)

Кокандский государственный педагогический институт, Туран 23, Коканд, 150700, Узбекистан; turdali.nuridinov@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена истории Дома просвещения Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) в Москве. В 20-х годах прошлого века подготовка кадров для народного хозяйства была одним из самых актуальных вопросов для БНСР. Освещаются вопросы организации и деятельности дома просвещения БНСР в Москве, а также меры, предпринятые правительством республики для содержания данного учебного заведения.

Ключевые слова: Бухарская Советская Народная Республика; Дом просвещения; Москва; бухарские ученики; «Красный Восток»; рабочий факультет; Зарайская фабрика; школа

Для цитирования: Нуридинов Т. К. Дом просвещения Бухарской Народной Советской Республики в Москве (очерк истории) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 46-50. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-6

T. K. Nuridinov

THE HOUSE OF EDUCATION OF THE BUKHARA PEOPLE'S
SOVIET REPUBLIC IN MOSCOW

Kokand State Pedagogical Institute,
23 Turan, Kokand, 150700, Uzbekistan; turdali.nuridinov@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the history of the House of Education of the Bukhara People's Soviet Republic (BNSR) in Moscow. In 1920-s, training personnel for the national economy was one of the most pressing issues for the BNSR. The article describes the organization and activities of the BNSR House of Education in Moscow, as well as the measures taken by the government of the republic to maintain this educational institution.

Keywords: Bukhara People's Soviet Republic; House of Education; Moscow; Bukhara students; Red East factory; faculty of workers; Zaraysk factory; schools

For citation: T. K. Nuridinov (2019), “House of Education of the Bukhara People's Soviet Republic in Moscow”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 46-50, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-6

После свержения власти эмира в конце августа – начале сентября 1920 г. Бухара попала в сферу интересов советского правительства. Бухарская Народная Советская Республика, существовавшая в 1920–1924 гг., имела важное значение для распространения идей коммунизма на Востоке. Следует отметить, что одной из актуальных тем является изучение вопроса о сотрудничестве БНСР и РСФСР в области образования и подготовки кадров.

Для Бухарской Народной Советской Республики подготовка кадров для народного хозяйства имела важное значение. Молодая республика, несмотря на огромные тяготы военного времени и хозяйственную разруху, вела плодотворное сотрудничество с советскими республиками: РСФСР, Туркестанской АССР и Азербайджаном в сфере образования. Финансовое обеспечение отправляемых в Москву бухарских учеников взяло на себя правительство БНСР¹. Список первой партии бухарских учеников, отправляемых в Москву, был составлен 20 августа 1922 г.² Всего их было 25 человек, из которых 20 узбеков, 3 татарина, 2 таджика; возраст младшего 16 лет, старшему было 22 года³.

12 сентября 1922 г. ученики из Бухары под руководством представителя БНСР в РСФСР Мукамилова были отправлены в города Москву и Петроград⁴. Бухарское правительство всеми силами старалось расширить взаимное

сотрудничество в сфере подготовки кадров с РСФСР. Полномочный представитель БНСР Мукамилов в своем письме на имя заместителя комиссара иностранных дел Л. Карахана подробно описал картину в области образования в БНСР и попросил помочь ходатайством в комиссариат образования РСФСР для организации школы для бухарских учеников в количестве 100 мальчиков и 25 девочек при представительстве БНСР в Москве⁵. В тот период Бухара отправляла своих детей для получения образования в страны Закавказья и Германию. Например, в 1921 г. были отправлены 30 студентов в указанные государства, в 1922 г. около 50 студентов были направлены в Германию⁶. Представительство БНСР в Москве обращалось с просьбой оказать содействие в подготовке кадров для народного хозяйства Бухары в учебных заведениях Москвы к народному комиссариату иностранных дел РСФСР. Л. Карахан в своем письме, направленном на имя тогдашнего комиссара по делам национальностей И. Сталина, приводил вышеуказанные факты и предлагал со своей стороны открыть небольшую школу для бухарских детей в Москве за счет правительства БНСР⁷. В свою очередь, народный комиссар по делам национальностей И. Сталин предлагал открыть за счет БНСР школу для детей Бухары, организовать группу в количестве 30–35 человек в коммунистическом университете в Москве⁸.

¹ Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз) Ф-56, оп. 1, д. 28, л. 16.

² Ibid., д. 38, л. 20.

³ Ibid., д. 28, л. 13.

⁴ Ibid., д. 38, л. 75.

⁵ Архив методического центра координации по вопросам новейшей истории Узбекистана при АН РУз. Ф. 1318, оп. 1, д. 29, л. 16.

⁶ Ibid.

⁷ Архив методического центра координации по вопросам новейшей истории Узбекистана при АН РУз. Ф. 1318, оп. 1, д. 29, л. 94.

⁸ Ibid., л. 111.

По распоряжению СНК СССР в апреле 1923 г. решение вопросов организации в Москве бухарского “Дома просвещения” было возложено на комиссариаты по делам национальностей и просвещения. По решению РКБ(б) здание “Сахаро-Треста” № 9 вблизи Кремля стало первой школой для учащихся из БНСР в Москве⁹.

На первых порах школа была рассчитана на 75 человек. С увеличением числа учеников, приезжающих из Бухары, в здании стало не хватать мест. Представители БНСР в Москве обращались в комиссию по размещению при правительстве РСФСР для оказания помощи в определении нового места для “Дома просвещения” БНСР на 200 учеников. По решению комиссии от 9 июля 1923 г. дом № 17 на улице Спиридоновка стал новым местом для бухарского “Дома просвещения”¹⁰.

Бухарская школа начала свою работу 25 августа на новом месте по распоряжению СНК СССР от 21 августа 1923 г. № 127. Вопросы аренды данного здания были рассмотрены на заседании управления недвижимости города Москвы 5 января 1924 г. Срок аренды был установлен шестилетний, ежегодная плата за аренду составляла 16 000 золотых рублей, а если добавить сюда расходы на ремонт здания, то БНСР должна была платить каждый год 25 000 золотых рублей¹¹.

Правительство БНСР во главе с Ф. Ходжаевым уделяло большое внимание всем сферам деятельности школы. 8 марта 1923 г. на заседании, посвященном данному вопросу, присутствовали Ф. Ходжаев, полномочный представитель Бухары в РСФСР М. Бурханов, председатель высшего Совета хозяйства

М. Мухитдинов, начальник торгового отдела в Москве Г. Ходжаев, директор хлопкового треста Беляков, руководитель “Дома просвещения” Файзи. На основании доклада Файзи были приняты решения по бюджету школы, составу комиссии по надзору за расходом денежных средств, усилению контроля по реализации бюджета, определены меры по набору учеников из бухарской молодежи (устанавливалось, что из ста учеников 25 должны быть девочки), организованы краткосрочные курсы при “Доме просвещения”¹².

Трудное положение, связанное с гражданской войной на территории РСФСР, и хозяйственная разруха оказали свое влияние на деятельность школы. Трудности заключались и в недостаточно прочных связях с назиратом (комиссариатом) просвещения Бухары, всё руководство деятельностью школы осуществлялось московскими органами, такими как попечительский совет фабрики “Красный Восток”, бытовые и учебные условия школы не отвечали элементарным санитарным нормам¹³. Несмотря на экономические трудности и дороговизну продуктов питания в Москве, правительство БНСР и его органы смогли регулярно обеспечивать своих учеников всем необходимым. Если в сентябре 1923 г. для обеспечения одного ученика расходовалось 12 золотых рублей, то в начале 1924 г. на эти цели уходило 29 золотых рублей¹⁴. Имелись и недостатки в обеспечении учеников продовольствием. Руководство фабрики “Красный Восток” деньги, отведенные на нужды школы, использовало для своих целей. Консульство БНСР в Москве для улучшения обеспечения учеников

⁹ ЦГА РУз, Ф-48, оп. 1, д. 239, л.

¹⁰ Ibid., д. 68, л. 68.

¹¹ Ibid., д. 239, л. 121.

¹² ЦГА РУз, Ф-56, оп. 1, д. 52, л. 28.

¹³ ЦГА РУз, Ф-48, оп. 1, д. 239, л. 145-152.

¹⁴ Ibid., л. 146.

продовольствием 13 февраля 1924 г. направило некоторую сумму¹⁵.

В сентябре 1923 г. Кампенус разработал проект расходов Бухарского “Дома просвещения”. Для ремонта здания планировалось выделить 10 000 золотых рублей. Операция по выделению денежных средств на обеспечение бухарской школы осуществлялась через посредников, таких как фабрика “Красный Восток”. Бесконтрольность действий руководителей фабрики привела к тому, что денежные средства, выделенные на ремонт школы, фабрика использовала в других целях¹⁶. В “Доме просвещения” для осуществления полноценного учебного процесса не хватало педагогов и вспомогательного персонала. Для исправления трудного положения руководство школы в феврале 1924 г. разработало новый проект расходов в размере 68 000 золотых рублей. В проекте на основе норм московских школ предусматривалось выделить одного педагога на каждые 5 учеников. Для контроля за здоровьем учеников был создан штат медицинских сотрудников. В дальнейшем произошли изменения в проекте. Расходы школы на 9 месяцев первоначально определялись в размере 65 000 золотых рублей. По проекту, разработанному сотрудницей назирата просвещения БНСР А. Циммерман, все расходы “Дома просвещения” на 9 месяцев должны были составлять 195 963 золотых рублей¹⁷.

В бухарской школе ответственные за воспитание детей люди применяли физическую силу, имелись случаи отправки детей на работу на Зарайскую фабрику. Методы воспитания с применением силы Бурнашевым, одним из руководителей школы, привели к недовольству среди учеников. Бухарские ученики в количестве семи человек были отправлены на

Зарайскую фабрику для ознакомления с производством. Руководители школы отправляли учеников за нарушения на фабрику и использовали труд учеников на производстве почти бесплатно¹⁸.

Для улучшения финансового положения бухарского дома просвещения был создан попечительский совет под председательством бухарского консула в Москве. Попечительский совет взял на себя расходы по обеспечению 54-х учеников в размере 500 золотых рублей в месяц, что составляло 25 % всех расходов “Дома просвещения”. В дальнейшем денежные поступления уменьшились до 45 золотых рублей¹⁹.

Бухарские ученики в этот период обучались и в Германии, Турции и Азербайджане. Весной 1923 г. началась кампания возвращения учеников из-за рубежа не без участия советских представителей. Несмотря на все трудности, Москва являлась самым большим центром по подготовке кадров для народного хозяйства БНСР. По данным на февраль 1924 г., в Москве обучалось всего 172 ученика из Бухары. Они были распределены в следующих учебных заведениях:

- на рабочем факультете – 20 учеников;
- в культурно-просветительской сфере – 16 учеников;
- в военной школе – 7 учеников;
- на Зарайской фабрике – 7 учеников;
- в первостепенной и второстепенной школах – 5 учеников;
- в «Доме просвещения» – 127 учеников.

Из них 50 учеников планировалось разместить в школах, подчиненных

¹⁵ Ibid., л.147.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid., л.148.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ ЦГА РУз, Ф-48, оп. 1, д. 239, л. 149.

Московскому управлению народного образования²⁰.

В начале 1924 г. в Москве обучались не только ученики из Бухары, но также из Туркестана, в количестве 400 человек²¹. Правительство БНСР и его представители, действовавшие в Москве, старались всеми силами и средствами помочь “Дому просвещения”. Несмотря на продолжавшиеся военные действия на территории Бухары и хозяйственную разруху, правительство Республики стремилось обеспечить школу всем необходимым. Через год после образования “Дома просвещения” Бухары в Москве стали очевидными ее успехи и недостатки, определились направления по совершенствованию работы школы. Представители Бухары намеревались решать злободневные вопросы внутренней и внешней жизни школы. Нужно было прежде всего уладить вопросы организационного порядка путем подчинения школы непосредственно назирату просвещения БНСР, назначить должностное лицо, ответственное за постоянную связь с назиратом народного просвещения, установить полный контроль полномочного представителя над всеми структурами школы, довести годовой бюджет школы до 200 000 золотых рублей²².

18 мая 1924 г. отмечалась годовщина “Дома просвещения” Бухары в Москве. Было решено избрать И.В. Сталина, Н.К. Крупскую, Г.В. Чичерина, Ф. Ходжаева почетными руководителями школы²³. Это был первый и последний праздник в истории “Дома просвещения” БНСР в Москве. С проведением национально-государственного размежевания в Средней Азии летом и осенью 1924 г. исчезла с политической арены Бухарская Народная Советская Республика.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Нуридинов Турдали Камбарович, старший преподаватель кафедры методики преподавания истории, Кокандский государственный педагогический институт, Туран 23, Коканд 150700, Узбекистан; turdali.nuridinov@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Turdali Nuridinov, Senior Lecturer, Department of History Teaching Methods, Kokand State Pedagogical Institute, Turan 23, Kokand, 150700, Uzbekistan; turdali.nuridinov@bk.ru

²⁰ Ibid., л. 149-150 [р. 149-150]

²¹ Ibid.

²² Ibid., л. 151-158 [р. 151-158].

²³ ЦГА РУз, Ф-48, оп. 1, д. 239, л. 320.

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

Пенской В. В.

«РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННОЙ КНИГОЙ...

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; *penskoy@bsu.edu.ru*

Аннотация. Данная статья представляет собой рецензию на вышедшую в 2018 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» работу известного российского историка М.М. Крома «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков». Написанная в научно-популярном ключе, эта книга посвящена проблемам формирования и последующего развития раннемодерного Русского государства, которое автор «Рождения государства» рассматривает в широком историческом и географическом контексте. Проанализировав основные аспекты государственного строительства в России в эту эпоху, М.М. Кром приходит к выводу, что Русское государство раннего Нового времени развивалось в целом в том же направлении, что и его западноевропейские соседи, но с определенными отличиями, продиктованными региональными особенностями. Поддерживая выводы автора книги и подчеркивая ее новаторский характер, автор рецензии вместе с тем обращает внимание на ряд спорных и дискуссионных мест в ней.

Ключевые слова: Государство раннего Нового времени; Россия; Иван III; Иван Грозный

Для цитирования: Пенской В.В. «Рождение государства»: размышления над прочитанной книгой... // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С.51-72. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

V. V. Penskoy

“THE BIRTH OF THE STATE”: REFLECTIONS ON THE
BOOK...

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a review of the work of famous Russian historian Mikhail Krom, "The birth of the state: the Moscow Rus of 15-16th centuries", published in 2018 by "The New Literary Review" Publishing House. This book is written in the popular

scientific style and is devoted to the problems of the formation and subsequent development of the early modern Russian state. The author of “The Birth of the State” considers these problems in a broad historical and geographical context. As a result of the analysis of the main aspects of state building in Russia in this era, M. Krom comes to the conclusion that the Russian state of the early New Age was developing in the same direction with its West European neighbors. However, this development retained certain differences. They were due to regional characteristics. The author supports the conclusions of the author of the book and emphasizes its innovative character. However, he draws attention to a number of controversial and debatable places in it.

Keywords: Early Modern State; Russia; Ivan III; Ivan the Terrible

For citation: V. V. Penskoj (2019), “‘The birth of the state’: reflections on the book ...”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 51-72, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-7

Часть 1-я

«Рождение государства» – под таким незамысловатым названием в минувшем году в издательстве «Новое литературное обозрение», в серии «Что такое Россия», вышла новая книга известного российского историка М.М. Крома (Кром, 2018). О чем эта работа, сам автор в предисловии написал так: «Книга, которую держит в руках читатель, необычна, хотя она посвящена хорошо известному, многократно описанному сюжету – возникновению и развитию Российского государства в XV–XVI веках». Необычность же ее, несмотря на тривиальность и своего рода банальность выбранной темы, заключается, по мнению автора, во-первых, в том, что в ней он «вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении тех или иных земель <...> сделал акцент на *внутренних* аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т.д.». Во-вторых же, необычность ее в том, что «этот процесс [формирования государства] рассматривается в широкой сравнительной перспективе, и поэтому, хотя на обложке значится лишь Московская Русь, в тексте

книги делаются многочисленные экскурсии в историю других стран – от Испании на западе до Османской империи на востоке». И в-третьих, необычность книги в том, что, хотя, как указывает историк, в научно-популярной литературе принято популяризовать уже существующие концепции и идеи, в своей новой работе М.М. Кром решился «представить на суд публики новую концепцию возникновения Российского государства еще до появления обобщающей монографии» (Кром, 2018: 7). Рассмотрим же эту концепцию вслед за автором поэтапно, тезис за тезисом, и выскажем свое мнение и комментарии по ее важнейшим положениям¹.

В особых представлениях имя историка не нуждается – те, кто внимательно следит за публикациями по истории России раннего Нового времени, знают его предыдущие работы, равно как и осведомлены о его нетривиальном подходе к освещению тех или иных сюжетов из нее. Новое исследование М.М. Крома, хотя и выдержано в несколько необычной форме, логически продолжает ряд его предыдущих публикаций (см., напр.: Кром, 2017, 2016а, 2016б, 2010а, 2010б, 2009, 2005 и др.), выступая своего рода промежуточным итогом прежних исследований историка в этом направлении.

¹ Отметим, что на эту работу М.М. Крома есть уже по меньшей мере две рецензии. Одна из них написана известным американским историком-русистом Ч. Гальпериным (Halperin, 2018), другая – публицистом и журналистом Е.С. Холмогоровым (Холмогоров, 2018).

Само по себе «Рождение государства» – книга небольшая, которую можно прочесть за пару вечеров, – правда, при условии, что читатель более или менее подготовлен и хорошо ориентируется в хитросплетениях русской истории раннего Нового времени, не говоря уже о том, что он должен быть в курсе хотя бы важнейших «трендов» в ее изучении на сегодняшний день. В противном случае чтение может затянуться – всё-таки автор «Рождения государства» не зря написал во введении к своему небольшому очерку (а книга эта, на наш взгляд, всё же именно очерк, в первую очередь обозначающий проблемы и ставящий вопросы и только во вторую очередь дающий ответы), что он подошел к вопросу об особенностях формирования Русского государства с нетрадиционной точки зрения. Да и отсутствие терминологического словаря и хотя бы краткой хронологической таблицы (и раз уж зашел разговор о помещении событий русской истории раннего Нового времени в общеевропейский контекст – таблицы сравнительно-хронологической) для недостаточно подготовленного читателя затрудняет понимание текста. Впрочем, судя по другим книгам этой серии, такой подход является общим для них, и претензии к отсутствию словаря и хронологической таблицы следует предъявлять не автору, а издателям.

Однако оставим в стороне эти не то чтобы замечания, а, скорее, сожаления об упущенных возможностях и вернемся к главному – к замыслу автора книги и к тому, насколько он удался, а заодно поделимся своими размышлениями, которые родились в результате прочтения книги.

Начнем с самого начала – с раздела, озаглавленного «Русское государство XV–XVI веков в зеркале европейского опыта», заголовок которого автор дополнил пометкой «Вместо введения». Во главе угла здесь поставлен вопрос: процесс формирования Русского государства – это процесс, связанный с собиранием земель или же с собиранием власти? Согласитесь, уважаемый читатель, что такая постановка вопроса более

чем своеобразна, ибо со школьной скамьи (а миллионы школьных учебников врать не могут по определению) нами твердо усвоено, что речь должна идти в первую очередь именно о собирании земель, а уж потом обо всем остальном. Истоки именно такого подхода автор находит в сформировавшейся еще на закате русского Средневековья традиции, нашедшей свое отражение в русской книжности той эпохи, которая была закреплена в знаменитой «Степенной книге» – своего рода официальной версии происхождения государства Российского.

«Схема русской истории, созданная книжниками XVI века, – пишет далее М.М. Кром, – оказала влияние на всю последующую отечественную историографию», начиная с ее основоположников Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Лишь А.Е. Пресняков в 1918 г. попытался было отойти от этой схемы, но полностью преодолеть ее давление он не смог (да и время было не самое подходящее для новаторских идей. – В.П.). При этом, отмечает автор «Рождения государства», историк ограничился рассмотрением «внешней» истории формирования Русского государства, или, другими словами, «дела государева» без обращения к сюжетам истории «внутренней» и тем более к сравнительно-историческим аспектам проблемы. И, что самое важное, почин А.Е. Преснякова не получил развития в последующих исторических штудиях. «Новой научной концепции, удовлетворительно объясняющей суть процесса формирования Российского государства, до сих не предложено», – подытожил итог своим наблюдениям М.М. Кром (Кром, 2018: 9-13). И далее он отметил, что в современной исторической литературе оценки, которые дают те или иные авторы раннемодерному Русскому государству, определяются во многом политическими симпатиями пишущего, «государственническими» или же «либеральными», и с этим тезисом трудно не согласиться. Чтобы выйти за рамки этого «дискурса», представляющего замкнутый круг, М.М. Кром предлагает провести срав-

нительный анализ процессов формирования государства в Русской земле на исходе Средневековья с аналогичными явлениями на Западе и на Востоке – подход, который, на наш взгляд, является весьма многообещающим и имеющим неплохие эвристические перспективы (Кром, 2018: 14).

Приступая к рассмотрению современных концепций современного государства (в нашем случае ранне-модерного. – В.П.), М.М. Кром увязывает их генезис с идеями М. Вебера. В качестве основополагающего признака современного государства по Веберу историк выделяет следующий: развитие государства от средневекового к современному шло по пути постепенной трансформации традиционной патримониальной монархии в монархию бюрократическую, в которой служба, основанная на личной преданности сюзерену, заменяется на безлично ориентированное бюрократическое господство (Кром, 2018: 15). Для того чтобы рассмотреть особенности складывания ранне-модерной русской государственности на фоне аналогичных процессов в Западной Европе, М.М. Кром взял за основу работу американского историка Дж. Стрейера (Straeug, 1970), критически подойдя к использованию ее основных тезисов.

В качестве базовых или «родовых» признаков современного государства автор «Рождения государства» выделил в первую очередь деперсонализацию управления государством. «Делегирование властных полномочий государя его советникам и постепенная бюрократизация управления заметны в Московском государстве уже со второй половины XV столетия», – отмечает М.М. Кром, подчеркивая, что эта «родовая» черта характерна для любого современного государства – хоть для Франции, хоть для Османской империи, хоть для России (Кром, 2018: 18).

Вместе с тем, продолжает дальше историк, относительно других характерных признаков современного государства среди историков нет единого мнения. Однако, на его взгляд, «не особо рискуя ошибиться, можно

назвать некоторые приметы интересующего нас явления» (Кром, 2018: 18). К их числу автор отнес, во-первых, наличие суверенитета как независимости от других правителей во внутренних делах: «... притязание на суверенитет можно считать первым признаком жизни новорожденного государства, его заявкой на самостоятельное существование» (Кром, 2018: 18). Другим важным признаком М.М. Кром считает «переплетение на каждом шагу публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления», при этом «государственное строительство требовало участия, больших затрат, а порой и жертв от различных социальных групп» (Кром, 2018: 18). В результате «новорожденное государство становилось институциональным "каркасом" для формирующегося общества». Прочие же признаки, в частности, способ формирования государственной территории, автор «Рождения государства» не считает существенно важными и относит их к числу локальных особенностей (Кром, 2018: 19).

Соглашаясь с принципом «делегирования» властных полномочий как одним из признаков современного государства (при этом отмечая, что эта тенденция наметилась еще в Средневековой Европе, основываясь на идеях римского права), мы всё же выскажем сомнения относительно двух других его черт. Тот же принцип суверенитета как независимости во внутренних делах является прямым развитием знаменитой фразы «Rex est imperator in regno suo», которая входит в оборот со второй половины XIII в. (см., напр.: Малинин, 2008: 221-236), когда о современном и даже ранне-модерном государстве не могло быть и речи. Равно и о вовлечении в процесс государственного строительства различных социальных групп – разве не был в Средневековье известен принцип римского права, гласящий: «Quod omnes tangit omnibus commprobetur»? Ведь опираясь на него и формируется сама идея «народного» представительства и «народного» суверенитета (пусть на первых порах и в усеченном виде,

применительно к «политическому народу»).

Есть возражения и еще по одному утверждению М.М. Крома, сделанному в конце этой главы. Используя идею Й. Шумпетера о государствах «домениальных» и «налоговых», историк полагает, что современное Русское государство в московский период его истории было «домениальным», и «лишь реформы конца XVII – начала XVIII века ознаменовали переход к созданию "налогового государства"» (Кром, 2018: 24). Однако здесь возникает вполне закономерный вопрос: а как быть, к примеру, с известной фразой из завещания Дмитрия Ивановича о том, что коли «переменил Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем оуделе, то тому и есть»? (Духовные и договорные грамоты, 1950: 34). Ведь из нее легко сделать вывод о существовании на Руси еще во времена ее вассальной зависимости системы прямого налогообложения, пусть и в примитивной форме, а значит, уже великое Владимировское княжество не могло считаться в полной мере «домениальным» государством? И когда автор «Рождения государства» пишет о том, что «нехватка денежных средств и важная роль земельных ресурсов в странах Центральной, Северной и Восточной Европы приводили к консервации здесь патриархальных и патримониальных (порусски – "вотчинных") отношений», в том числе и крепостного права (Кром, 2018: 23-24), то это ведь одно из существующих объяснений возникновения «второй редакции» пресловутого крепостного права, и уж во всяком случае, его природа в России явно имела иные основания, чем, к примеру, в той же Польше или Венгрии. Достаточно вспомнить в этом случае о концепции И. Валлерстайна (Валлерстайн, 2015: 106-119).

Впрочем, в том, что эти (и ряд других) идеи и принципов, имеющих отношение к современному государству, известны еще со времен как минимум Высокого Средневе-

ковья, нет ничего необычного и неожиданного, ибо, по нашему убеждению, само современное государство в ранних его формах «прорастает» сквозь средневековую основу эволюционным путем. Следовательно, провести четкую грань, «the thin red line», между позднесредневековым государством и раннемодерным, не представляется возможным. То же «собрание власти» де-юре представляло не что иное, как возвращение государством, персонифицированным в образе монарха, утраченных в раннем Средневековье властных полномочий (в противном случае без апелляции к нарушенной «старине» как к высшему авторитету эта политика не имела бы успеха). Равно не имеет смысла вести речь о «собрании земель», ибо де-юре территориальное единство государства даже в эпоху пресловутой «феодальной раздробленности» никуда не девалось. Отсюда и споры среди историков относительно того, что можно отнести к признакам современного государства, а что не стоит. Но в чем мы совершенно точно согласны с М.М. Кромом, так это в том, что «формирование государства Нового времени отнюдь не всегда и не везде сопровождалось "собранием земель" и объединением страны: это *разные* процессы, которые в некоторых случаях переплетались», равно как и с тем, что «в аграрных и слабо урбанизированных регионах современное государство выросло на другой материальной основе и в иных социальных условиях, чем в районах, где процветала торговля и существовали богатые города» (Кром, 2018: 21, 23). Тем более удивительным представляется тот факт, что в разных условиях возникают схожие ответы на вызовы времени.

Однако вернемся к «Рождению государства». Во 2-ой главе книги М.М. Кром задается вопросом об отправной точке, от которой стоило начинать исследование проблемы. Такой точкой исследователь определил 1425-й год, год смерти Василия I, сына Дмитрия Донского. «Указанная дата, при всей ее условности, – продолжает

историк, – служит некоей гранью, отделяющей период так называемой раздробленности от последующей эпохи рождения государства» (Кром, 2018: 28).

Безусловно, в истории с рождением и последующим развитием современного государства, если принять во внимание, что, как уже было отмечено выше, оно «прорастает» сквозь живую ткань государства средневекового, определить поворотный момент, точку отсчета (до нее у нас государство средневековое, после – уже современное) практически невозможно. Но в данном конкретном случае, пожалуй, есть все основания согласиться с мнением историка, ибо смерть Василия I и последовавшие за ней события действительно изменили ход истории Русского государства. Однако обо всем по порядку. Свой выбор 1425-го года в качестве отправной точки исследования М.М. Кром мотивировал тем, что, как отмечают современные исследователи (жаль только, что автор не указал, кто именно – непосвященному читателю остается только догадываться, о ком идет речь. – В.П.), какая-то сознательная политика объединения русских земель вокруг Москвы или иного политического центра не наблюдается до конца XIV века (Кром, 2018: 27-28).

Смелое утверждение, и, пожалуй, мы не стали бы утверждать нечто подобное столь категорично. Если вести речь о «собирании земель», то, быть может, так оно и было, но если говорить о «собирании власти», то здесь можно и поспорить. По нашему мнению, два этих процесса, «собирания земель» и «собирания власти» тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В условиях, когда владения дома Рюриковичей рассматривались как некое «семейное дело» и великий князь был «в отца место», «братом старейшим», возглавлявшим свою «молодшую братию», его влияние и авторитет во многом определялись его личными качествами как правителя, его «удачей» (и в этом плане Русь XIV века, конечно же, никак «не тянет» на статус современного государства даже в его ранней стадии). Во многом, но не во всем – материальный фактор

также играл свою роль, и наличие сильной дружины и богатой казны существенно облегчало «старейшему брату» задачу обуздания своевольной «младшей братии» и навязывания им своей воли. Отсюда и стремление равно как московских, так и тех же тверских князей XIV в. нарастить свой ресурсный потенциал, округлить свои владения и обеспечить непрерывный и нарастающий поток «злата и серебра» в свою казну.

Можно ли считать такую политику сознательной – очевидно, что да. Существовала ли у дома московских Даниловичей некая долгосрочная, рассчитанная на десятилетия, если не на века, вперед политическая программа по созданию пресловутого «централизованного» государства – очевидно, что нет. Однако сама логика политической борьбы за верховенство и доминирование в Залесской Руси диктовала шаги в этом направлении, и московские князья преуспели в этом больше других.

Но тогда как быть с 1425-ым годом, спросите вы, уважаемый читатель. Ответ на этот закономерный вопрос мы бы сформулировали следующим образом: династический кризис, последовавший за смертью Василия I, ускорил процесс «собирания власти» (и, само собой, земель), придав ему необратимый характер и утвердив Москву окончательно во главе всех прочих русских княжеств Северо-Восточной Руси, которой в не столь далекой перспективе предстояло стать Московской, а не Тверской или Нижегородской Русью, не говоря уже о «другой» Руси, Руси Литовской. Кстати, автор «Рождения государства» подверг критике концепцию «литовской Руси» как «Руси другой», альтернативной московской (см., напр.: Думин, 1991). По его мнению, не стоит путать масштабную внешнюю экспансию с «собиранием земель», и тем более литовские великие князья не могли претендовать на роль объединителей русских земель по причине своего иноверия. «Существование в великом княжестве многочисленного православного населения с католической правящей элитой таило в себе

угрозу раскола страны», – отмечает историк (Кром, 2018: 29). Правда, здесь М.М. Кром противоречит сам себе, ибо в своей предыдущей работе о судьбе литовских земель на востоке княжества, на границе с Русью московской, он де-факто занял иную позицию, указывая, с одной стороны, на «отсутствие религиозной границы, как и твердой политической линии раздела между Московским и Литовским государством» на протяжении 1-ой половины «долгого XVI века», что позволяло пограничным князьям легко менять своих суверенов, а с другой стороны – подчеркивая успехи политики литовских властей по «привязыванию» русских земель к своей «отчине» (Кром, 2010б: 82, 225, 227). И религиозные различия между правящей династией и ее подданными, как показывает опыт той же османской Турции или империи Габсбургов, в раннемодерную эпоху вовсе не были причиной, по которой эти государства оказывались нежизнеспособными². Так что вряд ли можно с уверенностью сказать, что для Гедиминовичей или Ягеллонов «собрание» русских земель было такой уж неразрешимой задачей и что литовской альтернативы московскому варианту объединения Руси не могло быть в принципе. Вопрос, на наш взгляд надо ставить иначе – почему эта альтернатива при всех прочих равных условиях не состоялась? И, на наш взгляд, ответ на этот вопрос надо искать в особенностях политического кризиса, который практически одновременно охватил оба великих княжества, и Московское, и Литовское, во 2-й четверти XV в., и выхода из него.

Но вернемся обратно к тексту 1-й главы. Анализируя особенности политического устройства северо-восточных русских земель в XIV – начале XV вв., автор

«Рождения государства» справедливо отмечает, что «в ту патриархальную эпоху удельные князья вовсе не были подданными великого князя», поскольку «их отношения с ним регулировались специальными договорами». Эти договора устанавливали, что «в своем уделе князь был полновластным хозяином» (причем это в равной степени касалось как «старшего» «брата» - великого князя, так и «молодшей брата» - удельных князей), что со всей неизбежностью вело к тому, что «полная автономия уделов делала призрачным территориальное, судебное, административное и какое-либо иное единство великого княжества Московского (курсив мой. – В.П. Стоит подчеркнуть, что подобного рода отношения между великим князем и его «молодшей братьей» сохраняются и дальше. Вплоть до времен Василия III и, возможно, еще дальше), за исключением единства военно-политического» (Кром, 2018: 35)³. И далее на примере истории с присоединением Нижегородского княжества к владениям великого князя московского М.М. Кром доказывает, что «приращение территорий вовсе не тождественно строительству государства» (Кром, 2018: 36-37).

Трудно не согласиться с этим утверждением историка, однако есть, как говорится, нюансы. Да, приращение территории («собрание земель») не тождественно строительству государства («собранию власти»), но, как мы уже отмечали выше, это две части одного и того же процесса. И потом, так ли уж характерен нижегородский казус именно как демонстрация истинности тезиса автора? М.М. Кром пишет, что «пока сюзереном русских князей оставался ордынский хан, никакое присоединение не могло считаться прочным и окончательным». Да, как будто так оно и было. Но с

² О методах и приемах управления в таких поликонфессиональных и разноязычных государствах см., напр.: Kollmann, 2012: 3 (в русском переводе: Коллманн, 2016: 17). В дальнейшем для удобства мы будем ссылаться только на русскоязычное издание этого исследования.

³ Отметим, что тезис о том, что военно-политическая «централизация» наступила в Русском государстве раньше, нежели все остальные ее виды, выдвинул в заочной дискуссии с А.Л. Хорошкевич А.А. Смирнов (см.: Смирнов, 1994).

другой стороны, как быть в таком случае с историей о выдаче ярлыка на великое владимирское княжение Михаилу Тверскому? Получается, что дело не только и не столько в том, были ли ордынские «цари» сюзеренами русских князей, сколько в том, признали ли себя последние вассалами первых и могли ли они оказать сопротивление «царям», если полагали, что «царское» решение не соответствует их устремлениям. И в таком случае фраза о том, что «только обретение государственного суверенитета могло гарантировать стабильность сложившейся территории и незыблемость границ» (Кром, 2018: 38) повисает в воздухе без одного небольшого, но весьма важного уточнения – при наличии реальной силы, посредством которой можно было обеспечить этот самый суверенитет не на словах, но на деле.

Другое утверждение историка, следующее из его анализа нижегородского казуса, гласит, что «ни наличие ханского ярлыка, ни несомненный военный перевес Москвы не могли обеспечить ей прочные позиции в присоединенном крае: многое зависело от поддержки местных князей и боярства» (Кром, 2018: 38). Но вот ведь что любопытно – в современной историографии, посвященной проблемам становления и развития раннемодеิร์นного государства, подчеркивается, что государство это в силу своей слабости и неразвитости властной инфраструктуры (того, что Дж. Брюэр назвал «жилами власти», «*sineews of power*» (Brewer, 1989)) полагалось не только на принуждение и насилие, но скорее на достижение некоего взаимовыгодного компромисса с местными элитами посредством переговоров и разного рода неформальных практик. «Переговоры, а не насилие – вот ключевая концепция» отношений между верховной властью и местными элитами в раннемодеิร์นных государствах (см, напр.: Rethinking Leviathan, 1999: 12, 200-201). Совместить два этих тезиса можно только в том случае, если исходить из того, что раннемодеิร์นное государство вырастает эволюционным путем из позднесредневекового и

несет в себе множество пережитков «старинны».

Точно так же, на наш взгляд, обстоит дело и с третьим утверждением М.М. Крома о том, что «ни на одном из этапов многолетней борьбы за Нижний Новгород со стороны великого князя московского не видно попыток создать новые структуры управления на местах или каким-то иным способом удержать присоединенную территорию» (Кром, 2018: 38). Насколько полно наши источники отражают именно эту сторону деятельности великокняжеской власти в Нижегородском княжестве, чтобы можно было столь однозначно утверждать об отсутствии попыток создания в нем великокняжеской администрации? И как согласуется такая политика с политикой выстраивания взаимовыгодных отношений с местными элитами? М.М. Кром упоминает об энергичной политике Ивана III и Василия III по интеграции Великого Новгорода, Твери и Пскова в состав Русского государства, однако эта энергичность носила достаточно противоречивый и двойственный характер – тот же Новгород и ко временам Ивана Грозного сохранил достаточную степень внутренней автономии, на что обращал внимание ранее ряд отечественных ученых (см., напр.: Казакова, 1982: 156-159). И снова обратимся к опыту западной историографии. Дж. Эллиотт отмечал, что в раннемодеิร์นных государствах Западной Европы королевские власти, устанавливая военный контроль над вновь присоединенными землями, вместе с тем *надстраивали* (курсив мой. – В.П.) над старыми административными структурами новые (Elliott, 1992: 55). То есть, по сути, старые административные и судебные структуры оставались (на первых порах, во всяком случае), нетронутыми, а над ними появлялась фигура королевского наместника (губернатора), которая, кстати, зачастую могла быть призвана на службу из числа местных аристократов.

Одним словом, мы не склонны поддерживать выдвинутый М.М. Кромом тезис о том, что «с образованием государства (надо

полагать, что историк в данном случае имел в виду, конечно же, модерное государство. – В.П.) меняются отношения между центром и провинциями страны, которые ставятся под более жесткий контроль великокняжеской (а потом царской) администрации», причем, по мнению автора, «следует говорить о серьезных сдвигах, *радикальных перемен*, которые на протяжении жизни одного поколения (курсив мой. – В.П.) затронули властные отношения, идеологию, территориальную структуру и другие важные сферы жизни Московской Руси» (Кром, 2018: 39).

Такая постановка вопроса предполагает некую «революцию» в отмеченных автором книги сферах деятельности государства и общества. Но была ли возможна такая «революция» как коренной переворот, как рождение нового качества в реалиях раннемодерной России? Относилось ли московское общество раннего Нового времени к «горячим», способным к радикальным переменам, или же к «холодным», которые, по словам К. Леви-Стросса, «желают его (неизбежный процесс изменений привычного образа жизни. – В.П.) игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими “первичными” относительно своего развития (курсив мой. – В.П.) ...» (Леви-Стросс, 2008: 439).

Представляется, что аграрное, патриархальное и консервативное по своей сути раннемодерное русское общество относилось всё же к последнему типу, и ожидать

от него резких шагов по изменению привычного уклада жизни было бы несколько преждевременно – нужны были великие потрясения, чтобы эти перемены стали возможными. А пока этого не случилось, пока верховная власть не нарастила в достаточной степени пресловутые «жилы власти», она была вынуждена считаться с тем, что, как отмечала Н. Коллманн, «легитимность основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, *хранить традицию* (курсив мой. – В.П.) и обеспечивать безопасность в обществе» (Коллманн, 2016: 522). И сам автор «Рождения государства» в одной из своих прежних работ отмечал, что «реформы вообще плохо вязались с образом богоданной традиционной власти» (Кром, 2005: 292)⁴. Так что, говоря о характере отношений верховной власти и «земли», центра и провинций, мы всё же акцентировали бы внимание на постепенности, эволюционности перемен, их растянутости во времени (ни в коем случае не при жизни одного поколения) – как минимум, весь броделевский «долгий XVI век».

Снова вернемся к тексту «Рождения государства». Безусловно, и в этом трудно не согласиться с мнением автора, Великое Владимирское княжество и Великое княжество Московское как его составная часть были типичной средневековой аморфной политией, однако стоит ли отказывать ему в праве именоваться государством только на том основании, что оно не соответствует

⁴ Здесь стоит вспомнить наблюдение, которое сделал А.П. Каждан. Он писал в свое время, что для византийцев «мир не просто тварь, но и раскрытие Божества, мир – божествен... Мир соответствует мудрости бога, всякое осуждение порядков мироздания – богохульство. Поскольку мир божествен, мысль о преобразовании его кажется христианину противоестественной. Христианская космология как бы становится оправданием византийского хозяйственного и политического традиционализма: *все должно оставаться таким, каким вышло из рук творца, завтрашний день должен лишь повторять, лишь воспроизводить сегодняшний* (курсив мой. – В.П.) ...». Таким образом, традиция в византийской ментальности носила ярко выраженный сакральный характер, «традиция понималась здесь как богооткровенная, как восходящая к высшему знанию» (Каждан, 2006: 153-154, 162). Между тем Г.Г. Литаврин указывал, что «Официальная государственная доктрина на Руси, как и в самой империи и других “православных” государствах юго-востока Европы и Кавказа, опиралась на учение восточнохристианской церкви... *Неофиты не могли воспринять византийскую религиозную доктрину частично или в модифицированном виде. Они должны были усвоить ее целиком* (курсив мой. – В.П.) ...» (Литаврин, 1999: 471).

критериям современного (и тем более постмодерного) государства, как это делает М.М. Кром? (Кром, 2018: 39). Само понятие «государство» есть понятие историческое, развивающееся, и сравнивать прямолинейно, в лоб, политические образования разных эпох и народов было бы неверно – в таком случае стоило бы признать, что, к примеру, афинская демократия времен Перикла или Римская республика не являлись государствами⁵, ибо они «не добирают» суммы признаков «классического» государства Нового времени (и даже на фоне пресловутых «древневосточных деспотий» совсем не смотрятся именно «государствами»). Другое дело, что для такого рода средневековых государств, в отличие от современного и даже ранне современного, характерна была высокая степень значимости субъективного фактора – проще говоря, личности правителя. Власть действительно носила в значительной степени «личный» характер, не опосредованный, как это будет позднее, той же бюрократией в центре и на местах, и это, пожалуй, едва ли не важнейший признак, отделяющий средневековое государство от современного.

Завершая размышления над текстом первой главы «Рождения государства», не можем не отметить еще один тезис автора. По его мнению, в конце XIV – начале XV в. в Русской земле (понимая под нею ядро будущего Русского государства) шли процессы, которые могли привести к тому, что «при определенном раскладе политических сил вполне можно было себе представить формирование нескольких независимых государств» (Кром, 2018: 43). Действительно, при сравнении особенностей политического развития отдельных регионов Русской земли в это время может сложиться впечатление, что повторяется ситуация, которая имела место в начале XIII в., когда на Руси образовалось несколько центров политического притяжения, которые вполне могли стать ядрами отдельных государств наподобие частей бывшей империи

Каролингов. Другой вопрос, насколько реально была такая альтернатива именно в этот период, поскольку великие московские князья, располагая к этому времени еще и ресурсами великого Владимирского князя (о чем пишет и сам автор «Рождения государства»), прочно заняли среди прочих князей Северо-Восточной Руси главенствующее положение.

Третья глава работы, «Династическая война 30–40-х годов XV века и рождение “господарства/государства”» посвящена, как видно из ее заголовка, бурным событиям времен правления Василия II. Конфликт внутри московского правящего дома, вызванный спором из-за того, кто унаследует престол – сын Василия I малолетний Василий или же его дядя Юрий. «Перспектива оказаться в подчинении у малолетнего племянника (а точнее, у его матери-вдовы) едва ли радовала взрослых братьев Василия I – Юрия, Андрея, Петра и Константина», – пишет автор «Рождения государства» (Кром, 2018: 48). При этом историк отмечает некую неопределенность, содержащуюся в завещании Василия I относительно перспектив унаследования власти его сыном, объясняя ее возможностью вмешательства хана в династическую распря и передачи ярлыка «мимо» юного княжича. Правда, здесь есть два момента, на которые стоило бы, на наш взгляд, обратить внимание. Первый связан с личностью наиболее вероятного претендента на великокняжеский стол – Юрия Дмитриевича Звенигородского, опытного политика и удачливого полководца. Как потенциальный кандидат на великое княжение он был не слишком выгоден Орде – слишком самостоятелен был этот князь. И второе: М.М. Кром упоминает о том, что одним из душеприказчиков Василия I был его тесть великий князь литовский Витовт. Но вот что любопытно – спустя почти сто лет после этих событий имперский посол С. Герберштейн писал в своих «Записках о Московии», что, подо-

⁵ О концепции «безгосударственного» полиса см., напр.: Штаерман, 1989; Berent, 2006.

зревая Софью Витовтовну в прелюбодеянии, Василий I завещал власть и стол своему брату Юрию, однако большинство московских бояр отказались поддержать Юрия (Герберштейн, 2008: 65).

Повторил ли Герберштейн слухи, ходившие в оппозиционных кругах московской знати в начале XVI в., или же под рассказанной им историей лежит некая тайна московского двора – сегодня уже не установить, но тот факт, что в истории борьбы племянника и дяди за великокняжеский стол отчетливо просматривается «литовский» след, вряд ли стоит отрицать, равно как и то, что противостояние Василия Васильевича и Юрия Дмитриевича было противостоянием не просто двух претендентов, но и двух «партий» при дворе, условно «московской» и «литовской». И еще – это противостояние происходит на фоне предпринятого Витовтом в последние годы его жизни наступления на русский Северо-Запад, ставшего следующим шагом литовского князя после установления своей власти над Смоленском, помощь которому не сумел оказать Василий I. Малолетний княжич на московском столе, за которого будет управлять его мать с репутацией властолюбивой и заносчивой, и за их спинами маячит фигура могущественного и влиятельного литовского князя – перспектива попадания Москвы, а с нею и Великого Владимирского княжества, в орбиту влияния литовской политики была, похоже, более чем реальна⁶, особенно если бы Витовту удалось подчинить своему влиянию Псков и Новгород. Как к этому отнесся Юрий Звенигородский и не здесь ли кроется ответ на вопрос, почему он отказался присягать Василию Васильевичу и заявил о своих претензиях на стол? Кстати, М.М. Кром отмечает, но не

развивает дальше наблюдение, что очередное обострение борьбы за власть между дядей и племянником осенью 1431 г. пришлось на момент, когда с политической сцены сошли две влиятельнейшие фигуры, сыгравшие важнейшую роль в урегулировании кризиса 1425 г. мирным путем – митрополит Фотий (у которого был свой интерес не сориться с Витовтом) и сам Витовт (Кром, 2018: 49).

Любопытной представляется и история о том, как рассудил спор двух претендентов на московский стол ордынский «царь» Улуг-Мухаммед⁷. Традиционно принято считать этот «арбитраж» символом зависимости русских князей от «царя», и автор «Рождения государства» стоит на этой позиции. Однако можно на эту историю посмотреть и иначе – как на использование «царя» русскими князьями для разрешения своих споров как менее затратный (по сравнению с войной) способ решения сложного спора. Столь же неоднозначной выглядит и история последующей борьбы Василия с Юрием и его сыновьями (см., например: Лурье, 1994: 88-92)⁸. Но что сегодня не вызывает сомнения, так это утверждение, что «борьба за престол (между племянником и дядей. – В.П.) носила личный и клановый характер, и нет оснований интерпретировать ее как столкновение сил “реакции” и “прогресса”» (Кром, 2018: 53). Другое дело, что эта борьба личностей и кланов самой своей логикой вела к укреплению позиций верховной власти и ускорению процесса «собрания власти». И в этом плане любопытным представляется сравнение аналогичных династических конфликтов во Франции при Карле VI и Карле VII и в Англии во второй половине XV в. (знаменитая война Алой и Белой Роз).

⁶ На эту вероятность обращал внимание еще Л.В. Черепнин, полагавший, что оговорка в завещании Дмитрия Ивановича относительно перехода власти к его сыну Василию была связана с опасениями Донского относительно перехода Москвы под влияние Литвы. См.: Черепнин, 1948: 62.

⁷ Стоит отметить, что, к примеру, Я.С. Лурье полагал, что исход ордынского «арбитража» носил неопределенный характер, чем и объясняется несчастливая судьба главного переговорщика со стороны Василия II боярина И.Д. Всеволожского (Всеволожа). См.: Лурье, 1994: 88.

⁸ М.М. Кром, хотя и упоминает эту работу Я.С. Лурье и частично использует ее результаты, однако предпочитает следовать традиционной версии событий.

Повествуя о событиях времен противостояния Василия II с его дядей и его сыновьями, М.М. Кром делает еще одно важное наблюдение. По его мнению, избрание в 1448 г. русскими иерархами главой Русской церкви митрополита Ионы «следует рассматривать в русле общеевропейской тенденции к “национализации” местных церквей, их обособления от вселенской церкви (соответственно католической или православной) и подчинения светской власти той или иной страны» (Кром, 2018: 59). И, приняв эту точку зрения, можно с уверенностью заявить, что в этом вопросе формирующееся раннемодерное Русское государство шло если не в первых рядах, то, во всяком случае, было одним из первых, кто встал на этот путь.

С этим сюжетом связан и другой, на который обращает внимание М.М. Кром. По его мнению, в эти десятилетия в митрополичьей канцелярии постепенно вырабатывается новая идеология, религиозно-политическая доктрина, частью которой стала новая титулатура великих князей – в нее входит термин «господарь». М.М. Кром отмечает, что сам этот термин (в разных прочтениях и «господарь», и «осподарь») использовался и ранее, «но к концу династической войны слово “господарь” начало приобретать новый смысл – верховного правителя страны». При этом в грамотах, что выходили из митрополичьей канцелярии, «господарство», продолжает дальше историк, «устойчиво использовалось для обозначения крупных политических образований – соседей формирующегося Русского государства». Следовательно, делает вывод автор «Рождения государства», «уже в середине XV века митрополия выработала идеологическую платформу и титулатуру для великокняжеской власти, которые значительно опережали политическую практику: русское “господарство” мыслилось полностью независимым и суверенным (“самодержавным”), хотя в реальности еще не была ликвидирована зависимость русских князей от ордынских ханов» (Кром, 2018: 63, 64, 65). Безусловно, это

был важный шаг на пути формирования раннемодерного Русского государства. Как отмечала уже упоминавшаяся нами ранее Н. Коллманн, «в послереформационной Европе процессы конфессионализации – движения в рамках католической и протестантской конфессий, направленные на четкое формулирование вероучения и дисциплинирование членов общины, – дополняли усилия власти по консолидации общества вокруг государства и церкви» (Коллманн, 2016: 15). И наблюдение, сделанное М.М. Кромом, подтверждает тезис американской исследовательницы – раннемодерное Русское государство, переживавшее во второй четверти XV в. процесс своего рождения, вступило на путь этой самой «конфессионализации».

Еще одно важное наблюдение, которое сделал М.М. Кром и о котором нельзя не сказать: противостояние между Василием II и его оппонентами стало поворотным пунктом в истории Русского государства еще и потому, что «великое княжение, которое еще в конце правления Василия I представляло собой рыхлую политическую структуру, уже в середине столетия превратилось в монархию с явной тенденцией к единодержавию» (Кром, 2018: 65). Но вот на что, на наш взгляд, стоило бы обратить внимание, говоря о монархии и единодержавии в середине XV в., – на личность самого монарха, Василия II, за которым в историографии прочно закрепилась репутация неудачника и серой, ничем не примечательной личности. М.М. Кром в своей оценке Василия II следует этой традиции, не отказывая Василию лишь в личном мужестве и храбрости (Кром, 2018: 52). Однако представляется, что такой подход к оценке великого князя, мягко говоря, весьма предвзятый и односторонний. По аналогии с известной концепцией «двух Иванов» можно вести речь и о концепции «двух Василиев». Один Василий – молодой и неопытный великий князь, целиком и полностью находящийся под влиянием и своих советников и матери, и другой Василий – изрядно побитый жизнью, жесткий,

если не сказать жестокий, коварный, умеющий играть вдолгую; правитель настойчивый, упорный и терпеливый, умеющий добиваться своего любой ценой, подлинный макиавеллиевский князь. Конечно, короля играет свита, однако не стоит преувеличивать роль двора, как это делает М.М. Кром вслед за А.А. Зиминим (Кром, 2018: 51-52. Ср.: Зимин, 1991: 57-58). Бесталанный князь-неудачник, да еще и с сомнительными правами на престол, не сумел бы удержаться на плаву и сохранить доверие своих людей и их поддержку⁹. Те, кто так думали по отношению к Василию, сделали большую ошибку и жестоко за нее поплатились – хорошо еще, если только изгнанием. И называя Ивана III создателем Русского государства, вряд ли стоит забывать о его отце, который в жестокой борьбе за власть заложил фундамент того самого государства, которое и выстроил вчерне Иван III.

Кстати, о фундаменте. М.М. Кром пишет, что «многие уделы были ликвидированы в ходе междоусобной борьбы, а те, что остались, или были заново созданы по завещанию Василия II (1462), или потеряли былую автономию, а их владельцы из «братии младшей» великого князя превратились в его, «великого господаря», подданных» (Кром, 2018: 65). Тот факт, что удельная система пережила междоусобицу (и не только ее), свидетельствует в пользу предположения, что верховная власть в лице московских государей боролась не против самих уделов как таковых, не против «системы» (не ими она была создана, не им эту «старину», и отменять), но против конкретных личностей. Удельная система умерла естественным образом со смертью хозяев уделов, а не потому, что верховная власть боролась с нею до полного ее искоренения. Что же до утраты автономии, то представляется, что это несколько поспешное утверждение. Возьмем, к примеру, dokonчанье между Василием II и князем серпуховским

и боровским Василием Ярославичем. Отношения между «старейшим братом», князем великим, и «братом младшим», князем удельным, в нем описываются практически в тех же выражениях, что и прежде. Точно так же, как и прежде, в dokonчанье сохраняется свое место формула, согласно которой «братья» обязывались вотчины и уделы контрагента «блюсти, и боронити, и печаловатися, а не обидети, ни вступатися», «данщиков своих не слати, ни приставов не выслати, ни грамот давати, ни закладней и оброчников ми не держати» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 179-186).

Как видно, внутренняя автономия остается практически неприкосновенной, и только во внешней сфере, в «деле государевом» в том, что касается войны и внешних сношений, «суверенность» удельных князей несколько ограничивается. Стали ли после этого удельные князья подданными великого князя? Думается, что всё же нет. А раз так, то и говорить о том, что «формировалась единая в административном, судебном и финансовом отношениях территория государства» (Кром, 2018: 66), также преждевременно. Это единство касалось территорий, которые входили в состав великокняжеского домена, который постоянно рос в размерах, но никак не владений удельных князей, в которые великий князь и его люди, согласно освященной веками традиции и обычаю, не имели права «вступатися». Другое дело, что, поскольку среди удельных князей теперь чем дальше, тем больше будут доминировать князья – ближайшие родственники великого князя, которые автоматически переносили в свои уделы московские порядки, таким «ползучим» способом администрирование, судопроизводство и взимание податей явочным порядком унифицировалось. Но полагать это некоей целенаправленной политикой верховной власти было бы, на наш взгляд, преждевременно, ибо эта «унификация» за

⁹ Кстати, А.А. Зимин показывает, как в результате второго поражения от Юрия Дмитриевича Василий II стремительно потерял свой авторитет и влияние и превратился в князя-изгоя (Зимин, 1991: 64-67).

пределами великокняжеской «вотчины» нарушала традицию.

Разобрав вторую главу, перейдем к главе третьей, носящей название «Иван III: обретение государственного суверенитета». И поскольку понятие суверенитета, понимаемого как полная свобода государя от каких-либо форм внешней зависимости и верховенство в делах внутренних, является одним из важнейших, по М.М. Кром, признаков современного государства, постольку эта глава может быть отнесена к числу наиболее значимых в книге.

Сам М.М. Кром трактует понятие суверенитета прежде всего как независимость от каких-либо иных иностранных государств, и в этом плане действительно, Иван III не только де-факто добился полного суверенитета Русского государства во внешней политике, но и озвучил понимание своей независимости и нежелания впредь подчиняться кому бы то ни было, хоть татарскому «царю», хоть римскому императору, в своих знаменитых словах (см.: Памятники, 1851: 12), обращенных к имперскому посланнику рыцарю Н. Поппелю (о чем пишет и автор «Рождения государства»). Стоит отметить, что для обретения суверенитета для Русского государства во второй половине XV в. сложилась благоприятная ситуация, и Иван III на все сто процентов воспользовался приоткрывшимся для него «окном возможностей».

В самом деле, к этому времени (см.: Кром, 2018: 69-70), Золотая Орда де-факто перестала существовать, распавшись на конгломерат враждующих между собой татарских юртов, каждый из которых по отдельности уже не представлял собой той силы, какой обладал Джучиев улус во времена своего могущества. Любопытное наблюдение, подтверждающее этот тезис, сделал автор «Рождения государства», отметив, что поход хана Ахмата в 1480 г. «не был подобием прежних карательных походов ордынцев на Русь: из внутреннего дела хана и его вассалов-князей русско-ордынские отношения стали частью международных отношений Восточной Европы» (Кром,

2018: 71). Эпоха безусловного доминирования Орды в Восточной Европе подошла к концу.

Замыслам Ивана III благоприятствовала и ситуация, которая сложилась в Великом княжестве Литовском. После династической войны, пришедшейся примерно на те же годы, что конфликт между Василием II и его дядей (и его сыновьями), Литва так до конца и не оправилась и не восстановила свою прежнюю мощь. Вялые действия великого князя Казимира в новгородском вопросе и его явное нежелание вступать в прямой военный конфликт с Иваном, а использовать для этой цели Ахмата, косвенно свидетельствуют об этом.

И, наконец, Западная Европа еще не «открыла» в полной мере для себя Европу Восточную, ее участие в местных политических делах пока было еще минимально (переговоры с римской курией и заключение брака Ивана III с Зоей Палеолог ознаменовали начало выхода России на широкую европейскую арену – но только начало).

Но вот с чем мы не согласны, так это с тем, что, как пишет М.М. Кром, «во внутренних делах суверенитет подразумевает неограниченность верховной власти, которая на территории данного государства обладает абсолютными и никем не оспариваемыми полномочиями» (Кром, 2018: 77). Обретение Иваном III «внешнего» суверенитета (с теми ограничениями, которые налагали на него остатки зависимости от татарских юртов, прежде всего Крымского ханства) вовсе не означало, что внутри государства он обладает столь же всеобъемлющей властью, как вовне. М.М. Кром приводит пример с братом Ивана III Андреем Углицким, который был в сентябре 1491 г. арестован, посажен «на казенный двор» в Москве и там умер (см., напр.: Московский летописный свод конца XV века, 2004: 333). Причиной такого шага Ивана, пишет М.М. Кром, стал отказ углицкого князя выставить свои полки вместе с великокняжескими против татар (см.: Московский лето-

писный свод конца XV века, 2004: 332). Однако это только одна вина князя Андрея перед Иваном, но были и другие – и все они касались «внешнего» суверенитета (Андрей был обвинен в пересылках с Казимиром литовским и ханом Ахматом, а также в выступлении против Ивана – великий князь припомнил своему брату «котору», которую тот учинил накануне нашествия Ахмата), но никак не внутреннего. И если обратиться к грамотам, регулировавшим отношения князей московского дома, великого и удельных, то и спустя почитай полтора десятка лет после 1491 г. «молодшая братья», князья удельные, обязуются, как и прежде, быть с «братом старейшим» «везде заодин» и «добра хотети везде, во всем и до живота». Однако при этом и великий князь, и удельные князья, как и прежде, взаимно обязуются «блюсти, и не обидети, ни вступатися» во владения друг друга (см., напр.: Духовные и договорные грамоты, 1950: 366-367).

Следовательно, при условии, если «брат младший» не нарушает условия докончания, верно служит «брату старейшему» и «добра» ему «желает», выступает с ним везде «заодин» и «на коня вседает» вместе с великим князем, то он в своем уделе остается «по старине» полновластным «господарем», и в его внутренние дела великий князь не вмешивается. Как в таком случае можно говорить об абсолютной, неограниченной власти великого князя внутри государства? Более того, в духовной грамоте Ивана III есть любопытный пассаж: «А что есми давал свои села бояром своим, и князем, и детем боярским, и грамоты есми им свои жаловалные подавал на те селы прочно им и их детем, или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те селы сын мой Василей и мои дети у них не вступаются» (Духовные и договорные грамоты, 1950: 361). О каком абсолютном внутрен-

нем суверенитете великого князя можно вести речь, если не только удельные князья, но и служилые люди в жалованных вотчинах были полновластными хозяевами?

Еще раз подчеркнем – Иван III и его преемники на троне боролись не с удельной системой как таковой, но с конкретными личностями, и их политика была направлена не на то, чтобы отменить «старину», но на то, чтобы заставить ее работать согласно тем потенциям, что были в нее заложены (а для того, чтобы она работала, нужно было, чтобы «старейший брат» обладал ресурсами, превосходящими то, чем обладала «молодшая братья» даже и в совокупности¹⁰). И когда Иван разгневанно указывает новгородской «господе» на неуместность ее требований относительно сохранения прежних порядков, мотивируя это тем, что де «вы ныне сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое» (Московский летописный свод конца XV века, 2004: 317), то автор «Рождения государства», цитируя эти слова великого князя как пример ярко выраженных автократических устремлений Ивана III (Кром, 2018: 79), несколько лукавит. Да, Иван произнес эти слова, но, во-первых, новгородцы сами нарушили «старину», установив контакты с Казимиром литовским и попытавшись отделиться под его покровительство¹¹, тем самым перечеркнув все прежние договоренности и взаимные обязательства; а во-вторых, высказав новгородцам всё, что он думает относительно их требований, Иван III, отняв у них вечевою колокол, вече и посадничество, тем не менее удовлетворил новгородские желания, обязавшись «в вотчины их (новгородских землевладельцев. – В.П.) не вступаемся, а суду быти в нашей отчине в Новгороде *по старине* (курсив мой. – В.П.), как в земле суд стоит», равно как освободил новгородцев от службы в Низовской земле

¹⁰ Ср. размеры уделов, что выделял своим завещанием Иван III наследнику Василию и прочим своим детям (Духовные и договорные грамоты, 1950: 352-361).

¹¹ См. проект договора новгородской «господы» с великим князем литовским (Памятники русского права, 1953: 247-251).

(Московский летописный свод конца XV века, 2004: 318).

Согласитесь, уважаемый читатель, что всё это отнюдь не свидетельствует о неограниченном суверенитете Ивана III в подчинившемся ему Новгороде. Но как быть в таком случае с учиненным, вопреки своему пожалованию, «выводом» новгородских землевладельцев и массовой конфискацией земельных владений в Новгородской земле, учиненных Иваном позднее? Полагать эти события нарушением обещаний Ивана нет причин – новгородцы сами сделали первый шаг к тому, чтобы, вопреки договору, перестать «держат» новую власть «честно и грозно, без обиды»¹².

С новгородским «выводом» связано еще одно обстоятельство. «Выводы», – пишет М.М. Кром, сопровождавшиеся конфискацией земель и переселением сотен людей, были наиболее радикальным способом интеграции новоприсоединенных территорий в состав Русского государства». «Московские власти прибегали к нему там, – продолжает историк, – где встречали сопротивление, не находили опоры в местном населении или опасались заговоров» (Кром, 2018: 82). Да, это так, но в то же время М.М. Бенцианов, изучая особенности складывания новгородской служилой корпорации в конце XV – первой половине XVI в., пришел к выводу, что после массового «вывода» новгородских землевладельцев и испомещения на конфискованных у них землях московских служилых людей особенная новгородская идентичность не исчезла, но была усвоена пришлецами, которые переориентировались на новгородские ценности (Бенцианов, 2019: 123-125). Следовательно, говорить о полной интеграции Новгородчины в состав Русского государства в конце XV – начале XVI вв. несколько преждевременно (и, как показал опыт Смуты, и сто лет спустя новгородская «особость» все же давала о себе знать). И когда М.М. Кром пишет, что, в отличие от

той же Испании или Франции, «автономии в составе Московского государства имели тенденцию к сокращению, а затем – и к полному исчезновению» (Кром, 2018: 84-85), здесь, на наш взгляд, нужно оговориться, что именно имеется в виду и на какой срок растягивается эта тенденция. Это точно не XV век и не XVI, и даже по отношению к XVII веку есть сомнения, что эта фраза верна (во всяком случае, применительно к первой его половине, до Соборного уложения). И если, к примеру, в кормленных грамотах Ивана III используется оборот «и вы, все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего (курсив мой. – В.П.) ...» (Памятники русского права, 1955: 156), и практически такой же оборот в ходу спустя четверть века, при Василии III, и через полсотни лет, при Иване IV (Акты служилых землевладельцев, 1997: 42, 43, 48-50, 106, 169, 236, 237, 238), то не означает ли это, что местная «старина», включающая в себя и те самые «*fueros*», остается в силе и в неприкосновенности, а вместе с нею остается в силе и прежняя автономия, пусть и на низовом, «земском», уровне?

Даже «право завоевания», о котором упоминает М.М. Кром (Кром, 2018: 85), говоря о модели полной интеграции покоренных территорий, возобладавшей в Русском государстве, вовсе не означало, что завоеванная территория полностью и бесповоротно входит в его состав и утрачивает какие-либо признаки своего прежнего независимого статуса. Характерным примером тому может служить судьба Полоцка, капитулировавшего перед войсками Ивана Грозного в феврале 1563 г. Покидая завоеванный город, царь наказывал назначенным в город воеводам, что те должны «управа давати литовским людям, шляхтам и бурьмистром и земским людям и земляном, бояром и воеводом, розпрося про

¹² Обзор событий в Новгороде в 80-х гг. XV в., которые привели к массовому «выводу» и конфискациям, см., напр.: Зимин, 1982: 78-79.

здешние всякие обиходы, как у них в обычьи ведутца, да с их обычья сперва и судити и управы им в городе давати». При этом воеводам надлежало выбрать «головой добрые из дворян, кому мочно верити», которые и должны были в судебной избе вершить правосудие. «А записывати у них дяком земским, – продолжал Иван в своем наказе, – выбрав из земских людей из полочан человека два», и вдобавок к ним «в суде быти с ними бурмистром...» (Баранов, 2004: 145-146). Из этой цитаты из государева наказа четко и недвусмысленно следует, что Иван не собирался вводить в Полоцке московские порядки и законы – напротив, судопроизводство должно было осуществляться на основании местных законов и обычаев, т.е. пресловутого «магдебургского» права, которое в свое время было пожаловано великими князьями литовскими Полоцку, и с активным участием местных «лутчих людей».

В этой связи любопытным представляется суждение М.М. Крома о молодом Русском государстве как государстве «династическом», подобно Османской или Священной Римской империям, но не «национальном». Известный журналист и публицист Е.С. Холмогоров подверг его за это жесткой критике, доказывая в своей рецензии на «Рождение государства», что Русское государство изначально обладало «вполне отчетливой этно-культурной основой» (Холмогоров, 2018).

В этом заочном споре мы склонны поддержать М.М. Крома, отказывая ранне-модерному Русскому государству в праве именоваться «национальным», поскольку «нация» как феномен политической, социальной, культурной и иной общественной жизни есть продукт эпохи модерна. Когда Н. Хеншелл писал, что «подобно большинству европейских монархов, французский король правил не национальным государством, его подданные не обладали развитым национальным самосознанием. Понятие “нация” в политическом, расовом или

лингвистическом смысле было слишком туманным, чтобы рождать ту верность, которая была в этот период основой всех отношений внутри государства. Люди были преданы своей семье, своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, своей религии или своему королю» (Henshall, 1992: 8)¹³, то мы, исходя из конструктивистской точки зрения, полагаем, что и в Русском государстве ситуация была схожей и последовательность приоритетов была примерно такой же. Та легкость, с которой бывшие подданные Ивана IV меняли свою идентичность, «перелетая» в годы Ливонских войн на литовскую сторону или же оставаясь на перешедших под контроль Швеции бывших русских владениях в Ливонии (см., напр.: Селарт, 2012), косвенно свидетельствует в пользу неразвитости именно национального чувства. Впрочем, не стоит и категорично отрицать отсутствие каких-либо зачатков национального самосознания с яркой религиозной окраской в Русском ранне-модерном государстве. Вопрос, на наш взгляд, надо ставить иначе – насколько глубоко укоренилось это чувство в именно народном самосознании, но не в среде книжников, и насколько развивавшееся в этой среде национальное чувство оказывало влияние на формирование национальной (не этнической и религиозной) идентичности в среде простонародья, далекого от книжной культуры. В целом же, если вести речь о русском ранне-модерном «обществе», то оно скорее может быть отнесено к разряду «нравственных сообществ» Э. Дюркгейма (отсюда и то внимание, которое уделяла власть и Церковь процессу конфессионализации русского ранне-модерного общества что при Иване III, что, в особенности, при Иване IV), чем к «национальным» в узком смысле. Впрочем, рассуждая о «национальном» или «династическом» характере ранне-модерного Русского государства, не стоит забывать о том, что оно практически с самого начала формировалось как полиэтничное и, по меньшей

¹³ Цитата дана в переводе из: Хеншелл, 2003: 14.

мере, биконфессиональное (православно-исламское) политическое образование, а с завоеванием Поволжья «имперский» характер Русского государства стал еще более отчетливым.

Еще один любопытный аспект складывания раннемодечного Русского государства в эпоху Ивана III поднимает М.М. Кром в этой главе – он касается проблемы формирования отчетливой государственной границы. По мнению автора, тот факт, что по итогам двух русско-литовских войн на западе Русского государства более или менее четко обозначился рубеж, разделявший владения двух государей, русского и литовского, свидетельствует в пользу того, что Русская земля вступила в фазу активного строительства модерного государства. «Линия границы возникает тогда, когда, во-первых, формируются суверенные государства <...>, а во-вторых, в процессе экспансии они сталкиваются друг с другом, и между ними возникают территориальные споры» (Кром, 2018: 88). Принимая эту точку зрения, тем не менее, отметим, что на наш взгляд, свою роль сыграла еще и определенная «формализация» межгосударственных отношений, выразившаяся в расширении сферы применения письма и все более основательном закреплении на бумаге достигнутых договоренностей.

Сложнее обстоит дело с кодификацией права при Иване III – со знаменитым Судебником 1497 г. Нельзя не согласиться с мнением автора «Рождения государства», когда он пишет о том, что «во многих странах Европы – от Испании на западе до Московии на востоке – кодификация правовых норм служила эффективным средством юридической централизации и утверждения верховной власти монарха над своими подданными, в какой бы части государства они не проживали» (Кром, 2018: 90). Судебник Ивана III как будто находится в этом ряду. Однако точно также нельзя не согласиться с М.М. Кромом, когда он пишет о том, что этот памятник юридической мысли таит в себе множество загадок (Кром, 2018:

91). Исследователь, указывая на отмеченные ранее историками несообразности, связанные с историей Судебника и его использованием в реальной судебной практике, высказал предположение, что «в первую очередь кодекс был составлен для нужд столичных администраторов и судей», выполняя роль своего рода юридического (процессуального) «справочника», носившего преимущественно рекомендательный характер (Кром, 2018: 93). В этой связи стоит вспомнить любопытный тезис, высказанный Э. Коган. Она отмечала, что распространение писаного права было связано не только и не столько с ростом авторитета верховной власти, сколько с ростом грамотности населения и постепенного распространения сферы применения письменности на всё новые и новые сферы деятельности общества. При этом долгое время писаное право играло роль скорее литературного памятника, нежели действительно используемого в повседневной практике юридического документа (Cohen, 1993: 8-11). И если приложить этот тезис к реалиям формирующегося раннемодечного Русского государства, то судьба Судебника Ивана III становится более ясной и «прозрачной». Его появление стало одним из шагов на пути дальнейшей «формализации» и бюрократизации государственного управления и наращивания «*sinews of power*».

Окончание в следующем номере

Литература

Акты служилых землевладельцев. XV – начала XVII века. Т. I. М.: Археографический центр, 1997. 432 с.

Баранов, К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М.: Древлехранилище. 2004. С. 119-154.

Бенцианов, М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.

Валлерстайн, И. Мир-система модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.

М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. 552 с.

Герберштейн, С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.

Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. М.: Политиздат, 1991. С. 76-126.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 586 с.

Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.

Зимин, А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.

Каждан, А.П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб.: Алетейя, 2006. 256 с.

Казакова, Н.А. О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982. С. 156-159.

Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Кром, М.М. Административная практика Московского государства XVI – начала XVII в.: к вопросу о пределах институционального подхода // Российская история. 2016. № 2. С. 3-8.

Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

Кром, М.М. Веберовская традиция в изучении генезиса государства Нового времени: социологические идеи и исследования историков // «Стены и мосты»–V: междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками. М.: Академический проект. 2017. С. 54-63.

Кром, М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3-15.

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

Кром, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, 2010. 320 с.

Кром, М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 256 с.

Леви-Стросс, К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008 С. 143-501.

Литаврин, Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 1999. 606 с.

Лурье, Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.

Малинин, Ю.П. Франция в эпоху позднего средневековья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 452 с.

Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. СПб. 1851. 1620 стб.

Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV вв. М.: Госюриздат, 1953. 442 с.

Памятники русского права. Вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV-XV вв. М.: Госюриздат, 1955. 527 с.

Селарт, А. «Русские бояре» в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.) // Петербургские славянские и балканские исследования / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2 (12). Июль – декабрь. С. 3-14.

Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.

Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

Холмогоров, Е.С. Кром, Михаил. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Рецензия // 100 книг. 11.05.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://100knig.com/mix-ail-krom-rozhdenie-gosudarstva-moskovskaya-rus-xv-xvi-vekov/> (дата обращения 05.08.2019)

Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 472 с.

Штаерман, Е.М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 76-94.

Berent, M. "The Stateless Polis: A reply to Critics", // *Social Evolution & History*. 2006. № 5 (1). Pp. 140-162.

Brewer, John. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.

Cohen, E. *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*. Leiden-New York: E.J. Brill, 1993. 231 p.

Elliott, J. A Europe of Composite Monarchies, in *Past & Present*. Number 137. *The Cultural and Political Construction of Europe*. 1992. Pp. 48-71.

Halperin, Ch. The Early Modern Muscovite state reconsidered // Петербургские славянские и балканские исследования / *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2 (24). Июль – Декабрь. С. 181-196.

Henshall, N. *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*. London & New York: Longman, 1992. 245 p.

Kollmann, Nancy. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 488 p.

Krom, M. Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique? // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2009. № 3. Pp. 561-578

Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. Oxford: Oxford University Press, 1999. 402 p.

References

Akty sluzhilyh zemlevladel'tsev. XV – nachala XVII veka. T. I. [Acts of service landowners. 15th – beginning of the 17th century. Vol. I] (1997), Arkheograficheskij tsentr, Moscow, Russia (in Russ.).

Baranov, K.V. (2004), "Notebook of the Polotsk campaign 1562/1563", *Russkij diplomatarij*, 10, 119-154 (in Russ.).

Bencianov, M.M. (2019), "Князь'я, boyare i deti boyarskie". *Sistema sluzhebnyh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV-XVI vv.* ["Princes,

boyars and boyaren deti". The system of service relations in the Moscow state in the 15th – 16th centuries], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia (in Russ.).

Berent, M. (2006), "The Stateless Polis: A reply to Critics" *Social Evolution & History*, 5 (1), 140-162.

Brewer, J. (1989), *The sinews of power. War, money and the English state, 1688-1783*, Unwin Hyman, London, UK.

Cherepnin, L.V. (1948), *Russkie feodal'nye arkhivy XIV – XV vekov. Ch. 1-ya* [Russian feudal archives of the 14th–15th centuries. Part 1], Izd-vo AN SSSR, Moscow-Leningrad (in Russ.).

Cohen, E. (1993), *The crossroads of justice: law and culture in late medieval France*, E.J. Brill, Leiden-New York, NY.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV – XVI vv. [The testament and contractual letters of the great and apanage princes of the 14th–16th centuries], (1950), AN SSSR, Moscow-Leningrad, Russia (in Russ.).

Dumin, S.V. (1991), "Other Russia (Grand Duchy of Lithuania and Russian)", *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, resheniya. Oчерki istorii Rossii IX – nachala XX vv.* [History of the Fatherland: people, ideas, decisions. Essays on Russian history 9th – early 20th centuries], Politizdat, Moscow, Russia, 76-126 (in Russ.).

Elliott, J. (1992), "A Europe of Composite Monarchies, in *Past & Present*", Number 137, *The Cultural and Political Construction of Europe*, 48-71.

Gerbershtein, S. (2008), *Zapiski o Moskovii*. T. I. [The Notes on Muscovy. Vol. I], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia (in Russ.).

Halperin, Ch. (2018), "The Early Modern Muscovite state reconsidered", *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana] [St. Petersburg Slavic and Balkan studies / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2 (24). July – December, 181-196.

Henshall, N. (1992), *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*, Longman, London & New York.

Henshall, N. (2003), *Mif absoljutzizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropejskoj monarhii rannego Novogo vremeni* [The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy], Aletejya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Kazakova, N.A. (1982), “On the position of Novgorod as part of the Russian state in the late 15th – first half of the 16th century”, *Rossiia na putyah centralizacii*, 156-159, Nauka. Moscow, Russia (in Russ.).

Kazhdan, A.P. (2006), *Vizantijskaya kul'tura (X – XII vv.)* [Byzantine culture (10th – 12th centuries.)], Aletejya, S.-Pb., Russia (in Russ.).

Kholmogorov, E. S. (2018) Krom, Mikhail. *Rozhdeniye gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018, 100 knig, 11.05.2018. URL: <http://100knig.com/mixail-krom-rozhdenie-gosudarstva-moskovskaya-rus-xv-xvi-vekov/> (accessed: 05.08.2018) (in Russ.).

Kollmann, N. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Krom, M. (2009). “Les Réformes Russes du XVIe Siècle: Un Mythe Historiographique?” *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 3, 561-578.

Krom, M.M. (2005), “To Understanding Moscow “Politics” of the 16th Century: Discourse and Practice of the Russian Late Medieval Monarchy” *Odissej: Chelovek v istorii*. 2005. *Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odysseus: a Man in history. 2005. Time and space of the holiday], Nauka, Moscow, Russia, 283-303 (in Russ.).

Krom, M.M. (2010), *«Vdovstvuyushchee carstvo»: Politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka* [The Dowager Kingdom: The Political Crisis in Russia of the 30s and 40s of the 16th Century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, (in Russ.).

Krom, M.M. (2010), *Mezh Rus'yu i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca XV – pervoj treti XVI v.* [Between Russia and Lithuania. Border lands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th - the first third of the 16th century], Kvadriga, Moscow, Russia, (in Russ.).

Krom, M.M. (2016), “Administrative practice of the Moscow state of the 16th –beginning of the 17th century: to the question of the limits of the institutional approach”, *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2, 3-8 (in Russ.).

Krom, M.M. (2016), “The State of Early Modern: A Common European Model and Regional Differences”, *Novaya i novejšaya istoriya* [New and recent history], 4, 3-15 (in Russ.).

Krom, M.M. (2017), “Weberian tradition in the study of the genesis of the state of the New Age: sociological ideas and studies of historians”, *«Steny i mosty»-V: mezhdisciplinarnoe vzaimodejstvie istoricheskogo znaniya s estestvennymi i social'no-gumanitarnymi naukami* [“Walls and bridges” -V: interdisciplinary interaction of historical knowledge with natural and social Sciences], Akademicheskij proekt, Moscow, Russia, 54-63 (in Russ.).

Krom, M.M. (2018), *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus' XV–XVI vekov* [Birth of the state: Moscow Russia 15th–16th centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, (in Russ.).

Levi-Stross, K. (2008), “Untamed think”, Levi Stross K. *Totemizm segodnya. Nepriuchennaya mysl'* [Totemism today. Untamed thought], Akademicheskij proekt, Moscow, Russia, 143-501, (in Russ.).

Litavrin, G.G. (1999), *Vizantiya i slavyane* [Byzantium and the Slavs], Aletejya, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Lur'e, Ya.S. (1994), *Dve istorii Rusi XV veka. Rannie i pozdnie nezavisimye i oficial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva* [Two stories of Russia of the 15th century. Early and late independent and official annals of the formation of the Moscow state], Dmitrij Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Malinin, Yu.P. (2008), *Franciya v epohu pozdnego srednevekov'ya* [France in the late Middle Ages], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Moscow annalistic arch of the end of the 15th century. *Complete collection of Russian chronicles*. Vol. 225 (2004), Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij Rossii s derzhavami inostrannymi. Ch. 1. Snosheniya s gosudarstvami evropejskimi. T. 1. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij s imperieyu Rimskoyu [Monuments of diplomatic relations between Russia and foreign powers. Part 1. Relations with European states. Vol. 1. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire], (1851), Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. Vyp. II. Pamyatniki prava feodal'no-razdrobленноj Rusi. XII – XV vv. [Monuments of Russian law. Vol. II. Monuments of the right of feudal-fragmented Russia. 12th–15th century], (1953), Gosyurizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Pamyatniki russkogo prava. Vyp. III. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. XIV-XV vv. [Monuments of Russian law. Vol. III. Monuments of law during the formation of the Russian centralized state. 14th–15th century] (1955), Gosyurizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. (1999), in J. Brever and E. Hellmuth (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK.

Selart, A. (2012), "“Russian boyars’ in Estonia (end of the 16th - beginning of the 17th century)", *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* [St. Petersburg Slavic and Balkan studies / Studia Slavica et Balcanica Petropolitana], 2 (12), July – December, 3-14 (in Russ.).

Shtaerman, E.M. (1989), "To the problem of the emergence of the state in Rome", *Vestnik drevnej istorii* [Herald of ancient history], 2, 76-94.

Smirnov, A.A. (1994), "State of a fighting nation", *Rodina* [Homeland], 9, 34-38 (in Russ.).

Vallerstajn, I. (2015). *Mir-sistema moderna I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozjajstvo i istoki evropejskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System, vol. I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia (in Russ.).

Zimin, A.A. (1982) *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletij (očerki social'no-politicheskoj istorii)* [Russia at the turn of the 15th–16th centuries (essays on socio-political history)], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Zimin, A.A. (1991), *Vityaz' na rasput'e* [The Knight at the Crossroads], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

Парамонова С. П.

ЛАГОЛОВО: ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРИГОРОДА.

Размышления над книгой Е.А. Окладниковой «Социальная история птицефабрики "Лаголово" глазами местных жителей» (СПб.: Лесник-Принт, 2019. 454 с.)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Комсомольский пр., д. 29, г. Пермь 614990, Россия; *spp45@mail.ru*

Аннотация. Вышедшая в свет в этом году монография профессора кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктора исторических наук Е.А. Окладниковой посвящена социальной истории одного из типичных феноменов социокультурной истории советского периода нашей страны – главного производственного комплекса одного из агрогородов ленинградской области, птицефабрики "Лаголово". Это исследование по этнографии советского периода, основанное на обширном материале этноархеологических источников по истории региона и документальных свидетельств "личной истории" тружеников, строивших эту птицефабрику, работавших в ее цехах, кормивших страну, завершавшую строительство социализма. Сквозь призму качественного социологического анализа автор монографии стремилась разглядеть смыслы "жизненного мира" строителей социализма, носителей идеалов социального оптимизма, ныне утраченного их потомками. История лаголовской птицефабрики представлена в монографии в событийном единстве с историей самопознания и самосознания человека советской эпохи. В силу того, что история самосознания человека советской эпохи еще не написана, монография Е.А. Окладниковой является заметным вкладом в это дело будущего.

Ключевые слова: этнография советского периода; социальная история; нарративные интервью; птицефабрика "Лаголово"; краеведение Ленинградской области.

Для цитирования: Парамонова С. П. Лаголово: жизненный мир петербургского пригорода. Размышления над книгой Е.А. Окладниковой «Социальная история птицефабрики "Лаголово" глазами местных жителей» (СПб.: Лесник-Принт, 2019. 454 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 73-83. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

LAGOLOVO: THE LIFE WORLD OF ST.-PETERSBURG SUBURB.

S. P. Paramonova

Reflections on the book of E.A. Okladnikova "The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents" (St. Petersburg: Lesnik-Print, 2019. 454 p.)

Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russia; *spp45@mail.ru*

Abstract. The monograph published this year by the professor of the Department of Sociology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Doctor of Historical Sciences E.A. Okladnikova, is dedicated to the social history of one of the typical phenomena of the sociocultural history of the Soviet period of our country – the main production complex of one of the agricultural towns of the Leningrad region, the Lagolovo poultry farm. This is a study on the ethnography of the Soviet period, based on extensive material from ethno-archaeological sources on the history of the region and documentary evidence on the "personal history" of the great workers who built this poultry farm, worked in its workshops, fed the country completing the construction of socialism. Through the prism of a qualitative sociological analysis, the author of the monograph sought to discern the meanings of the "life world" of the builders of socialism, the bearers of the ideals of social optimism, now lost by their descendants. The history of the Lagolovo poultry farm is presented in a monograph in event unity with the history of self-knowledge and self-awareness of a person of the Soviet era. Due to the fact that the history of self-awareness of a person of the Soviet era has not yet been written, the monograph by E.A. Okladnikova is a treasured contribution to this matter of the future.

Keywords: ethnography of the Soviet period; social history; narrative interviews; poultry farm "Lagolovo"; local history of the Leningrad region

For citation: S. P. Paramonova (2019), "Lagolovo: The Life World of St.-Petersburg suburb. Reflections on the book of E.A. Okladnikova "The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents" (St. Petersburg: Lesnik-Print, 2019. 454 p.)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 73-83 DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

Только раскрывая новую книгу Е.А. Окладниковой, давно и продуктивно работающей в междисциплинарном гуманитарном пространстве, трудно удержаться от аналогии. Подобно прославленной монографии Э. Ле Руа Ладюри (Ле Руа Ладюри, 2001), исследование Елены Алексеевны представляет собою обстоятельное историческое переоткрытие небольшого поселения, расположенного неподалеку от Санкт-Петербурга – с тех пор, когда и самого Петербурга еще не существовало. Впрочем, сходство здесь по преимуществу внешнее.

В социальной истории петербургского Лаголово Е.А. Окладникова опознает не столько строй повседневного мышления жителей, границы их *domus*'а или поведенческие стереотипы, сколько *социальное самосознание* – локальные самооценки и самоописания лаголовцев. Монографическую фабулу образует драма людей труда, культивировавших ценность «человеческого капитала», – и переживших его обесценение в стране, которая «куда-то делась». Это исследование советского, по преимуществу, социального локуса – жизненного

мира сотрудников птицефабрики, воссоздаваемое за счет мобилизации ресурса памяти. И в этом своем качестве монография Е.А. Окладниковой, на мой взгляд, уникальна.

В работе повсеместно применяются инструменты качественного социального анализа: эпистемология oral history, записи фокус-групп, материалы глубинных интервью и т.д. Исследовательский материал погружен в обширный эмпирический контекст, от документов этноархеологии до вновь документируемых источников эгоистории. Но везде дает себя знать личностно-теоретическая позиция Е.А. Окладниковой – ее готовность предпочесть драматическую аксиологию незавершенного жизненного мира лаголовцев, свидетельствовать о ней и комментировать ее теоретически, нежели отстраняться от нее в некоем совершенном, замкнутом в себе повествовании. Монография несколько не претендует на то, чтобы достичь «гладкого» микронарративного эффекта; сфера ценностей и оценок мира «производственников», напротив, потребовала макрометодологических инвектив и встречного понимания – обращения к теоретическим абстракциям высокого уровня.

«Болотистая местность» (предыстория)

Прежде чем приступить к исследованию современного Лаголово, Елена Алексеевна стратифицирует его историчность, «премодерн» поселения, ставшего со временем петербургским пригородом. Было ли это поселение исторически спонтанным, хаотичным миром все новых культурных общностей, или же – особенным «царством Садко»? Сохранялась ли в его истории верность себе – некоему архетипическому устройству, своим все повторяющимся, возобновляемым жизненным началам? «Лаголово», этимологически, – «болотистая местность», «лужа» (с. 33). Предыстория Лаголово – по случаю ли, по обстоятельствам иным, трудно исчислимым, – свидетельствует об «уплотнении» среды,

консолидации этой как будто зыбкой местности.

Более или менее отчетливыми контуры лаголовской жизни, как показывает книга, становятся в эпоху так называемой Ингерманландии, когда в пространстве поселения сходятся начала финской, шведской, а затем и русской культур. Выясняется, что территория Лаголово в начале XVIII в. до завоевания Ингерманландии Петром I принадлежала Швеции и была вполне автономной, «хуторской» (с. 37). На хуторах шведы селили финские семьи, которые платили правительственному наместнику Иоану Скальоте оброк согласно мере дохода их хозяйств. Петровские времена поначалу мало что изменили, разве прибавили беспокойства: в Северной войне жителей Лаголово удручали голодовки и грабежи как «чужих», так и «своих» (постой в селе одного полка петровской армии был опустошителен для крестьян: «сколько харчу ушло» и «обида учинены страшные»).

Со строительством Петербурга ингерманландское Лаголово из далекой экономической шведской провинции превратилось в подстоличную территорию. Это парадоксальным образом означало понижение социального статуса жителей – прикрепление к земле и включение в непривычные, нетрадиционные типы хозяйствования: добычу камня для строительства Петербурга, работу на лесоповале, проведение судов, строительство каналов, дорог, мостов, обеспечение подводами строительства. Рекрутская повинность на 25 лет была смягчена, ибо финны «слабы здоровьем и по-русски не разумеют»: крестьяне отбывали специальную, «дневную» рекрутскую повинность – обслуживали стрельбища в недалеком императорском Красном Селе, где несколько поколений русских императоров (от Павла I до Николая I) проводили испытания нового оружия. Из-за «стрельб ядрами в цель» в светлое время суток на учениях работать на полях и выпасать скот приходилось ночью (с. 46). От испытаний новых орудий загорались дома крестьян.

Шла потрава полей. На разрушенные дома селян Дворцовых дел канцелярией выделялись ссуды, но крестьяне «по безнадежности взыскания» выплатить не могли: «дома выстроены не соразмерно крестьянскому доходу». По решению волостного суда была составлена сочувственная реляция, по которой вполне, следуя анализу Е.А. Окладниковой, можно судить об исполнительской дисциплине финнов-лаголовцев: «Если долг взимать, то крестьяне окончательно разорятся» (с. 39), а обязанности, возложенные государством, они выполняли неукоснительно и исправно.

При этом финское начало культуры сохранялось: обучение шло на финском языке; грамоте финнов учил их пастор; грамотных венчали. Русским поселение становилось тем больше, чем сильнее оно втягивалось в межкультурные практики подстольной жизни.

Этос трудового рая

Резкой была перемена в жизни лаголовцев в ходе великой российской социальной революции XX в. Изменились этнополитические контексты и социальные статусы, но особенным образом усилилась морально-политическая детерминация трудовой деятельности. И труд, и капитал, и рынок, и вдохновение, – все черпало энергию в политике социальной справедливости (ср.: Болтански, Тевено, с. 300). Нарастало жизненное сплочение лаголовцев: на глазах одного поколения, пережившего Великую Отечественную войну, мир Лаголово изменился радикально, ощущалось становление элементов социальных благ. В монографии об этом свидетельствуют участники постепенного социалистического преобразования Лаголово: нарастание возможностей и практические шаги по получению жилья, строительству детских садов, налаживанию массового и добротного образования, вовлечению в различные практики творческой (художественной) самодеятельности, в целом, приобщение к культуре как некой

форме социального всеобщего и солидарности – всё это наполняло лаголовскую жизнь заметным благополучием, обретением устойчивых жизненных смыслов. Материалистичность этих смыслов не отменяла их морального достоинства, особенно для военного поколения, не наивного, не строившего иллюзий, знавшего, что «жизнь прожить – не поле перейти»¹. Для этого поколения здравого смысла было очевидно, что социальная справедливость должна иметь практическое подкрепление; ощущение счастья, которым наполнялись сердца лаголовцев, было материалистично; но это было счастье на перспективу, своего рода нравственная уверенность в обеспечении трудом – закон социализма. Никто не думал об изгнании из «трудового рая». Это было счастье не столько обладания или распределения некоей собственности, сколько организации –предотвращения нравственно-организационных конфликтов, как рекомендовал это власти специалист в теории коммуникации Н. Луман (Луман, 2001)).

Проживая жизнь с лаголовцами – биографически реконструируя Лаголово как некую часть советской Атлантиды, общества, самосознание которого проникнуто трудовыми смыслами, «социализмом» как меняющейся реальностью, – Е.А. Окладникова уточняет историзм широко социального самосознания лаголовских жителей-работников. Характерно свидетельство *Александры Алексеевны Пруули*, птичницы: без механизации, организации труда и развития птицефабрики было бы Лаголово простой финской деревней.

Одна из сквозных ценных проблем монографии – проблема нравственного самопознания людей труда, впоследствии «изгнанных из трудового рая», почти достигнутого, осознанного как основная сфера жизнедеятельности личности.

С 1957 г. в Лаголово расцветает растениеводческий совхоз; план правительства –

¹ Во время Великой Отечественной Лаголово жил своей исторической судьбой: в оккупацию людей «угоняли» в Эстонию, Германию и Финляндию, а после войны все хотели вернуться в родные места и вернулись. Расчищали площади и погребали от трупов немецких и советских солдат, носили в Красное Село в парк.

превратить его в агрогород, птицеград. Поначалу были отстроены залы для напольного содержания птиц. И тяжелый ручной труд: ввоз и вывоз торфа с присыпанной пушкой и навозом, разноска кормов, подача воды, сбор яиц, промыв и дезинфекция залов перед новым завозом поголовья. Следующий этап – механизация: содержание кур в клетках, автоматизированная подача воды, сбор яиц с помощью транспортной ленты, постоянная выбраковка птицы. Трудный процесс развития, слитый в социальном самосознании лаголовцев с коллективностью организованного интенсивного тяжелого физического труда, как неизбежного этапа производства.

Н.И. Тимофеева отмечает: «Народ русский был тудяга! Была подкожная ответственность. Как можно было не пойти на работу? Кругом надо было восстанавливать всё, что разрушено войной, перебирать картофель, чтобы кормить город» (с. 135).

С 1959 г. – А.А. Пруули помнит это отчетливо! – Фабрика стала знаменитой, «мы гремели по району» (с. 139). Властный центр перемен, первый среди равных – директор Ю.В. Трусков. «Эрудированный»; «его у нас уважали». Но и среди других социально равных «усердие было в работе»; это и «мой уклад жизни».

Исследовательский вопрос – прямое сочувствие Е.А. Окладниковой лаголовской напряженной трудом реальности: «У Вас не было эмоционального выгорания на работе?» На вопрос получен неожиданный ответ: «Жизнь была счастливая. У меня счастье лилось через край. У меня было два взрослых сына».

Дети выросли в атмосфере напряженного труда родителей; работа была несомненным нравственным внутренним ритмом, оплотом законов социального бытия. А.А. Прууль дала сжатую оценку 50–60-х гг.: «Фабрика большая была... Сколько народу! Утром идешь, все дороги расчищены, корма везут, все пришли на рабочие места. Фабрика дышит, она работает. Год отработали, прибыль идет, кругом стройка, дома стоят, нам квартиру дают.

Это какое же было дело! Люди грамотные приходили». И укреплялась нравственно-организационная взаимность, солидарность, которая противопоставлялась социальному аутсайдерству. Алкоголиков «брали на поруки», «рабочие руки постоянно нужны были». «У меня был слесарь-“золотые руки”. Иногда попивал, приходилось его оберегать, припрятывать от начальства. Наутро придет подтянутый, благодарный. Иногда он меня выручал». «Усталость накопилась к тому моменту, когда я уже ждала пенсию». Но «я пошла на пенсию в 55 лет» – нравственно своевременно, выполнив свое социальное, жизненное задание. Усталость возобновилась в послесоветское время, усиливая ценностное переживание того, что было когда-то жизненным горизонтом: «Сейчас никто не борется с наркоманией, никто не борется с алкоголем. Все знают, где продают наркотики» (с. 143).

Этос «трудового рая», как это можно наблюдать, был этосом не только правильно организованной работы, но и миром благодарности общества – взаимного дара. Ценность дара в материальном контексте никогда не сводилась к ценности безличного владения собственностью, но внешне выражалась в некоей награде, «моральном вознаграждении»: праве выступить на собрании трудового коллектива, размещении портрета лучшего работника на Доске почета (что, к слову, переняли у нас управленцы американских предприятий). Близки к этому были долговременные, «пожизненные» формы наград: почетный знак, медаль, орден, звание Героя Социалистического Труда, чего удостоивались «лучшие из лучших». Существовали и гибридные, материально веские формы благодарности: награждение поездками по обмену опытом в социалистические страны (Болгарию, Югославию, Румынию, Чехословакию), ездили и в Финляндию. Было принято организовывать регулярные поездки на спектакли в Мариинский театр и Театр оперетты в Ленинграде – Санкт-Петербурге.

Различными были уровни и формы консолидированного социального благодеяния. Состоятельные семьи отправлялись с детьми на своем автомобиле отдыхать в Юрмалу. Люди социально замечали друг друга – в общем окоеме ценностей труда и воздаяния-дара. И власти, конечно, ценили передовиков производства. Любой человек был нужен обществу.

«Лаголовская птицефабрика – это мое всё»

(лично-экономические измерения)

Развивая концепцию К. Маркса о социально ограниченном характере капитализма, где исходной «клеткой» анализа является «товар», З.И. Файнбург (Пермская школа социологии) предположил, что исходной точкой анализа, «клеткой» социалистического общества становится не единичное «товар», а целое «коллектив». Структурообразующим в этой «клетке» является не экономическое, а социальное отношение. Предприятие в коллективистском обществе – центр жизнедеятельности личности (Файнбург, Козлова, 2013; Файнбург, Козлова, 1982).

Лаголовская работница *З.А. Курга* подтверждает это практически, в некотором рассуждении о «существовании» своей жизни:

«Для меня Лаголовская птицефабрика – это мое всё. Что такое всё? Это для меня значит следующее. Я приехала сюда в двенадцать лет. Я здесь начала работать. Я здесь училась работать, я здесь училась жить, училась познавать людей, училась где-то сдерживать эмоции, а также где-то бунтовать, спорить, не соглашаться. Училась славить фабрику, прославлять ее. Училась всему. Здесь я вышла замуж, здесь у меня родился ребенок. Здесь, на фабрике, в среде своих старших товарищей – фабрика была полна замечательными людьми – училась быть мамой, быть женой, хранительницей очага, училась строить свой дом. Я всё познала здесь, на птицефабрике» (с. 257).

Е.А. Окладникова рассмотрела лаголовскую социальную реальность многогранно: от уровня рядовых исполнителей и среднего линейного звена управления до руководителей предприятия, затем Птицепрома Ленобласти. Исследовательский круг проблем позволяет автору выявить смыслы рациональности социально ориентированного (социалистического) управления. Успешный директор птицефабрики «Лаголово», ставший со временем руководителем Птицепрома Ленинградской области, Ю.В. Трусов утверждает: «Я продолжаю считать, что советский принцип “Кто не работает, тот не ест” – это наиболее рациональный принцип. Рано или поздно к этому люди у нас в стране опять придут. Потому что то, что творится сегодня, – это путь в ад, в ад потребительского общества. Если верить в высший Разум, то можно сказать, что как-то там наверху помутнел этот высший Разум» (с. 239).

Лично-экономические измерения рационального управления птицефабрикой реконструируются автором из фрагментов свидетельств опрошенных лаголовцев. Крупнейшей фигурой из директоров лаголовцы определяют Ю.В. Трусова.

Легко заметить, что эта рациональность субординирована «стратегической линией» – установками политического («партийного») управления, которые проявляются при встрече Ю.В. Трусова с секретарем областного комитета КПСС П.В. Романовым в вопросах, на которые в этой беседе отвечает Трусов. Намеченная вертикаль «стратегической линии» реализуется в техническом развитии фабричного производства и активной социальной политике. При этом директор – не просто чиновник-функционер; в социалистической системе он управленец – «лидер внутри коллектива». Ю.В. Трусов замечает: «Государство требовало воспитывать в трудовых коллективах людей, которые не в ладах с законом», но «сильному коллективу такие не нужны» (с. 325). Изгнание недостойных? Скорее, борьба за общее достоинство, это –

борьба с «ворьём». Территориальное сплочение: принятие экстренных решений, без которых не могло обойтись стремительно развивающееся производство, наилучшим образом обеспечивалось тогда, когда все работники и директор жили близко к фабрике. Экстренно на очередной «оперативке» выяснялось: началась чума среди кур. 700 голов пришлось сжечь, но речь шла о спасении десятков тысяч, все, «стар и млад» поднялись на вакцинацию, в том числе директор и пенсионеры. Работали круглые сутки. И ни у кого не возникла мысль о доплатах-поощрениях. Сплоченность коллектива скреплялась пониманием, что «работа идет на наше единое государство». Директор птицефабрики вкладывал прибыль в строительство жилья, дома культуры, спортивного комплекса, школ, детского сада, в зоне инфраструктуры и транзитной доступности. Опора на «актив» – на лучших, наиболее деятельных, ценностно солидарных и профессионально сплоченных людей труда, именно на «костяк» – вот нравственный секрет успешной власти. «Если люди понимают цели и задачи общего дела, им нет смысла противиться решению руководителя». Следуя Л. Болтански и Л. Тевено, можно уточнить: «Люди являются великими, когда они достигают общего состояния, становятся *выразителями общей воли* и воплощают *общий интеллект*» (Болтански, Тевено, с. 294).

Такую рациональность, в которой «государство» выступает в качестве символической инстанции власти – инстанции ценностей, достоинство которых социально признано, – вполне можно представить в качестве реальности социалистической демократии, личностно и экономически реальной (с. 336). Ценностные характеристики этой реальности, по Трусову, отчетливо заметны из фабричной истории:

«Прежде государство выделяло землю под строительство и поощряло его. Сейчас землю нужно купить. Необходимо оплачивать экологически охраняющие надзорные органы, это огромные расходы. Для

того чтобы строить, нужны крупные инженерные решения; это стоит дорого. Частник на такие расходы не пойдет, тем самым закрывается перспектива развития. Возможно, вероятно, интенсифицировать производство на прошлой базе, но и это распыляется из-за политики получения из-за рубежа готового возобновляемого продукта в обмен на невозобновляемый природный продукт: лес, газ, нефть» (с. 336) и т.д.

Весьма заметен и макроисторический компонент мотиваций фабричной жизни. Оценивая исторический путь России, в постановке вопроса о ее величии, Ю.В. Трусов, управленец с базовым инженерным образованием, находит возможным припомнить деятельность Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II – то, что ими было сделано «для России»; отмечает, что «Ленин сумел поменять ход истории», «Сталин создал Советскую империю», в основе которой лежат христианские принципы – на их основе были сформулированы десять заповедей строителей коммунизма, к эффективному подтверждению действенности которых можно отнести лаголовцев. «Разваливали Россию многие. Времена 1988, 1991 хуже, чем смутные. Это период Горбачева-Ельцина. С 1999 г., с эпохи Путина приостановлен распад России, ей грозило то, что случилось с СССР. Другие люди пришли к власти, они стали другие цели ставить. Почему в современной Российской Федерации пробудился принцип “любая работа за рубль” (?) Потому что люди поставлены в условия выживания» (с. 342).

Жизненный мир лаголовской птицефабрики был миром проживания в сфере открытого к творчеству труда, а это соединялось с инициативами исторического творчества, участия в жизни Лаголово, как это звучит в суждениях инженера Е.И. Гоберкорна: «Так получилось, что в 1972 году у нас тут на производстве возникла группа автоматики. Тогда был директором Юрий Васильевич Трусов. Он был моим учителем, моим наставником. Мне с учителями всегда везло очень. На него все равнялись. Это он настоял на том, чтобы организовать

эту группу. Мы всё время что-то придумывали, что-то изобретали... Дело в том, что в то время не было на фабрике ничего такого, что мы называем сейчас автоматикой на производстве. Ничего технического нам не давали. Надо было всё это выискывать. Постоянно из ничего нужно было сделать что-то. Мы всё время что-то придумывали. Деталей не было, мы всё время лазали по помойкам, вытаскивали детали, что-то там изобретали, придумывали... Было всё это интересно, зажигательно. Ребята были очень интересные. Все дружили. Ю.В. Трусов, надо отдать ему должное, он собрал дружный коллектив. У него тогда работало восемьсот человек. И он собрал дружный коллектив. Мы все были друг за друга. Было много молодежи, у нас было всё на фабрике» (с. 353-354).

Социальная сплоченность трудящихся лаголовцев оказывается поисковым и творческим единством, своего рода маркером свободного социального действия трудового коллектива; коллективность становилась сущностным, органическим элементом кооперации труда при возникновении его творческого содержания (Файнбург, Козлова, 2013, с. 135).

Проблема «начала» птицефабрики обозначена Е.И. Гоберкорном: «Фабрика создавалась из ничего. Начали строить фабрику, но поначалу она была в страшном состоянии. Когда Юрий Васильевич Трусов пришел в 1968 году, началось возрождение производственных мощностей. Тогда появился трудовой порыв. Мы все были в трудовой эйфории. Была радость творчества. Так, нужно было поставить счетчики на ленту конвейера. Пришла идея, мы придумали оригинальный способ: сделали самый простой датчик, который скользил по яйцам на ленте и считал не сами яйца, а провалы между ними. Эта идея пришла ни с того ни с сего... Делали мы этот счетчик из ничего. То, что валялось под руками, из того и мастерили. И точность у нашего прибора оказалась высокой... Представляете, из ничего сделать такое! И стояли наши копеечные счетчики» (с. 358).

После тридцатилетнего испытания РФ на устойчивость стало очевидно утраченное качество социально ориентированного общества. Инженеру Гоберкорну это было ясно в начале «перестройки» и «реформ».

«В 1991 г. завалили “ножками Буша”. Это же вопрос продовольственной независимости. Предложили фермерство. Но это – штучное производство, а мы кормили целую страну. Для получения прибыли нужен оборот. Нужны крупные предприятия, нужна сильная самостоятельная страна, каким был СССР. Возрождения птицефабрики “Лаголово” невозможно, нет той страны, которую она кормила. Потом правительство бросило нас. Выжили гиганты, как Синявинская фабрика, от остальных остались остовы. Переменился уклад: неимоверно выросли цены на корма, на электроэнергию, на воду, оборудование» (с. 360).

«Страна куда-то делась!» (сквозь смуту)

В главе 4. «Птицефабрика “Лаголово” в эпоху стагнации и социально-политических перемен» пересекаются несколько историй: интеллектуальная и политическая история большой страны, СССР, в которой на рубеже 80-90-х годов отразились и личные истории лаголовцев, вынужденных пережить тот стремительный смертельный исход, который был политически избран для большой страны и оправдан идеологически ослабевшей советской интеллектуальной элитой.

В политической и интеллектуальной истории всё сильнее давало себя знать дискуссионное начало – как будто ангажированная потребностями *всей* советской жизни и оттого жизненно опасная, абстрактно-идеологическая искренность. Обсуждалось «государство», которое «фактически консервировало отжившие формы производственных отношений, руководствуясь чисто идеологическими догмами» (с. 363). В средствах массовой информации спорили об идее рынка и различных типах рыночных отношений при социализме.

Экономисты Л.И. Абалкин, Г.Х. Попов, П.Г. Бунич и другие выступали за внедрение максимально широкой модели хозяйственного расчета на основе самофинансирования, самокупаемости и самоуправления предприятий. Такой тип экономических отношений должен был превратить предприятия в субъекты рыночной экономики, действующие на основе конкуренции и рыночных механизмов определения цен. Вместе с тем хозяевами предприятий должны были оставаться трудовые коллективы, что не вело бы к изменению социалистической формы собственности (с. 386). Не столько люди и их жизнь, сколько жизнь идей интересовали диспутантов и становились условием их отваги, яркой, но косвенной по отношению к той реальности, в которой они находились, и которая всё больше требовала практического мужества – несостоявшегося, размытого текущей современностью. Самая, пожалуй, радикальная, захватывающая идея того времени – массовое внедрение частной собственности, «приватизация», которая в *воображаемом* мире идей должна была гарантировать экономическую справедливость. Однако «по прошествии многих лет обнаруживается, что в основе баснословных богатств, накопленных в ходе приватизации, лежала откровенная манипуляция общественным мнением и параллельное присвоение, вопреки существующим законам или законам чести и достоинства, ресурсов, принадлежащих государству, а также гражданам, не ведавшим о том, как защитить свое право на них» (Черныш, с. 19).

Е.А. Окладникова описывает историю позднесоветского идеологического мышления, указывая на всесторонне проявившуюся «хитроумную» мысль о преобразовании страны по чужому идейному примеру: «Реформы конца 1990-х гг. осуществлялись по зарубежным рецептам руками отечественных сторонников западных либеральных ценностей. Западные ценности, активно пропагандируемые в годы перестройки, явно заменили к тому времени советские, особенно в высших и средних

общественных слоях. На это тоже были свои основания, возрастающие близость и контакты советского и западного общества. В Россию хлынул поток западных либеральных идей. Младореформаторы, действительно, были “агентами влияния”. Основными элементами проводимых реформ были: шоковая терапия, хорошо сравнимая с “ударом дубинкой по голове”, монетаризм, заимствованный из Чикагской школы экономики, приватизация государственного хозяйства и передача его в частные руки. Всё остальное можно рассматривать как производное от этих экономических преобразований» (с. 421).

Лаголовцы были куда большими реалистами: они не жили в воображаемом мире, не думали об откате в развитии общества. Они жили фактически: на месте совхоза «Лаголовский» был создан агрогород, образующим предприятием которого стала птицефабрика. Эпоха золотых пятилеток (VII–VIII пятилетки) – это расцвет фабрики. В 1980-х началась эпоха потребительской революции. Разорение после подъема социально-экономической жизни Лаголово произошло неожиданно. Никто из работников фабрики 1980-х – начала 1900-х гг. не мог понять, как в одночасье случилось то, что случилось: была страна, была работа, была стабильность, уверенность в завтрашнем дне, было градообразующее предприятие, и все рухнуло.

Л. Чистякова: «Страна куда-то делась!» (с. 448)

Каждое поколение любит время своей молодости, но созданная жителями Лаголово производственная мощь и организация коллективной социальной жизни – то, что называется историческим культуротворчеством, – до сих пор оставляет впечатление не столько идеологически безупречной, сколько памятной истории, как «Сказание о граде Китеже и Деве Февронии». Лаголовцы были и остаются в благодарной памяти со своим деятельным пережитым. Им нравилась трудовая и психологическая атмосфера в коллективе. С воодушевлением они вспоминают о прикосновениях к большой культуре, когда для них (как для

«шефов») были открыты двери всех театров Ленинграда, и фабричный автобус доставлял их на спектакли. Предметом гордости жителей агрогорода остается Лаголовский Дом культуры, общеобразовательная школа, парк, созданный старейшим работником птицефабрики «Лаголово» В.И. Базикаловым, – березы в этом парке и тополя на аллее, ведущей от жилых домов к фабрике. Сельскохозяйственный птицеводческий комплекс в Лаголово был примером сбережения природного ландшафта. СССР для коллектива был первым государством в мире, которое обеспечивало справедливость в оценке усердия, таланта и трудолюбия простого труженика. «Руководящая и направляющая работа партии» воспринималась поселенческой общностью положительно. Образ Ленина не потускнел и положительно представлен в их сознании. Сталину некоторые из респондентов не могут простить неоправданных репрессий, но большинство описывают его эпоху как время появления новых идеалов в массовом сознании, гордости за невиданные ранее успехи страны, создание мощной промышленности, за тот авторитет, который страна приобрела в мире. Главной заслугой лаголовцы считают победу в Великой Отечественной войне. Российский народ не был баловнем судьбы, но большая доля тяжелого ручного труда птичников была оценена государством. Страна знала своих Героев труда. Лаголовцы отмечены самыми высокими наградами Родины и знали о значении своего труда: стойко и беззаветно годами трудились на фабрике, кормившей не только расположенный рядом город, но весь Северо-Запад России. Инженеры и рабочие оказались готовы к решению самых трудных задач производства и самоуправления. Непременной была нравственная совместность: лаголовцы отмечают моральные и профессиональные качества директоров советского периода – «душевность» В.В. Широкова; «профессионализм и юмор» М.С. Михайлова; «интеллигентность, профессионализм, ум, справедливость и коммуникабельность» Ю.В. Трусова; «честность и принципиальность» В.А. Рачука; «организаторский талант и

справедливость» в управлении «железной леди» Л.Н. Соловьевой. На долю В.С. Лихачева выпали «трагические годы развала фабрики». Всё это было «преодолением отчуждения» – практической ценностью не замкнутых, не «индивидуализированных», оказавшихся коллективом совокупного работника (инженеров, птичников, трактористов, работников МСБ), в их образе жизни.

Феномен Лаголово исторически был структурирован идеей «светлого будущего», но это будущее мыслилось в некотором социальном окоеме производственных усилий.

Многие ценности советского прошлого стали для лаголовцев наиболее ощутимы в настоящем. Они сравнивают свой образ жизни в советскую эпоху и вынужденные поиски занятости в городе (особенно актуальные для современной лаголовской молодежи). Никто в Лаголово не был приучен к самовосхвалению, жизненному индивидуализму. В большинстве своем они не согласны с наступлением на труд как целесообразную деятельность коллектива, и есть общий тон социальных настроений лаголовцев, осуждающих чрезвычайную степень экономического эгоизма и социального расслоения (лаголовцы не могут не видеть, что агрогород сегодня производит продукции в сотни раз меньше, чем в советское время; видны и ближайшие контексты – остановившие в 1990-х производство заводы, которые преобразованы в коммерческие учреждения; фабрики и предприятия Санкт-Петербурга и Ленинградской области, превратившиеся в торгово-перевалочные базы и т.д.). Однако социальная закалка, здравомыслие, воспитанное той жизнью, которой они жили, позволяет сохранять некую инерцию жизненного оптимизма. Сегодня основная ценность и стоимость (актив) АО птицефабрики «Лаголово» – земля. Начиная с 2013 г., уже рассматривались заявки крупных бизнесменов из Москвы на перевод части земель под жилую застройку. Генплан развития территории поселения предусматривает новое большое строительство жилья и расширение промышленной зоны – на фабричных

площадях птицефабрики «Лаголово», ориентированной на продовольственные циклы (и создание соответствующих рабочих мест для местных жителей). В Доме культуры Лаголово жителям демонстрируют перспективный план развития поселения, на котором уже нет птицефабрики – лишь комплексы малоэтажных домов; единое предприятие, как центр жизнедеятельности, исключено, но согласно планам, через 10 лет в Лаголово будут жить и работать более 20 тыс. человек (с. 452).

Монография Е.А. Окладниковой – познавательный кристалл социологического, сравнительно-исторического и этнографического анализа, сквозь призму которого оказались хорошо различимы исторические и насущные смыслы «жизненного мира» лаголовцев, личностно-экономические измерения их труда, нравственно-организационного и социального творчества. История лаголовской птицефабрики представлена в событийном единстве советской культуры – в контексте истории самосознания, отнюдь еще не написанной. Труд Елены Алексеевны – решительное, обстоятельное начало, заметный шаг в этом направлении.

Литература

Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: очерки теории градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

Луман, Н. Власть / пер. с нем., авт. послесл. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2001. 250 с.

Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 544 с.

Файнбург, З.И., Козлова, Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1982. 139 с.

Файнбург, З.И., Козлова, Г.П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность: мемориальное издание. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 351 с.

Черныш, М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах //

Социологические исследования. 2018. № 5. С. 15-25.

References

Boltanski, L., Thévenot, L. (2013), *Kritika i opravdaniye spravedlivosti: ocherki teorii grada* [Criticism and justification of justice: essays on the theory of towns], New Literary Review, Moscow, Russia (in Russ.).

Luman, N. (2001), *Vlast' [Power]*, Praxis, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Roy Ladurie, E. (2001) *Montayyu, oksitanskaya derevnya (1294-1324)* [Montaillou, Village Occitan de 1294 a 1324], Publishing House of the Ural University, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Fainburg, Z. I. and Kozlova, G. P. (1982) *Dialekticheskaya logika politicheskoy ekonomii sotsializma* [The dialectical logic of the political economy of socialism], Saratov University Press, Saratov, Russia (in Russ.).

Fainburg, Z. I. and Kozlova, G. P. (2013) *Kollektivistskoye obshchestvo. Ideal. Teoriya. Real'nost': memorial'noye izdaniye* [Collectivist society. Ideal. Theory. Reality: Memorial Edition], Publishing House of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (in Russ.).

Chernysh, M. F. (2018) Marxism in the global and Russian contexts, *Sociological Studies*, 5, 15-25 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Парамонова Светлана Павловна, доктор философских наук, профессор, кафедра социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Комсомольский пр., д. 29, г. Пермь 614990, Россия; spp45@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Svetlana P. Paramonova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russia; spp45@mail.ru

УДК 070

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-9

Вукчевич Н.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ЛИТУРГИИ КАК ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРЯДА В КНИГЕ МАРИЯНЫ АЙЗЕНКОЛ «ЦЕРКОВЬ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ МЕДИА (ЛИТУРГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА, ПЕРФОМАТИВНОСТЬ И МЕДИАИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ)»

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород 308012, ул. Костюкова, д. 46, Россия; nemanja.vukcevic75@gmail.com

Аннотация. Данная работа представляет собой анализ исследования сербского ученого Марияны Айзенкол, нашедшего отражение в ее книге «Церковь перед вызовами медиа (литургическая символика, перформативность и медиа-интерпретация римско-католического богослужения)». В первой части своей книги автор, основываясь на анализе соответствующих официальных документов, рассматривает исторические этапы, которые Церковь прошла в ходе формирования своего отношения к средствам социальной коммуникации. С момента появления современных технических средств они рассматриваются как более быстрый и простой способ проповеди, по аналогии с архаичной миссией миссионеров. Но задача, на самом деле, гораздо сложнее, потому что требуется найти способ внедрения Евангелия в новую культуру, культуру СМИ, Новую эру, как называют ее в церковных документах, которая сама по себе уже существует. Вторая часть книги дает толкование знаков и символов римско-католической литургии (вода, масло, шествование ...) и ее семиологический анализ. Основной вопрос, который автор задает, заключается в том, может ли зритель литургии через средства массовой информации стать в полном смысле ее участником.

Ключевые слова: церковь; СМИ; социальные коммуникации; перформанс; перформативность

Для цитирования: Вукчевич Н. Телевизионная трансляция литургии как поиск новой парадигмы обряда в книге «Церковь перед вызовами медиа (литургическая символика, перформативность и медиа-интерпретация римокатолического богослужения)» Марияны Айзенкол // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 84-90. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-9

N. Vukchevich

TELEVISION BROADCAST OF THE LITURGY AS A SEARCH FOR A NEW PARADIGM OF THE RITE IN THE BOOK “THE CHURCH BEFORE MEDIA CHALLENGES (LITURGICAL SYMBOLISM, PERFORMANCE AND MEDIA INTERPRETATION OF ROMAN CATHOLIC WORSHIP)” BY MARIJANA AYZENKOL

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod 308012, Russia; nemanja.vukcevic75@gmail.com

Abstract. This work is an analysis of the scientific field of interests of the Serbian scholar Marijana Ayzenkol, which is reflected in her book “The Church before Media

Challenges (liturgical symbolism, performance and media interpretation of Roman Catholic worship)”. In the first part of her book, the author, based on an analysis of relevant official documents, examines the historical stages that the Church went through in the process of shaping its attitude towards social communication. From the moment of the emergence of modern technological means, they are viewed as a faster and easier way of preaching, and analogies are to the archaic mission of the missionaries, but the real challenge is, in fact, much greater because you need to find a way to introduce the Gospel into a new culture, the culture of the media, the New Age, as they call it in church documents, which in itself already exists. The second part of the book provides an interpretation / explanation of the signs and symbols of the Roman Catholic liturgy (water, oil, walking ...) and its semiological analysis. The main question that the author asks is whether the spectator of the liturgy through the mass media can become a participant in the full sense of it.

Key words: Church; Media; Social communication; performance; performativity

For citation: N. Vukchevich (2019), “Television broadcast of the liturgy as a search for a new paradigm of the rite in the book ‘The Church before media challenges (liturgical symbolism, performance and media interpretation of Roman Catholic worship)’”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5(3), 84-90, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-9

Марьяна Айзенкол окончила Природно-математический факультет государственного Белградского университета по специальности «Математическая теория», рецензировала множество книг и учебников по математике, является автором «Математического календаря» – оригинального сборника задач по математике и информационно-математического проекта, который презентовала публике на выставках и посредством журнальных публикаций. С докладами «Существование и бесконечность в монодраме “Урок математики”», «Урок математики как драма в трех частях», «Мысль, пойманная движением» участвовала в Международном математическом конгрессе в Нови-Саде в 2008 г. В 2010 г. на Фестивале монодрамы и пантомимы и на фестивале ВІТЕФ-Polifoniji она показала свое математическое игровое представление «Жизнь в трех равных картинах „A“, „U“ i „AU“», а в 2011 г. – игровое представление «Система координат или поймай бесконечность». В 2000 г. стала идейным вдохновителем и единственной женщиной, сотрудничавшей со священнослужителями в создании Межрелигиозного центра. Марьяна Айзенкол является организатором

множества открытых лекций, концертов и встреч, связанных с духовной темой, а также составителем Межрелигиозного календаря, который содержит информацию о праздниках и их значении с формами поздравлений для всех монотеистических религий в Сербии. Книга «Церковь перед вызовами медиа» стала синтезом личного участия в общественных коммуникациях и перформанса *in vivo* с обзором современной теории медиакультуры (Айзенкол, 2011).

Стремление математики постичь смысл бесконечности во многом схоже с мистическими попытками постичь Бога. И религия, и математика пытаются перевести на язык символов взаимосвязи между людьми, космосом и бесконечностью. И религия, и математика оперируют тайными знаками, ритуалами и непостижимым языком. И религия, и математика расширяют горизонты нашего сознания и заставляют нас мечтать. Математики, как и священники, находятся в поиске «идеальных», постоянных, нематериальных истин, а часто решаются применять эти истины и в реальном мире – мы можем рассматривать это как некий вид перформативности. Так,

например, в своей работе «Разум и вера. Вечная взаимосвязь» Эдвард Ротштейн говорит о том, что вера вдохновляла Ньютона и Кеплера, как и многих других ученых и математиков, на триумфальные открытия. По его словам, «убежденность в существовании определенного порядка вещей и в том, что разум способен постичь этот порядок, не допускающий бесконечного количества, – такая убежденность у ученого может включать в себя элементы веры» (Ротштейн, 2003).

В первой части книги автор на основе официально опубликованных документов рассматривает исторические этапы, которые Церковь прошла в своих взаимоотношениях со СМИ. В самом начале Церковь, приняв язык и понятия греко-римской культуры, которую застала, приняла и ее средства коммуникации. В Средние века, благодаря Альберту Великому и Фоме Аквинскому, Церковь продолжила диалог с новыми видами коммуникаций, признавая «земную реальность» новых наук, основанных на рациональном (*ratio*). С того момента берет свое начало секуляризация вместе с протестантской идеей об излишестве институционального посредничества (особенно в толковании Библии), что в качестве результата привело к формированию негативного отношения к новым медиа, которые возникали последовательно – пресса, радио, телевидение.... Поэтому Церковь только в 40-х годах XX века распознала значение возможностей воспитательной функции медиа, и это привело к тому, что на II Ватиканском Соборе (1965 г.) произошла окончательная смена парадигмы «Церковь противопоставляющаяся миру» новой парадигмой «Церковь в мире». Тогда же в рамках Папского совета по массовым коммуникациям была основана и Пресс-служба Святого Престола и установлен День СМИ (24 января, в день Святого Франциска Сальского). С этого момента современные технологические средства рассматриваются как быстрый и легкий способ проповедования и соотносятся с архаичным путем миссионера. Однако вызов, брошенный

Церкви современностью, на самом деле намного выходит за технологические рамки, так как требует поиска способа встраивания *Евангелия* в новую медиакультуру, которая сама по себе уже представляет *Новое время*, как его именуют в церковных документах.

Вторая часть книги содержит интерпретацию или объяснение знаков и символов римско-католической литургии (вода, масло, шествование...) и их семантический анализ. В этом контексте автор определяет литургию как «знание и умения, посредством которых знаки христианского богослужения необходимо донести до народа» (Айзенкол, 2011). Расшифровка знаков и обрядов является результатом опыта Церкви, что говорит о том, что их самопроизвольное изменение привело бы к потере точности передачи того, что они собой представляет. Ошибочно было бы считать знаки священными сами по себе, но исключительно важно, чтобы они были священными из-за их использования Церковью, так как «ни одна вещь не является знаком сама по себе, но только тогда, когда является средством взаимопонимания». Во времена технического прогресса и быстрого развития новых технологий актуальным становится вопрос о восприятии «священных» знаков. Автор задается вопросом: «притупились» ли человеческие чувства для их принятия и понимания, или, с другой стороны, этот «потоп» из знаков в клиповой культуре принуждает человека задуматься об их смысле? Другой проблемный вопрос, является ли собственное существование литургических предметов носителем значения или литургические предметы придают значение сопутствующим знакам?

По собственному опыту и мнению Марьяны Айзенкол, условие общности, смысл чего заключается в литургии Христа, не может быть достигнуто с помощью посредничества медиа, что приводит к выводу о том, что телевизионная литургия литургией не является. Информационное свойство литургии (знание языка литургии, структуры и содержания самой службы,

знание того, что отмечается обрядом, «правила поведения») отличается от его перформативного свойства по преобразению мира событием, которое создают и участники. Литургия преобразует человека в «новое создание», что является настоящим вызовом для медиа и медийной культуры, а именно, привносит «сохранение литургической формации, которая открывает верующего единственной и незаменимой перформативности литургии, в результате чего событие превращается в переживание». Другими словами, как зритель литургии посредством медиа может в полном смысле слова стать ее участником? Как от информации (маргинальной формы опосредования) перейти к формации и перформативно ее превзойти литургией?

Понятийный аппарат, в частности, термины перформанс и перформативность Марьяна Айзенкол в основном берет у Ричарда Шекнера (Richard Schecner) (*Interculturele puzzels*, 2002), Виктора Тернера (Victor Turner) (Тернер, 1983), Филлипа Зарилли (Phillip Zarrilli) (Zarrilli, 2009), Майкла Кирби (Michael Kirby), Марвина Карлстона (Marvin Carlston), Джона Маккензи (John McKenzie), Марка Фортиера (Mark Fortier) (*Cambridge Guide to American Theater*, 1993), Клиффорда Гирца (Clifford Geertz) (Елфимов, 1992), Патрика Пависа (Patrice Pavis) (Pavis, 1982), и других, кто посредством театральных форм интерпретировал ритуализованную общественную жизнь.

Перформанс как категория построен на обобщении непрерывного совершения ранжированных ритуалов, игр, спортивного, исполнительского искусства, в котором выделяются социальные, родственные, классовые и другие роли, а также разных репрезентаций и конструкций мероприятий в медиа и в Интернете. Исполнение или поведение, которое характеризуется «осознанием исполнения», приближает концепцию перформанса к институциональным практикам, а в их числе и к литургии. Это особенно заметно у Ирвинга Гоффмана (Erving

Goffman), который культурный перформанс рассматривает через три роли: актер, который представляет себя воплощенным в персонаж; другие актеры, представляющие других персонажей; в то время как публике отводится третья, имеющая существенное значение для всего спектакля роль, которой вне этого спектакля не могло бы быть (Гоффман, 2004). В реальной жизни эти три роли сводятся к двум. Роль, которую играет индивид, соответствует ролям, которые играют и все остальные, но эти остальные одновременно являются и публикой. Исходя из анализа перформанса и перформатива Герберта Маркузе (Штейгервальд, 1971), Жана-Франсуа Лиотара (Трыков, 2012) и Джудит Батлер (Батлер, 2005), Джон Маккензи понимает культурный перформанс как многослойное понятие, которое он рассматривает сквозь призму институционального перформанса, технологического перформанса и культурного перформанса, через конкретные перформанс-блоки, т.е. дискурсивные перформативы или овеществленные перформансы (*Cambridge Guide to American Theater*, 1993).

Перформативная сила литургии состоит в том, чтобы быть исполнителем/участником действительности с целью преобразить мир, – таким образом литургия преобразует личность. Перформативная сила литургии, как божественная, преодолевает границы материальной формы и дарует спасение. Дух литургии доверен форме, а форма по символической динамике производит отношения, посредством которых верующий переходит в состояние «жизни во Христе» – жизни, которую видит, слышит и в которой пребывает. Исследовательский вопрос заключается в том, могут ли медиа, не сотрудничая с Церковью, донести эту реальность, т.е. включить / привлечь верующего в литургическую формацию, что было бы литургической реформой в этом смысле? Вызов медиа и медиакультуры в данном контексте является проблемой секуляризации. Логика исполнения и символика отношений, кото-

рыми События превращаются в Переживания, являются большим вызовом и для Церкви, и для медиа, и ответ на него во многом зависит от их сотрудничества.

В контексте интерпретации литургии автор формулирует новые вопросы. Если рассматривать телевизионный перевод литургии, то кто является переводчиком? И не представляет ли он опасность, а вместе с тем и новый вызов в предвидении различных нюансов, индикаторов осуществления интеракции? Литургию необходимо рассматривать как процесс, а не статичную сущность, и посредством усиления сотрудничества в сфере медиаобразования и теологического образования возможно обеспечить такое качество, что зритель не будет ущемлен по сравнению с непосредственным участником. «Литургический перевод» означал бы избежание индивидуального вольного толкования значений. Например, во время литургии вознесение священником рук к небесам означает устремление к Богу, открытость к принятию и желание принятия Бога в себя, и ничего другого. С другой стороны, Иисус будет в литургии называться *Спасителем*, но даже когда это объясняется / поясняется индивиду, который сам не размышляет подобным образом, это для него ничего не значит. Посредничество медиа дополнительно усложняет (а вместе с тем и становится большим вызовом) литургический перевод, т.к. объединенные в аудиторию широкие слои общества разделены: на религиозные сообщества, которые имеют один и тот же „переводческий аппарат“ и между собой разделяют личные отношения, и на публику, которая присутствует тут ради нескольких целей (уважение традиций, научно-исследовательская цель и т.д.), но ей самой не до конца ясно, что на самом деле происходит. Принимая во внимание точку зрения Дагласа Келнера о том, что медиакультура предлагает основы для создания идентичности (Kellner, 1995), автор отмечает, что имеет место страх, тревожность и сдержанность в медийном переводе всего христианства на понятный «новый язык».

Роботизация повседневного мира человека, перенасыщенность информацией с одной стороны, и концентрация информационного контроля в руках нескольких контрагентов с другой являются рисками, которые обуславливают недоверие священнослужителей к «клиповой культуре». Поэтому отношение Церкви к медиа, каким бы оптимистичным оно ни выглядело, и несмотря на открытость духовных лиц, всё-таки даже отдаленно нельзя назвать простым. Триумф цифровизации радикально меняет способ коммуникаций и часто способствует только поверхностному знакомству. Медийное высказывание Церкви часто само стоит на службе традиции и фольклора, поскольку доступность глубокого теологического знания, его медиация современным способом для современного человека – намного более сложная задача, являющаяся вызовом. Необходима новая обоюдная медиаграмотность, уделение внимания и обучению священников работе с медиа, и открытости медиа для правильной инкультурации христианства. С этой целью автор в конце книги дополнительно публикует синопсис святой мессы и разъяснение ее символики.

Ценность представленной книги заключается в фокусировании внимания на теме, которую мы редко встречаем в академическом дискурсе, а еще реже – в дискурсе общественном. Цифровизация ознаменовала собой четвертую индустриальную революцию, оказавшую на мир, в котором мы живем, огромное влияние, масштаб которого нам еще предстоит понять. Отношение церкви к новому состоянию обусловлено этой «теле-ре-эволюцией» и ставит перед нами множество вопросов. Один из них – возможность медийного, т.е. цифрового, опосредования литургии; еще более важный – может ли цифровой перенос обеспечивать общение индивидуума с Богом, что является целью литургии. Марьяна Айзенкол полагает, что ответ на данные вопросы отрицателен, однако церкви необходимо найти ответы на вызовы медиа, т.е. на

вызовы Новой эры, ознаменованной четвертой индустриальной революцией. И, хотя речь в ее исследовании идет о католическом богослужении, очевидно, что остальные религии и церкви так же сталкиваются с подобными проблемами, и что универсальный ответ в этой связи еще не найден. Книга М. Айзенкол стимулирует дальнейшую работу в рассматриваемом направлении. В развитие темы мы также можем поднять вопрос о том, нужно ли в свете современного процесса менять медийный инструментарий (как это предлагает автор в одной из частей своей книги), или мы можем ожидать появления интегрированных внутри самого человека технологических средств приема медийного содержания, что обеспечило бы ему восприятие или симуляцию восприятия религиозного переживания.

Литература

Айзенкол, М. Церковь перед вызовами медиа (литургическая символика, перформативность и медиа-интерпретация римско-католического богослужения). Земун: Most Art, 2011. 114 с.

Батлер, Дж. Лакан, Ривьер и стратегии маскарада // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970 – 2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 422-441.

Штейгервальд, Р. «Третий путь» Герберта Маркузе / Пер. с нем. А.Д. Попова и В.М. Родина. М.: Международные отношения, 1971. 338 с.

Гоффман, И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагина, и др.; пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 750 с.

Елфимов, А.Л. Клиффорд Гирц: Интерпретация культур // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 144-150.

Ротштейн, Э. Разум и вера. Вечная взаимосвязь // Нью Йорк Таймс. 20 декабря, 2003.

Тернер, В. Символ и ритуал. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1983. 277 с.

Трыков, В.П. Формирование теоретической модели современной высшей школы: постмодернистская концепция высшего обра-

зования Жана-Франсуа Лиотара // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3 [Электронный ресурс] URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Trykov_Lyotard-Conception-Higher-Education/ (дата обращения: 08.09.2019).

Interculturele puzzels: Richard Schechner en het theater in de 21e eeuw / Kees Epskamp a.o., eds. Utrecht: PasseurPartout, 2002.

Kellner, D. *Media culture: Cultural studies, identity and politics between the modern and the postmodern.* London and New York: Routledge, 1995. 357 pp.

Patrice Pavis, *Languages of the Stage: Essays in the Semiology of Theatre.* New York: Performing Arts Journal Publications, 1982. 206 pp.

The Cambridge Guide to American Theatre. Edited by Don B. Wilmet and Tice L. Miller. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 548 pp.

Zarrilli P.B., *Psychophysical acting: an intercultural approach after Stanislavski.* London: Routledge, 2009. 272 pp.

References

Azenkol, M. (2011), *Tserkov' pered vyzovami media (liturgicheskaya simbolika, performativnost' i media-interpretatsiya rimo-katolicheskogo bogoslužheniya)* [Church in front of media challenges (liturgical symbolism, performativity and media interpretation of Roman Catholic worship)] Most Art, Zemun, Serbia (in Serb.).

Butler, J. (2005) "Lacan, Riviere and the strategies of masquerade", *Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970—2000* [Gender theory and Art. Anthology: 1970-2000], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Elfimov, A.L. (1992), "Clifford Geertz: The Interpretation of Cultures" *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 144-150.

Goffman, E. (2004), *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the Organization of Experience], Translated by Bumagin, R.E., Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.).

Interculturele puzzels: Richard Schechner en het theater in de 21e eeuw (2002), in Kees Epskamp a.o. (ed.), PasseurPartout, Utrecht, Netherlands.

Kellner, D. (1995), *Media Culture: Cultural Studies, Identity and Politics Between the Modern and the Postmodern*, Routledge, London, UK.

Pavis, P. (1982), *Languages of the Stage: Essays in the Semiology of Theatre*, Performing Arts Journal Publications, New York.

Rothstein, E (2003), "Reason and faith. Eternal relationship", *New York Times* (December 20).

Steigervald, R. (1971), "Tretiy put" *Gerberta Markuze* ["The Third way" by Herbert Marcuse], translated by Popov, A.D., Rodin, V.M., *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia (in Russ.).

The Cambridge Guide to American Theatre (1993), in Wilmeth, D.B. and Miller, T.L. (ed.), Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Trykov, V. P. (2012), "Formation of a theoretical model of modern higher education: Jean-Francois Liotard's postmodern concept of higher education", *Knowledge. Understanding. Skill*, 3 [Online] URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Trykov_Lyotard-Conception-Higher-Education/ (Accessed 10 August 2019) (in Russ.).

Turner, V. (1983), *Simvol i ritual* [Symbol and ritual], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Zarrilli, P. B. (2009), *Psychophysical Acting: an intercultural approach after Stanislavski*, Routledge, London, UK.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Вукчевич Неманя, магистр, аспирант, Институт сербского языка и коммуникаций, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород 308012, ул. Костюкова, д. 46, Россия; nemanja.vukcevic75@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Nemanja Vukcevic, Master, Postgraduate Student, Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia; nemanja.vukcevic75@gmail.com